

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал
Харьковского отделения Союза писателей России

Том 13
2012

ХАРЬКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ганичев В.Н. — председатель Правления Союза писателей России, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии, доктор исторических наук, профессор.

Котькало С.И. — сопредседатель Союза писателей России и Духовно-просветительского центра имени святого праведного Феодора Ушакова. Член бюро Президиума Всемирного русского народного собора.

Скворцов К.В. — секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель — А. Г. Романовский

Главный редактор — Л. И. Мачулин

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.

Переписка с читателями по усмотрению редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru

тел./факс +38 (057) 700-40-25

ПОЭЗИЯ

Ирина ЧУПИС
КОЛОВОРОТ

* * *

Под стать категорической зиме
С ее неумолимым приговором
Деревьям соки запереть во тьме
Подземных коридоров под надзором
Сурового Мороза, чья рука,
В лесу и в поле наводя порядок,
Рассыпала алмазные снега —
Восторг для очарованного взгляда, —
Под стать алмазам тем в душе у нас
Растут кристаллы правильных решений,
И неба голубой январский глаз
Сияет в мириадах отражений.

* * *

Сияет в мириадах отражений
Диск солнца, если он не затемнен,
Не скрыт под облаками раздражений
Правлением Мороза, тем, что он
Поработил природу и стремится
Живое сделать мертвым. Вот тиран!
Наотмашь в отмороженные лица
Бьет снежный вихрь, заносчивый смутьян,
И нас выводит из оцепененья,
Чье место занимает маята, —
Метельное февральское смятенье,
Предвестие весеннего бунта.

* * *

Предвестие весеннего бунта
В доносах ветра, что тепло все ближе.
Уходят в ночь большие холода,
А солнце днем мороженное лижет,
Освобождает травы и асфальт,
Весенним светом пробуждает души.
Затеял бунт непостоянный Март,

Гуляя то с Теплынью, то со Стужей,
Плодит ручьи. Осевший снег прорыв
И обнажив земли замерзшей щеки,
Ведут освободительный прорыв
Веселые и мутные потоки.

* * *

Веселые и мутные потоки
Счастливых ожиданий потекли,
Волшебные, целительные соки
Наполнили артерии земли.
До каждой почки добрались неслышно,
Все родовые отперли пути,
И травы, и листва без передышки,
Неудержимо принялись расти.
Взошли фиалки и адонис нежный,
Насвистывает песенки скворец,
Меняя разноцветные одежды,
Апрель готовит землю под венец.

* * *

Апрель готовил землю под венец
С наследником своим, румяным Маем,
И светом поцелуев осыпает
Невесту Май — любовник и творец.
Слышны повсюду свадебные песни,
Писк комара, пчелиные альты,
Для всех, кто обитает в поднебесье,
Распахнуты душистые цветы.
И так же сердце смело, вдохновенно
Открыто в ожидании любви.
К ее неизъяснимым наслаждениям
Ночами призывают соловьи.

* * *

Ночами призывают соловьи
К себе подружек милых. Но слабей
И реже раздается зов любви,
Смолкая с наступленьем жарких дней.
Июнь приносит первые плоды:
Скирдует травы в пышные стога,
Отягощает фруктами сады,
Румянит земляничные бока.

Как славно, растянувшись на траве
И разомлев от солнечных оков,
Следить за тем, как в бледной синеве
Меняются фигуры облаков.

* * *

Меняются фигуры облаков
От ветра беспокойного, Но он —
Небесный пастырь водяных паров —
Жарой июля часто утомлен.
Зной множит в небе тучные стада,
Высасывая соки из земли.
Она изнемогает. И тогда
Все начинает о дожде молить.
Мрачнеет небо, глядя на погост,
Им созданный, и дарит грозовой,
Прохладный дождь и радугу: как мост
Согласья между небом и землей.

* * *

Согласье между небом и землей
Имеет урожайные приметы:
Они на поле значатся скирдой,
А в закромах жилищ — плодами лета.
Еще на ветках яблоки видны,
Еще не все достигло совершенства,
Но главные труды завершены.
И солнце дарит райское блаженство.
Свет в августе! Янтарный твой разлив,
Как золотой поток в незримом беге,
От знойных стрел себя освободив,
Склоняет к созерцанию и неге.

* * *

Склоняет к созерцанию и неге
Благое солнце, озаряя нас.
Однако часто облачные веки
Подолгу закрывают светлый глаз,
Который, утомившись от работы,
Все сокращает беспокойный день
И, не борясь с дождливою погодой,
Торопится уйти в ночную тень.

Сентябрь, раздав плоды, доволен тем,
Что кончились потуги созиданья.
Самодовольство и отход от дел —
Обычные приметы увяданья.

* * *

Обычные приметы увяданья
С невольной грустью каждый замечал.
Но затевает солнце на прощанье
Пленительный октябрьский карнавал
Деревьев, разрисовывая кроны
Неотразимой краской огневой,
И превращая жухлый лист зеленый
В багровый, желтый, красный, золотой.
Светило, за землю наблюдая
И улыбаясь в яркой синеве,
Свои портреты нам на память дарит,
Лучами расписавшись на листе.

* * *

Лучами расписавшись на листе,
Устало ненаглядное светило.
Последний вальс у листьев в ноябре.
Дождливая погода зачастила,
Нас разлучив с землей. В преддверье вьюг,
Когда над пашней только гвалт вороний,
Душе, как птице, хочется на юг,
Чтоб чувствовать себя не посторонней.
Живых существ по норам развела
Холодная погода дождевая.
И сладок сон, и хочется тепла
Зимой, когда нас лень одолевает.

* * *

Зимой, когда нас лень одолевает,
Природа, от которой не сбежишь,
Количество движенья сохраняя,
Раскручивает внутреннюю жизнь,
Чьи отблески виднеются на лицах,
Украшенных морозом декабря:
Веселый свет из юных глаз струится,
И на щеках румянец, как заря.

А старческие губы сжаты строго,
На них прошедшей жизни резюме,
Ее неумолимые итоги —
Под стать категорической зиме.

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО

ТРОЕ ИЗ НАШЕГО МИКРОРАЙОНА*

«Ты дрянь ... Я люблю тебя, гадину!...»

М.Булгаков

1.

605-й микрорайон самый отдаленный от центра. И самый большой в городе. Павловка... Называли его еще «ночлежкой», так как на Павловке, кроме магазинов, детских и школ, не было ничего такого, где можно было бы людям работать. Обитатели сего района каждый божий день чуть свет живым потоком устремлялись на службу в сторону старого года. Тащились в до отказа переполненных троллейбусах, трамваях, автобусах. А вечером наперегонки в обратный путь. На ночлег. Утром человек выходит из дому как человек, чисто и аккуратно одетый, а домой возвращается, словно с хорошей потасовки: расхристанный, взмокший, обувь затоптана, галстук на плече, пуговица выдрана с «мясом» чьей-то авоськой.

Для стороннего человека все микрорайоны на одно лицо, и дома в них близнецы. Для тех, кто тут живет, тем более, кто здесь родился, его микрорайон – маленький отдельный городок с вполне определенным своим лицом, только ему присущим особенностями, приметам и, если хотите, достопримечательностями. Свои дома их обитатели различают без труда. У каждого дома тоже свое лицо, можно сказать, характер и даже имя. Так, например, известна на весь микрорайон «Китайская стена» – девятиэтажный длинный дом во весь квартал. В первых его этажах ютятся магазины, кафе, всяческие мастерские, «Салон красоты», от которого разит парфюмерией, и маленький пивной ресторан «Янтарь», где дольше всего горят наглухо зашторенные окна.

* Василий Омельченко завершил работу над трилогией «Жизнь моего современника». Первая книга под названием «Последние свидетели войны» опубликована в 2012 году, вторая — «Марафон надежд» и третья — «Доля людская» ждут своего издателя. Вниманию читателей журнала предлагаем главы из второй книги трилогии.

«Китайская стена» знаменита сквозняками, она стоит на пути северного ветра, мужественно заслоняя собой весь микрорайон, и в непогоду насквозь пронизывается стужей. По этой причине сюда редко кто идет при обмене квартир.

На Павловке есть и подрайоны, участки со своими, нигде не записанными названиями, неизвестно когда и кем данными. Крест – перекресток, на котором случается больше всего аварий. Пятак – ничем не застроенное место, предназначенное для будущего огромного киноконцертного зала, где пока ребята играют в футбол, жгут костры, а пенсионеры выгуливают собак. Старуха – старое Павлово поле, с коренастыми двухэтажными домами и заядлыми пацанами. Бродвей – улица имен 23-го Августа, названная так в честь дня освобождения города от фашистов, самая широкая, самая многолюдная и шумная. И самая молодежная. Вечерами тут, когда родители уткнутся в телевизоры, хозяйева – девчонки и мальчишки. Гурьбой и парами, самозабвенно жуя жвачку, в обнимку фланируют они по еще не стершимся бетонным плитам тротуара, переговариваются, перекрикиваются, обмениваются новостями, кассетами своих кумиров, знакомятся, выясняют отношения, громко хохочут, смачно плюют, хрипло поют, брэнча на гитарах, взрывают затихающую улицу ревом транзисторов, магов и мотоциклов. Все курят, многие пьют, некоторые глотают таблетки – «колеса», что-то нюхают, а кое-кто еще и колется.

Венчает «Бродвей» огромный, в рост двенадцатизэтажек, бронзовый памятник воину-освободителю с ликующе вскинутым над головой автоматом: Победа! Великана-солдата ребята по-братски нарекли Иваном – им тоже всем предстоит в свое время взять в руки автомат... А может, и взойти на пьедестал. Как знать...

По бокам Ивана, будто охраняя память тех суровых дней, стоят, растопырившись, две зеленых пушки с тонкими и длинными стволами. Днем возле них возятся малыши, с замиранием сердца заглядывая в таинственные, когда-то извергавшие смерть жерла. Вечерами ребята постарше сидят, покачивая ногами, на лафетах, открывают о сталь пепси-колу и пиво и провожают будто бы безразличными взглядами проходящих мимо девчонок. Хорошо сидеть на пушке, которой навсегда заказано стрелять.

Одна из девчонок района по имени Ксюша ни в одну из своих пятнадцати весен не чувствовала себя так неопределенно и тревожно. Все, казалось, было у нее нормально. Ну, если не считать там сколько-то двоек да кучу

троек, которые не особенно ее и беспокоили. Беспокоило другое. Она ловила себя на том, что каждое утро просыпается с тяжестью на душе и непонятной тревогой. Может, весна такая. На солнце магнитные бури бушуют. Животные нервничают, люди болеют. Температура прыгает, как бешеная: ночью десять градусов мороза, днем до двадцати тепла. Почки уже на деревьях набухли. Трава на газонах ползла, зеленая и буйная. Днем по-летнему печет солнце, от асфальта и земли исходит такой дух, что кружится голова и трудно дышать. Андрей реже пишет. Да и она отвечает далеко не сразу, не помнит вот, отвечала ли на его последнее письмо. И от этого тревога. Алексей, ее новый знакомый, какой-то бешеный стал, точно – Леший. Такая у него кличка – Леший.. И интересно с ним и – страшно. Внутренний голос подсказывает: не надо, не общайся с ним. Ни к чему хорошему это не приведет. Да и подруги говорят. Может, завидуют? Хотя, чему тут особенно завидовать, парень как парень. Она старалась принизить его в своих глазах, но это у нее не получалось. Чем-то он притягивал. У него ей интересно. Куда интереснее, чем в школе. Ей казалось, что он один ее понимает. И кажется, любит. И этой весной ей однажды пришло в голову, что и она его любит. Может быть, любит. Но разве, говорила она себе, можно любить сразу двоих?

Ксюша не знала, что людям свойственно, особенно в ее возрасте потребность любить иногда принимать за любовь истинную. Это был именно тот случай, когда настоящей любви еще не было, а была лишь потребность кого-то любить. Кого-то... Сперва был Андрей. Теперь – Леший. Любовь, или, так сказать, любовь по принципу: кто ближе, кто рядом. Больше везет тому, кто в это время окажется рядом. Будь сейчас рядом Андрей, она бы больше думала о нем. И так же ждала бы от него звонка, как сейчас вечерами ждет звонка Лешего. И когда он долго не звонит – становится тревожно.

А еще тревожнее становилось, когда они оставались с Алексеем наедине. С некоторых пор, точнее, с того дня, как она впервые случайно взяла в руки тот журнал, что, как говорил Леший, «не для нее», как, сгорая от любопытства и стыда, пожирала глазами фотографии, о которых раньше слышала, но никогда не видела. Перед ней приоткрылась завеса тайного и запретного. Она и пугала, и притягивала. В книгах теперь ее больше интересовали те страницы, где были интим. В кино она старалась ходить на те фильмы, на которые еще год ходить ей было не положено. На каждом

шагу теперь она встречала в городе те афиши, мимо которых раньше проходила равнодушно. «Авангардно-эротический театр мод... костюмы для смелых женщин и любопытных мужчин от макси до мини и от мини до бикини. Участвуют победители конкурсов «Московская красавица», «Мисс-фото» и «Мисс-эротика». «Всесоюзный конкурс эротического фото». «Тайны восточного секса». Очередь стояла во весь квартал, в основном мужчины. Когда она, Ксюша, проходила мимо этих людей с потупленными взорами, ей делалось стыдно, так стыдно, будто она шла ни в чем. Такими глазами смотрели на нее мужчины. И теперь она понимала, что когда на нее смотрят мужчины, они видят ее всю. И не только видят. Видит ее всю и Леший. А если откровенно-преоткровенно – и она его тоже как-то представляет. Однажды он ей даже приснился таким, каким она его иногда представляла, когда об этом думалось. Она избегает думать об этом. Понимает, что нехорошо думать об этом. И ловит себя на мысли, что думать об этом приятно и что думает об этом она чаще и чаще. Поэтому и старается не оставаться наедине с Лешим. Как только друзья его уходили, и она тут же – за ними. Хотя иной раз, если не всегда, было желание побыть еще. Однако она силой выводила себя из его комнаты. И не знала, правильно ли делала. Разум говорил: правильно, молодец. А другой голос, тревожно-трепетный, насмешливо вздыхал: эх ты, дуручка, зачем живешь?

Наверное, больше всего тревожно было на душе именно от этого вот все чаще и чаще навещавшего ее вопроса: зачем живешь? А после него – и полный неопределенности другой вопрос: как надо жить?

И опять-таки, она любому могла бы сказать – как надо. А сама не знала – как. Отсюда, и смятение. Правда, когда у Лешего покурит сигарет с травкой или сделает укольчик, то всякие тревоги мигом отлетают в сторону, на душе становится умиротворенно, уютно, мир кажется комфортным, веселым и добрым.

Но такие праздники были у нее не каждый день. И она понимала: хорошо, что не каждый. Нельзя каждый день. Потом так не по себе бывает, что даже думаешь: больше никогда этого делать не надо, хватит. Проходило время, и мысли менялись: немножко можно...

В каждом человеке сидит привилегированная личность: этому нельзя, тому нельзя – никому нельзя, а мне можно, немножко, самую малость... Ксюша была такой, как все. Пожалуй, даже считала себя более привилегированной, чем другие, она все же красивее других. Стало быть, ей и кое-

что позволительней, чем другим.

Сегодня она находилась в том особенном состоянии, когда стрелка внутреннего барометра от шкалы со словами «нельзя», «не надо» передвинулась к «можно», «немножко», «самую малость». Уроки не шли в голову. В голове сидела мысль: хотя бы позвонил Леший. Можно было бы и самой позвонить, но лучше, когда звонит он. Почти тут же раздался звонок, и Ксюша обрадовано вздрогнула: «Леший!». Пока она шла к телефону, на всякий случай подумала другое: «Нона звонит...». Сказала это себе мысленно, для того, чтобы меньше разочароваться, если звонит действительно Нона. Последнее время интерес к разговору с подругами у Ксюши незаметно и непонятно почему поубавился: пустая болтовня... Звонил он.

- Покататься хочешь?
- На чем?
- На мотоцикле.
- Хочу!

2.

...Одну за другой Алексей настигал машины. И «москвичи», и «нивы», и «жигули», и «волги» и даже иномарки мелькали, убегая назад, как недвижимые.

- Не надо так быстро, Алексей!
- Почему?
- Милиция задержит!
- Пусть попробуют!
- А что ты сделаешь?
- А вот что!.. – мотоцикл рванулся еще быстрее, свет в окнах домов слился в одну широкую цветную полосу, в лицо ударил ветер.
- Ну, даешь!
- Разве это «даешь»? Вот выедем за город – там отведем душу...
- А может, хватит?
- Ты ж хотела покататься... Держись крепче!

Обхватив Алексея вокруг пояса мертвым кольцом, Ксюша приникла щекой к его спине и уже немного пожалела, что поехала кататься, Леший водитель отчаянный. Сквозь куртку она ощутила упругое сильное тело, мышцы которого то расслаблялись, то резко напрягались. Щекой она прижималась к его спине, но не так, как это делала когда-то, когда кто-то из мальчишек катал ее на мотоцикле, – иначе, бережней, что ли, нежнее. Жалась к его спине, не столько прячась от встречного ветра, сколько проникаясь тревожным

и непривычным для себя трепетным чувством близости противоположного ей существа, которое хранило в себе тайну неизведанного и желаемого.

– Можно быстрее! – сдавленно крикнула она, пугаясь своих мыслей.

– Быстрее? – переспросил Леший, не оглядываясь. – Ты мне нравишься!..

– Ты мне тоже... – сказала она ему в спину так, чтоб он и слышал и не слышал.

Может, он услышал, а может, и нет, но почувствовать, наверное, почувствовал и в благодарность за признание вздыбил мотоцикл, проехал несколько метров на одном заднем колесе и понесся еще быстрее. Какое-то время Ксюше не было страшно, хотя они не ехали – летели. Не было страшно от новых тревожных и приятных мыслей. Но на повороте, на крутом вираже Ксюше показалось, что они падают.

– Ой! – вскрикнула она.

– Не бойсь! Это обыкновенный вираж!

Ничего себе – обыкновенный, подумала Ксюша, еще один такой обыкновенный – и косточек не соберешь. Но он так уверенно говорит. И все-таки здорово водит этого зверя. И страшно, и интересно.

– Тут где-то скоро пост ГАИ! – напомнила Ксюша.

– Ну, так что?

– Сбрось скорость...

– Зачем?

– Нас остановят!

– Ха! Пусть догонят!

Пулей промелькнул комок желтого света – будка ГАИ. Был ли возле нее милиционер, Ксюша не заметила.

– Выходим на кольцо!

Будь что будет, подумала Ксюша. Но когда поехали-полетели по кольцевой дороге, ужас опять охватил ее. Да что он, сумасшедший, так нестись?!

– Ты очень быстро едешь!

– Тебе страшно?

Конечно, страшно. И Ксюша, плотнее прижимаясь к его пахнувшей бензином и кожей куртке, с азартом выкрикнула:

– Нет! Не страшно!

– Разве это быстро?... – бросил он через плечо. Что-то там сделал, двухколесный зверь взревел, рванулся, вздыбился и понесся с такой скоростью, что Ксюша закрыла глаза. Несколько минут они летели, казалось, по воздуху. А может, и в самом деле по воздуху, лишь на мгновение касаясь

колесами асфальта. Ветер был холодный и тугой. Как огромное шелковое полотнище. Стоило сдвинуться влево или вправо, как это полотнище хлестало и било Ксюшу по лицу, давило на глаза и пыталось оторвать ее от спасительной спины гонщика.

- Хватит! – крикнула она.
- Я не слышу! – бросил он, не оборачиваясь.
- Я говорю: хватит, разобьемся!
- Ты что, никогда не ездила на мотоциклах?

На мотоциклах она ездила, но не такой бешеной скорости. И не ночью.

- Я никогда не ездила так быстро!
- Разве это быстро?

Мотор взревел еще яростней. Ксюша хотела забарабанить кулаками по вздувшейся упругой подушкой куртке, но боялась расцепить руки. Если она хоть чуть-чуть отклонится от спины Алексея, ветер сорвет ее с сиденья.

- Ты сумасшедший!
- Ты никогда не ездила на настоящих мотоциклах!
- Не надо так быстро, Леший! Ты в самом деле – Леший!

Притормози! Останови!

- Есть упоение в бою!..
- Дождь!
- Пустяки!
- Мы промокнем до нитки!
- Высушимся!

В косой сетке дождя вновь замелькали какие-то огоньки. Мгновенье – и скрылись из виду. Мотоцикл рвануло в сторону, Ксюше показалось, что они падают – так резко наклонило вправо, и она выставила было ногу, чтобы предотвратить падение, но Леший прикрикнул:

- Сиди спокойно! А то потеряешься!

Ага, сиди, спокойно... Плотнее прижавшись к мокрой, но теплее, чем ветер, спине Алексея, в который раз пожалела, что отправилась в это рискованное путешествие.

- Поехали назад! – только и сказала она.
- Поедем и назад! – весело ответил Леший и чуть сбавил скорость.

Асфальт кончился. Мотор ревел натужней и грозней, а ехали медленней. И Ксюша, уже не боялась «потеряться», оторвала щеку от мокрой куртки и огляделась. Слева и справа мелькали в свете фар стволы сосен. От дождя и огня они блестели, словно лакированные. Ксюша отклонилась немного назад и ощутила, как за воротник потекли холодные струйки воды.

- Я вся мокрая!
- Дождь кончился.
- Поехали домой!
- Мы уже почти приехали.
- «Приехали? Куда?»

Мотоцикл бросило в сторону, еще рывок, еще поворот. Под колесами хрустнула ветка, от резкого торможения Ксюша клюнула носом в мокрую спину своего водителя. Он выключил мотор.

– Вот и дома.

– Где мы? Куда мы приехали? – спросила Ксюша шепотом, шепотом потому, что кругом была тьма-тьмуца и такая тишина, будто заложило уши.

– А почему ты говоришь шепотом?

– Страшно! – призналась она. Сползла с сиденья, как слезят с коня неопытные наездники, осмотрелась: лучи фар уперлись в невысокий деревянный заборчик, увитый то ли виноградом, то ли хмелем, освещали стоявший в глубине двора домик с наглухо закрытыми ставнями.

– Страшно в городе, там люди. А люди, ты знаешь, разные... А тут никого.

– И там никого? – кивнула она на домик, говоря все так же шепотом.

– И там никого, но у меня есть ключи. И, пожалуйста, не говори шепотом, здесь можно кричать во весь голос, на весь мир.

– Э-ге-ге-ге-эй!..

– Ой, не надо, Алексей...

3.

Он открывал калитку, заводил во двор мотоцикл, что-то говорил при этом и говорил, но Ксюша не слышала того, о чем он говорил. Она прислушивалась к себе, к своим противоречивым мыслям и желаниям, которые боролись в ней. Первым желанием было сказать: сейчас же отвези меня домой! И она верила: он бы отвез. Второе желание было сильнее первого: побыть здесь немного. Немного отогреться, подсушиться, добавила она мысленно, пытаясь оправдать это желание. И только теперь ощутила, что в кроссовках чавкает вода. Промокшие насквозь джинсы стали деревянными и при каждом шаге неприятно липли к ногам. Зубы отбивали дробь. Следом за Алексеем вошла во двор, остановилась возле мокрого крыльца, с крыши которого свисали набрякшие капли. Прижала кулаки к подбородку, дрожа от холода и страха.

— Я очень замерзла!

Алексей уже открыл дверь, щелкнул в сенях выключателем, повернулся к ней, встряхнул за локти.

— Мы сейчас затопим!

— Не надо, — сказала она. — Это долго. Мне домой надо...

— Ну, что ты — «не надо»... и домой успеешь, — он ласково улыбнулся, взял за плечи, — ты вся дрожишь...

— Есть немножко...

— Я сейчас, я мигом...

В печке, которая занимала чуть ли не полкомнаты, уже были наложены дрова и даже белели под ними скомканные тетрадные листы. Стоило Алексею поднести спичку, и сразу загудел огонь.

— Вот видишь... все быстро...

Ксюша смотрела на слегка приоткрытую печную дверцу, за которой, потрескивая и тревожно завывая, полыхал огонь, рассеянно промолвила:

— Вижу.

И напряженно подумала: а что я скажу дома? О доме не хотелось думать, нисколько не хотелось. В конце концов, какое их дело? У них своя жизнь, у нее своя. Откуда-то появилось плетенное кресло, старое, скрипучее. Ксюша опустила в него, протянула руки к огню.

— Я сейчас согрею чай, — сказал Алексей.

Ей нравилось, что он заботится о ней, нравилось, что не пристает. Он неторопливо двигался по комнате, которую она почему-то боялась обозреть. Гремел чашками, что-то ставил на стол. Боковым зрением оглядела все-таки комнату: старинный комод с круглыми медными ручками, диван со спинкой, застеленный клетчатым пледом, платяной шкаф с зеркалом на всю дверь, две полосатые потертые дорожки.

Клетчатый плед упал ей на колени.

— Так будет теплее, — сказал Алексей и на миг задержал руку.

— Я хочу курить, — сказала она.

— Это пожалуйста...

Две-три затяжки — и по телу разлилось тепло, а на душе стало спокойно, светло и блаженно. Как во сне. Беспокойство рассеялось, страхи отлетели в сторону.

— Гудит огонь... ты рядом... — шепотом проговорила она, — так хорошо...

— Ты еще не знаешь, что такое хорошо...

— Не знаю... Нет, знаю. В школе учила... «Что такое хорошо и что такое плохо».

- Не знаешь...
- Не знаю.
- Я расскажу тебе.
- Не надо.
- Но ты хочешь, чтоб я тебе рассказал.
- Не знаю, не знаю, я ничего не знаю...
- Знаешь, ты все знаешь... только не знаешь, что такое хорошо...

А в мозгу ее полыхало: это «хорошо», наверно, сегодня она узнает... И все ее существо вопрошало: что же это и — как это?

...Проснулись они, когда в единственное открытое окно, глядевшее во двор, ударило солнце. Лучи его были настолько напористы и ярки, что Ксюша не могла смотреть. Не могла смотреть и от внезапно охватившей тревоги. То жаром, то холодом прокатилась она по телу, плеснула в лицо, достала до кончиков пальцев на руках и ногах. То, что вчера вечером казалось естественным, нормальным и прекрасным, сегодня утром, сейчас предстало перед Ксюшей во всем своём кошмарном виде: боже, что я наделала?! Не ночевала дома — ужас! Что творится дома?! Что я скажу родителям? Да они же обзвонили уже все милиции, всех знакомых, все больницы и морги... Господи, как быть?

Назад ехали тоже с бешеной скоростью, но Ксюше казалось, что ползут по-черепашьи.

- Ты можешь быстрее?
- Могу, но зачем?
- Зачем, зачем?..

Вчера боялась, что они могут разбиться. Сегодня, сейчас хотелось разбиться. И родители б не ругали. Да еще бы поплакали. Представила на миг свои похороны. Людей возле дома... Как тогда, когда хоронили учительницу из соседней школы. Молоденькая такая была, красивая. Выбросилась из окна, с девятого этажа. Рак у нее был. Как плакали все. Она, Ксюша, неделю ходила сама не своя.

Возле первого попавшегося на пути телефона-автомата попросила остановиться. Позвонила домой. Занято... Еще набрала номер. Занято. Трубка в руке тряслась, палец едва попадал в тот пазик, в который надо. Можно и без звонка... но жалко родителей, особенно мать — надо скорей дать знать о себе. Наконец гудок в трубке раздался продолжительный, в аппарате металлически клацнуло, в такт этому звуку у Ксюши сдавило сердце и перехватило дыхание. Лучше бы отец... с ним как-то проще...

- Да-да, я слушаю! — раздался нетерпеливый и очень

взволнованный голос матери.

— Это я, мама...

— Господи! Где ты? Что с тобой, доченька?

— Я скоро буду дома, все нормально.

— Что нормально, где ты?

— Я через полчаса приеду... — сказала Ксюша и нажала на рычаг — выслушивать материны вопросы, ее охи и ахи не могла. Главное — дала знать о себе, а теперь будь что будет. Во всяком случае — она тоже живой человек...

Как во сне, ехала по утреннему городу. Не глядя по сторонам. Вся в себе. Как во сне, поднялась по лестнице на свой этаж. Помедлив, нажала на кнопку звонка. Если бы там, за дверью, оказалась бездна — шагнула бы туда, не колеблясь. Отец и мать встретили ее с распахнутыми ртами. Лихорадочно обежали с ног до головы. Переглянулись, словно говоря друг другу: она жива и, кажется, здорова!..

— Где ты была? — спросила мать севшим от волнения голосом, в котором уже звучали и нотки угрозы.

— Я-а?... — Ксюша не могла поднять на родителей глаз.

— Не я же...

Ксюша молчала. Было желание повернуться и уйти. Если бы отец или мать оскорбили ее сейчас или ударили, она так бы и сделала: повернулась и ушла. Куда глаза глядят. Для нее сейчас ничего не было ненавистнее родного дома. «Родственники» — люди интеллигентные, не оскорбили и не били. Только смотрели на нее, как на пришлицу с другой планеты. И требовали отчета.

— А ты чего молчишь? — накинулась мать на отца. — Или это не твоя дочь?

Отец шагнул ближе. Он, видимо, уже успокоился, для него самое главное было убедиться, что дочь жива и здорова, а все остальное уже не так волновало. Пока не так волновало.

— Что все это значит, Ксюша?

— Папа, если можно, я не буду отвечать на ваши вопросы. Я, я... ничего такого не сделала...

— Вы только посмотрите на нее, — мать театрально развела руками, — всю ночь не была дома и «я ничего такого не сделала...». Да ты думаешь, о чем говоришь? Я тебя спрашиваю, где ты была... шлюха?!

От этого хлесткого слова Ксюше сделалось легче. Проглотив не без труда то, что сдавливало горло, а вместе с ним и это слово, похожее на выкинутую на помойку отработанную тряпку для мытья полов, Ксюша, по-прежнему не подымая на родителей глаз, отчужденно и холодно проронила едва слышно:

— Дальше...

— Тебе этого мало?! – взвизгнула мать. – А дальше вот что!... – И отвесила пощечину. Потом еще одну. Еще. И еще. Ксюша не отворачивалась, не закрывала лицо руками. Стояла, как партизанка на допросе.

— Хватит, не надо! – вступился отец.

— Все? – спросила Ксюша и только теперь подняла на родителей взгляд, который был застлан пеленой обиды на все и на всех и дымкой непонимания того, что произошло и происходит.

— Господи! – схватилась за голову мать. – Что это... что же это такое?!..

— Я могу уйти, мама.

— Не говори глупостей! – отец встал рядом, поближе к двери. – А ты, мать, чем разводить истерику, лучше бы поесть дала дочери... потом разберемся...

— Пусть идет есть туда, где была!

Ксюша рванулась к двери. Если бы удалось сейчас открыть ее и выбежать в подъезд, она больше бы не вернулась домой. Во всяком случае, в эту минуту была так настроена. Отец опередил Ксюшу, заслонив собою дверь.

— Никуда не пойдешь. Даже в школу!

В ту ночь не могла уснуть. Поворочавшись с боку на бок, встала, открыла окно. Раньше ей казалось, что ночью на улице тихо-тихо, а сейчас удивилась сплошному утробному гулу, который монотонно и тяжело ворочался за окном, будто по городу катился огромный расхлябанный железный шар, внутри которого было много-много всяческих предметов, и каждый из них, перекатываясь и цепляясь за другие и за стены шара, издавал свой звук. Цоканье и перезвон колес трамваев. Дребезжащий скрежет их тормозов. Удавлено-надрывный визг резко остановившейся машины. Удаляющееся звяканье волочащейся по мостовой цепи поливалки. Перестук колес по стали далекой электрички.

Не открывая глаз, она увидела брызгающий синими искрами трамвай, поливалку, помахивающую хвостиком-цепочкой, электричку в ярко-желтых огнях. Это она издает такой протяжный и высокий звук, похожий на сирену. Или летящую стрелу. Или на натянутые до предела нервы. Или этот звук, или что-то внутри у тебя. Кажется, это вот-вот оборвется. И становится страшно, что оборвется.

Открыв глаза, Ксюша приподнялась на постели, вся сама вдруг обратившись в этот отчаянный звук. И если бы он вдруг сам оборвался, наверное, что-то оборвалось бы и у нее внутри, но, к радости Ксюши, этот звук подхватил другой,

более сильный, мощный, переходящий в свистящий грохот — где-то далеко в аэропорту взлетел ночной самолет.

И оттого, что не только она, но и многие в этот поздний час не спят, сделалось легче. Босая, бесшумно прошла она к окну, облокотилась на подоконник и, положив подбородок на сцепленные пальцы в пальцы руки, принялась слушать шумы ночного города и то, что творилось у нее на душе.

Мысли были тревожны и противоречивы. Она и винила себя за вчерашнее. Правда, не так, как отец и мать. А мягко, по-дружески. И вместе с тем еще и еще раз возвращалась мысленно к тому, что вдруг открылось перед ней, и в глубине души не раскаивалась — ликовала: она смелей, она отважнее своих подруг и потому счастливей их! Пошли они все подальше!.. Жизнь есть жизнь...

С этими мыслями и забылась в смутно-сладостном сне. Но забылась на миг — перед глазами возникло лицо Андрея... как быть с ним? Она же его любит или любила? Бедный мальчик, как он там?

4.

А «мальчики» в тот ранний час грузилась в самолеты. В полном боевом. Все знали, куда и зачем. И настроение у большинства было делано-приподнятое. Ребята перемигивались, острили, шутили, матерились позабористей, хорохорились — казалось, лететь им предстояло не туда, откуда в таких же зеленых самолетах везут назад запамятные цинковые гробы, а просто предстоял куда-то веселенький вояж. Единственно, пожалуй, кто не рисовался, так это комбат Буркатов, их новый командир, молоденький подполковник, худой, поджарый, с цепким простреливающим насквозь взглядом чисто серых глаз, в глубине которых было упрятано тепло, сочувствие, и, кажется, вина. Когда он сел у кабины пилотов и положил свои небольшие руки на колени, Андрей увидел на левой руке его сизоватый якорек, и чем-то командир вмиг стал ему чуть ближе.

У Андрея настроение было скорее лирическое, чем боевое. Его сейчас больше волновало не то, куда он летит, и не то, что предстоит через день, неделю, быть может, месяц, а полученное накануне вечером письмо от Ксюши. И хотя в нем ничего такого особенного, никаких жарких признаний в любви, никаких «крепко целую» (она девочка скромная) — все равно каждое ее письмо для Андрея — праздник.

Самолет пошел на крутой вираж, все солдатики, как

Ваньки-встаньки, противясь наклону, удержали свои тела вертикально, и те, кто сидел у иллюминаторов, прилипли к стеклам: что там внизу, где мы? И Андрей глянул в круглое оконце: вверху — голубое до рези в глазах небо, внизу — белые кудряшки облаков, похожие на бутоны роз.

— Еще далеко, — с хрипотцой и какой-то успокаивающей интонацией в голосе, ни к кому лично не обращаясь, проговорил комбат. Помолчав, громче добавил: — Можно дремать!

И Андрей прикрыл глаза, мысленно сказав себе тоном комбата: еще далеко... И словно в сердце — иглой: до чего далеко? До чего далеко?... То, о чем он думал сейчас, было у каждого в голове. И в сердце. Но никто об этом не говорил. Каждый надеялся, что этого с ним не случится. Не должно случиться. Может быть, не случится.

Об этом Андрей думал не раз. Еще тогда, когда получил повестку в армию, — думал. Мельком, правда. Потом, когда из окна вагона последний раз увидел заплаканную, миглом постаревшую и некрасивую от горя мать, словно оглушенного чем-то отца, растерянную с мокрыми глазками Ксюшу, — думал об этом. На посту не раз думал. И когда грузились в самолет — думал. И даже когда думал о Ксюше, он и об этом одновременно думал. Он всеми силами старался не думать. Понимал, что это ни к чему, что от этого ничего не изменится, самолет не изменит свой курс, как не изменит свой курс его судьба. Что ему там ею уготовано, где «далеко»? Еще далеко... Может, он просто трус, что так упорно думает об этом. Но ведь жить хочется! «Жизнь — моя!» И — не моя... Долг, конечно, долг... но почему — долг? Перед кем он в долгу? Там даже, говорят, не конец двадцатого, а начало тринадцатого века... Куда он летит и зачем? То, чем пичкали в учебке замполиты, они, нынешние должники, хоть и давясь, глотали, но переваривалась эта пища трудно. Особенно теперь, когда самолет рвется-несется туда, где тебя никто не ждет, разве что пуля.

Андрей открыл глаза, кашлянул, отгоняя от себя невеселые мысли, глянул в иллюминатор: вверху такое же ярко-голубое небо, внизу такие же белые-пребелые кудряшки облаков, похожие на бутоны роз. У бабушки в полисаднике белые розы. У Ксюши любимые цветы — белые розы. Интересно, что она сейчас делает?

Совсем некстати пришли на ум стихи: «Цветы мне говорят: прощай! Головками склоняясь ниже... Что я навеки не увижу Ее лицо и отчий край...»

— Брось! — едва слышно приказал себе Андрей, — не надо

больше об этом. Не надо!

И снова перенесся было в ту жизнь, которую он успел прожить-пролететь. Вспомнил Вовку, мать и отца, вспомнил, как однажды ходили в лес по грибы, и Вовка нашел под старой сосной три сросшихся вместе огромных замшевых боровиков, как радовались все его грибной удаче. Наверное, еще что-то бы вспомнил Андрей из своей прошлой жизни, если бы кто-то рядом не произнес вдруг с каким-то придавленным восторгом:

— Афган, ребята!..

5.

Андрею сначала сумасшедшее везло. Однажды наступил на мину, и она не взорвалась — не сработал запал! Такое бывает раз на миллион случаев. С тех пор ребята прозвали его Счастливым. С ним любили ходить на задания.

Самым трудным было для Андрея — поднять на человека автомат. Когда это случилось впервые, он не спал потом несколько ночей. Тем более, что автомат пришлось ему поднять не на душмана, а на девушку. Она была очень молода и по-восточному красива. Лицо ее было перекошено не столько страхом, сколько недоумением: неужели ее жизнь сейчас прервется? В ее больших по-цыгански черных глаза не было ни ужаса, ни мольбы. Только удивление и неверие в том, что в нее тоже могут выстрелить. Секунду назад она выпустила очередь в такого же парня, как он, Андрей, в его друга Сашу Потапова, который не собирался ее убивать. Он крикнул ей: «Брось автомат!». Он мог выстрелить первым. Его этому учили и он это умел... И он бы успел. Ее не учили и она не умела. Но смерть — штука не хитрая. Она, та афганка, подняла автомат. Он еще и тогда мог успеть выстрелить первым. Первой выстрелила она. И тогда Андрей, зверя, нажал на курок.

Он никогда не думал, что ему доведется убивать. А если бы сказали, что доведется, да еще женщину, да еще девушку, да еще красивую, в конце концов, не все ли равно, какую, красивую или некрасивую, девушку или еще кого-то, просто если бы ему сказали, что придет время и он направит на живого человека автомат, он бы не поверил в это ни за что в жизни. Как это — убить человека?!.. Так наверно, рассуждал и Саша Потапов, паренек из-под Рязани. Потому-то и не нажал на курок первым. Не нажал бы первым на курок и он, точно не нажал бы. Но тогда бы она выпустила в него очередь свинца. А если бы он не выстрелил в нее, она стреляла бы и дальше — в его друзей, которые ворвались в поселок

выкурить душманов.

Потом это было проще — убить человека, потому что убивать приходилось врагов. Это он, Андрей, убеждал себя, что — проще. Убивать всегда сложно, если ты еще человек. Но и человек может превратиться в зверя, если к нему будет относиться по-зверски. В руки к ним лучше было не попадать. Потому и убивали. Если не ты — его, он тебя.

Сумасшедше повезло Андрею и еще раз: после одной удачной операции представлен к награде и, главное, получил десять суток отпуска! Провожая в Союз, кто-то из ребят пожелал, чтоб он сюда, в Афган, больше уже не возвращался, а встречал их по ту сторону моста на границе — ходили упорные слухи, что войне конец и вот-вот начнется вывод войск. Такая мысль сидела и в голове Андрея, что пока он будет гулять свои честно заработанные десять дней, война в Афганистане кончится и — о счастье! — из пекла он выйдет живым.

Накануне отъезда всю ночь не спал. О чем только не передумал. Кого только в своем воображении не видел. Да пусть простят его отец и мать, Вовка, бабушка и дед, но их как раз в своем воображении видел меньше всего — так, мельком, издалека. А вот Ксюшу — крупным планом. И с такими подробностями, что сохло во рту. Там, в Союзе, эти подробности его меньше волновали, чем здесь. Раньше он видел просто Ксюшу — красивую девчонку, на которую приятно было смотреть, с которой приятно было пройтись, которую приятно было обнимать. Теперь, отсюда, с высоты почти двухлетней службы, да еще в этом Афгане, где на многое он стал смотреть иначе, и на любовь, разумеется, тоже, он видел Ксюшу такой, какой прежде там, в Союзе, никогда не видел. С тех пор, как прислала ему свою фотографию, почти каждую ночь она приходила к нему в гости. То в клетчатой ковбойке, в которой снялась, то в гепардовой шкуре, в пещере, то в голубом купальнике, на пляже, то и вовсе без ничего. В одном из таких волнительно-сладостных снов с ним случилось то, что случается порой со всеми здоровыми парнями, которые давно не держали в объятиях подруг или пока еще вообще это делать им не доводилось. Андрей относился к последним. И во сне, облегченный полюцией, он страшно смутился, забеспокоился: никто ли не понял — слава Богу, никто. И лежал некоторое время с закрытыми глазами, пытаясь вернуть только что виденное во сне, принесшее ему несказанный восторг и блаженство.

И теперь, отправляясь в многожеланный и неожиданный

отпуск, несмотря на то, что, к сожалению, Ксюшу он уже и вычеркнул из своей судьбы, именно о ней он и думал всю дорогу. Думал разное. Что сразу, еще из аэропорта, позвонит ей. Упрекать ее не станет. Главное – увидеться. А там будь, как будет. Очень хотелось увидеться. Конечно, заноза в душе крепкая. Но чем ближе он подлетал к родному городу, тем слабее становилась обида на то, что Ксюша перестала отвечать на письма, тем явственней он чувствовал, что в глубине души ее давно простил за молчание – только бы увидеть ее.

В свое так внезапно подвалившее счастье Андрей не мог поверить до тех пор, пока шасси самолета не ударились мягко и тяжело о бетон аэродрома, на краю которого виднелось с детства знакомое невысокое зданьице аэропорта с рубиновыми огоньками на старомодном шпиле. Был ли сейчас на земле человек счастливее этого рослого парня в камуфляжной робе и голубом берете набекрень?!

Тельняшка... голубой берет набекрень... шальная удаль в глазах. Внешне – лихой парень и, пожалуй, счастливый.

В аэропорту встречали Андрея всей семьей: мать, отец, Вовка. Объятыя, слезы. Отец и мать постарели. Вовка вытянулся и обрел грозный вид.

– Там... такси нас ждет... деловито проговорил отец, вновь и вновь окидывая горделивым взглядом возмужавшего сына.

Андрей улыбался, отвечал невпопад на вопросы и все скользил глазами по толпе, безнадежно надеясь увидеть среди десятков незнакомых лиц одно-единственное, которое все время стояло перед его глазами...

Вечером обзвонил друзей-одноклассников. Встретились, посидели по-мужски за бутылкой водки. Подмывало желание позвонить ей, Ксюше. Но как быстро оно возникало, так же быстро и потухало. Точнее, он его сам тушил.

На другой день приезда в отпуск Андрея пригласили в родную школу выступить перед ребятами и учителями. Ксюша узнала об этой встрече, но в школу не пришла, а заспешила домой, к телефону... Он должен позвонить... должен. Придя домой, выкурила сигарету с травкой – благо, дома никого, родители укатили на дачу. Появилось болезненно-тягучее желание – уколоться. Она позволила себе и это. И теперь ей стало очень хорошо. И она была даже сама готова позвонить Андрею. Но на миг застыла у трюмо, любуясь собой – она была влюблена в себя. Чувство вины и тревоги от предстоящей встречи с Андреем рассеялось.

– А я все-таки очень красива... – сказала она вслух сама

себе, — так что пошли они все к чертям собачьим.

Добавила еще словечки покрепче, улыбнулась себе, провела кончиком языка по губам, чуть прищурилась и затуманив и без того затуманенные глаза, улыбнулась еще раз, Андрею: «Никуда не денется... влюбится и женится...»

Взяла под мышку телефон, прошла в свою комнату, плюхнулась на софу. Блаженствуя, лежала, витая в обволакивающих душу и тело невесомо-теплых облаках, ожидая звонка. Она была уверена, что он позвонит. Сейчас же. Она даже сказала вслух: «Можешь звонить». Потом, минут через пять: «Звони!». Потом еще через несколько минут, капризно: «Ну, чего ты не звонишь? Я на тебя рассержусь!». И хохотнула.

Лежа с закрытыми глазами, представила рядом Андрея, ощутила на себе его руки и подумала, что самое приятное в жизни — заниматься любовью. Открыв глаза, неуверенной походкой направилась в коридор, к трюмо. Стояла какое-то время, глядя на себя, как на кого-то другого, или чьими-то глазами, возможно, Андрея. Провела рукой по груди, по талии, по уже обретавшим форму бедра. Медленно растегнула на битловке пуговицы, обнажила одну грудь, затем другую, чуть приподняла их: если б были такими, побольше — лучше б было или?.. Нет, такие лучше, такие, как есть... Прикоснулась пальцем к затвердевшему соску. И застыла на миг с чуть приоткрытым ртом, в уголке которого притаился кончик языка. Затем потянула вниз на боку змейку, и с бедер спала замшевая, с бахромой юбочка, открывая красивые длинные ноги с еще державшимся прошлогодним загаром. Посмотрела на себя в профиль, мысленно сравнила себя с теми красотками, которых видела у Лешего в журналах для мужчин и на всяких там фотографиях, и решила, что она не только не хуже их, а в сто раз лучше — вся словно точеная, как статуэтка. Полюбовавшись собой вдоволь, вставила было пальчик под резинку трусиков, намереваясь освободиться и от них (в последнее время ей интересно было созерцать себя обнаженной), и наверное, освободилась бы, но тут раздался звонок.

Сорвав с вешалки халатик, кинулась к телефону.

— Здравствуй, Ксюша, это я... Андрей, — услышала чуть хриловатый с металлическим оттенком голос.

— А-а-а... — сказала она не сразу и несколько игриво, вкладывая в этот звук-вздых и покаяние, что бросила писать, и упрек, что, приехав, не звонит, и радость, что позвонил все-таки. — Ты где?

- Да здесь, недалеко, на Кресте.
- А-а... — опять пропела она, промолчала, покусала губу.
- Так приходи, у меня никого...

6.

«Вот так все просто... Вот так все просто!» и тогда она ему однажды говорила: «Пойдем ко мне, у меня дома никого...». А он почему-то, дурак, теленок, болван, не пошел. И все это время жалел, что не пошел. И не раз ему снилось, что пошел. И вот, наконец, идет. Сон это или явь? То, что не писала — пустяк. Ну, не было времени, ну, ленилась. Она хорошая, Ксюша, она очень хорошая, и все у них будет прекрасно. Он женится на ней. Прямо сегодня, прямо сейчас предложит ей свою руку и сердце. Чего тянуть? Своим отцу и матери сегодня же скажет. Тем более, что до дембеля всего ничего осталось.

Взлетел на пятый этаж одним махом. Перевел дух. Пожалуй, даже перед первым прыжком с парашютом он так не волновался, как сейчас у ее двери. Нажал на звонок. Там, за дверью, знакомый переливающийся голос: «Иду-иду!». И вот она, такая родная и вместе с тем чужеватая, в цветастом халатике, с чуть приоткрытым от изумления ртом... знакомый шрамик на подбородке, поближе к уголку рта, вороненый серпик волос, который она плавающим жестом откинула с лица... Показалось на миг, что она чуть хмельная. Это от счастья, наверное, у нее такие глаза затуманенные, от счастья...

– Привет! — сказал он просто, мигом обзрев ее с ног до головы и раз и другой.

– Ой, — воскликнула она придавлено и незнакомо прильнула к нему и тут же отстранилась. Прикрыла лучше дверь. Накинула цепочку, лукаво улыбнулась:

– Чтобы не сбежа-ал!

Андрей сквырнул кроссовки (дома он первым делом переоделся в гражданское) прошел в комнату в носках, в волнении остановился посередине, окидывая взглядом девичью обитель: софа, покрытая клетчатым черно-красным пледом, низкое креслице, письменный стол, на стенах портреты, вырезки из журналов и календари с рок-звездами, в уютном уголке, на коврике по росту стоят и сидят куклы, которыми хозяйка их, похоже, уже не играет.

– Н-не верится, что ты... — проговорила Ксюша как-то рассеяно, в глубину себя, что ли, улыбаясь. И Андрею снова показалось, что она пьяна. Сделала плавающий жест рукой.
– Да чего ты стоишь, садись...

Села на софу, подобрала на нее ноги, а ноги прикрыла полой халата. Андрей опустился в креслице, напротив. Какое-то время молча долго смотрели друг на друга, привыкая друг к другу и что-то пытаясь друг о друге узнать из того, что хотелось бы знать.

— Ну, как ты тут? — спросил он, мысленно ругая себя за то, что зачем-то сел в кресло, а не рядом с Ксюшей. Пока шел сюда, был смел и полон решительных действий, а стоило переступить порог и... вроде другой человек сюда вошел, а не он. Ксюша была для него особым существом, почти неземным, ангелом была, к которому и прикоснуться-то иной раз было боязно: как бы не оскорбить неосторожным словом, жестом, не разрушить их таинственный союз, не расплескать переполненную до краев чашу любви — что уж там говорить о решительных действиях... Нереализованная любовь — самая высокая любовь.

На вопрос Андрея «как ты тут?» Ксюша простецки пожала плечами и совсем не ангельским взглядом с какой-то глубоко упрямой грустью тягуче посмотрела на друга.

— Ты кирнула сегодня, что ли? — прищурился он.

— А-г-га, — блаженно улыбнулась она и беспричинно хохотнула. Потом резко оборвала смех, склонила голову на бок, скривилась, и приложив ладошку ко рту, сказала сдавленно: — Ой, извини, мне что-то нехорошо...

— Два пальца в рот и будет все в порядке!

— Не-ет, — капризно покачала она головой, — я лучше закурю, у тебя есть?

— Курить тебе не надо, лучше поспи, а я пойду... или посижу рядом...

Ксюша потянулась к нему, нашла его руку, пересадилась к себе на софу:

— Я немножко посплю, а ты будешь меня охранять, л-ладно? — опять чему-то блаженно улыбнулась, глядя в никуда. Погладила руку Андрея, приложила ее к своей щеке, опустилась с нею на подушку и, кажется, вмиг уснула. С той же блаженной улыбкой на губах.

Чего-чего, но такой встречи он не ожидал: Ксюша — пьяненькая... Вспомнились чьи-то слова: пьяный мужчина неприятен, пьяная женщина отвратительна, пьяные девки омерзительны. Ксюша не была ему ни омерзительной, ни отвратительной, ни даже хоть чуть-чуть неприятной. Ксюша была для него Ксюшей: самой красивой и желанной. Там, в Афгане, женщин он почти не видел. Военврачи да медсестры, которые были сходу разобраны офицерами. В операциях кой-кому из ребят, кто поотчаянней, иногда

перепали в отбитых кишлаках афганки. Андрей не мог так, когда тебя не хотят, а ты силой... Офицерам жилось привольней, они свободно ходили, ездили, в обретении подруг у них особых проблем не было. А два знакомых друга-вертолетчика вообще решили этот вопрос просто: завезли в уютное в горах местечко одну молоденькую афганку, хорошо платили ей, одедали-кормили, поили и по очереди любили. Пока кто-то из зависти не накапал на них. В Афгане с любовью трудно. Зато любая женщина там чувствует себя королевой. Есть даже анекдот: прибыли в Афганистан Кащей Бессмертный, Змей Горыныч и Баба Яга. Пожили немного, Кащею сразу не понравилось: куда не ступишь — мина. Укатил домой. Через пару месяцев и Змей Горыныч смылся — летать нельзя, кругом ракеты пуляют. А Баба Яга и месяц живет, и два. И год, и три, и пять. Когда спросил ее, как это она там прижилась, она в ответ: «А что мне там, в Союзе? Там, в Союзе, я — Баба Яга, а тут Василиса Прекрасная!»

В Афгане главные анекдоты — о женщинах, с чего бы не начинался разговор, заканчивался он чьим-то рассказом о том, как когда-то на гражданке он где-то кого-то любил. Иной с такими подробностями все это излагал, что некоторые ребята начинали тяжело дышать. А ночью кое-кто сам себя любил.

И Андрей сейчас задышал глубже, порывистей, вглядываясь в безмятежно спящую Ксюшу. Задышал потому, что когда она укладывалась поудобней, халатик ее чуть распахнулся, и перед взором Андрея предстала никогда не виденная им полностью ее чудесная грудь с неожиданно большим и набухшим темно-коричневым соском. Он даже приоткрыл рот, чтобы своим учащенным дыханием не разбудить ее. Увидев, что халатик распахнулся, хотел тут же его поправить, но рука его только вздрогнула от этого желания и ничего не сделала — разве можно лишать себя созерцания, быть может, самого прекрасного, что существует на земле?!

Мгновенье или час он не отводил глаз от самого прекрасного, что существует на земле. Потом провел ладонью по голове Ксюши, желая, чтобы она проснулась. Погладил щеку, прикоснулся пальцем к шрамику на подбородке, приложил руку к шее. Хотелось притронуться и к самому нежному и прекрасному и, наверно, притронуться бы, а то и припал бы к нему губами, но Ксюша тут же проснулась.

— Т-ты?! — вяло улыбнулась она и протянула к нему руки.

Он взял их, влажные, холодные, положил одну ладонь поверх другой, нежно погладил.

– Поспи еще, поспи.

– А ты-ы?

– Я не хочу.

– Пожалей меня, Андрей... – попросила она жалостливо.

– Глупенькая ты, Ксюша...

– Глупенькая, – покорно согласилась она и прикрыла глаза. – Пожалей.

Он погладил ее по голове, откинул со лба серпик волос.

– Не та-ак... – капризно сказала она.

Он наклонился и прикоснулся губами к ее разгоряченной щеке.

– Так не вку-усно, – еще капризней протянула она.

Поцеловал вкусно, в губы.

– Еще, – шепотом потребовала она, хотя требовать уже и не надо было – Андрей, задыхаясь от волнения, в каком-то исступлении целовал ее губы, нос, глаза, шрамик на подбородке, шею, припал сперва щекой, а потом и губами к самому нежному и прекрасному на земле. И, кажется, умер – что-то затмилось у него в голове от переполнявших всего его чувств.

– И эту... – вкрадчиво и требовательно шепнула она.

Нашел и ту. Нашел и еще что-то. Обцеловал ее до кончиков пальцев на руках и ногах. И когда, наконец, случилось то, что иногда ему снилось там, в Афгане, но во сне это было совсем не так, как сейчас, он чуть не взвыл от радости и восторга.

– Ксюша... – протяжно произнес он, потрясенный только что испытанным, произнес бережно и таинственно, вкладывая в ее имя все, что он сейчас чувствовал: восторг, благодарность, несказанную нежность к ней – счастье!

Через минуту, когда с небес вернулся на землю, когда лежал изнеможенный, опустошенный, как спущенный шар, когда сознание просветлело и он был в состоянии соображать, первое, что он сообразил – она э т о уже знает. И холодок потек в душу. Он придержал дыхание, не зная, как дальше вести себя, что ей сказать. То, что он чувствует?

– А ты... – прошептал он и замолчал, не в силах высказать того, что чувствовал, не находя для этого слов.

Она тоже будто перестала дышать, затаилась мышкой, деликатно молчала, ждала, что он скажет. А может, и ничего не скажет: разве это так уж важно? Она понимала – все-таки важно, но сама себя убеждала, что в наше время это не имеет никакого значения – предрассудки.

— А ты? — спросила.

Он едва заметно качнул головой. Они опять надолго замолчали. Она — жалея его, он — прощая ее. Ни ему, ни ей не хотелось сейчас выяснять отношения. Тела их вновь наполнялись желанием, и было им не до разговоров. Говорили губы, руки, каждая клеточка их тела. Они любили друг друга еще яростней, с неистовой жадностью, будто это была их последняя любовь. Что-то невнятное шептали друг другу, потом Ксюша вдруг завсхлипывала, заплакала, громко, навзрыд.

— Ну, что ты, Ксюша, перестань, я люблю тебя...

— Ле-о-ша... — пропела она, не размыкая век.

«Ле-оша?!»

Словно разрывная пуля в спину. Андрей отпрянул, приподнялся.

— Меня зовут Андрей — запомни! — внятно сказал он свистящим шепотом.

— Ой, да что ты, да я... да это просто так... прости меня, дуручку, ты куда-а?

Отчужденно-ледяным взглядом смотрел он в ее мокрые, перемазанные тушью, растерянно-шалые глаза. На миг снова стало жалко ее. На миг снова захотелось любить ее, вот эту красивую и, кажется, не очень счастливую девчонку, полулежавшую на софе с распущенными волосами. Еще секунда — и он простил бы ей этого Лешу... все бы простил... Но уж больно обидно и оскорбительно, когда тебя, лаская, называют не твоим именем.

— Пожалей меня... — жалобно снова пропела она.

Андрей не тронулся с места.

— По-жа-ле-е-ей...

Будь это до Афганистана — пожалел бы. Точно пожалел бы. Но в этом мире мало кто кого жалеет. Прогнав по скулам желваки, негромко бросил:

— Леша пожалеет.

И — ушел. Не оглянувшись...

7.

Бывает, занозит голову мелодия какой-нибудь песни, и куда бы ты ни шел, ни ехал, что б ни делал, о чем бы ни думал — ни на миг не отстает она от тебя, зануда, зудит и зудит, как назойливые комары в душный вечер. И последние дни, проведенные дома, и по дороге в часть, и в полку вот уже вторую неделю преследует Андрея одна, достающая до самого донца души песня, которую сейчас, как назло напевает его кореш, сидя на валуне и брэнча на гитаре:

подливает масла в жар:

Не сыпь мне с-соль на р-ра-ну-у,
Н-не говори-и на-взры-ыд...
Не сыпь мне со-оль на ра-ану-у,
Она еще-е боли-ит..

— Да заткнись ты, Коля! — обрывает Андрей и лихорадочно шарит по карманам, ища сигареты.

Его товарищ, конопательный парень с облупленным носом, достает сигареты быстрее Андрея, услужливо протягивает ему пачку «Примы». Молча закуривают. Молча смотрят на грядку низких холмов, над которыми рваными клочьями неспешно плывут облака. В сторону холмов бросают нетерпеливые взгляды и другие ребята, без дела слоняющиеся по двору в выгоревших до белизны гимнастерках и мятых панамах. Время от времени козырьком приставляют ладони ко лбу, смотрят на часы, молча переглядываются. Когда ждешь своих товарищей с задания, не принято болтать. Песни петь — пожалуйста. Только вполголоса. И, конечно же, не «Легко на сердце от песни веселой...». Здесь на все свои неписанные законы и правила. Здесь почти каждый становится суеверным. Должно быть, и потому, что каждый, кому выпала, так сказать, честь стать воином-интернационалистом, — парни особенно никому настоящему не нужные. Кроме родных.

Постоянная мысль, что ты ничто, исправно делала свое дело: ребята чихать хотели на дисциплину, курили анашу, в санчастях крали трамидол, играли в нарды и карты, в душманских кишлаках не гнушались тем, что плохо лежало, и не брезговали афганками, даже когда те плевали им в лицо и выцарапывали глаза. Здесь все было. И ссоры, и драки. И дезертирства. И самоубийства. И просто убийства. Несколько месяцев назад, попав в жесткий переплет в одной из операций, двое дружков из Ташкента склоняли комбата Сенечку, то бишь комбата Буркатова, перейти на ту сторону, к измене, то есть, склоняли. Сенечка подумал немного и пристрелил и одного агитатора и другого. Без суда и следствия. Потаскали его, конечно... но отпустили. С тех пор ребята и стали за глаза называть своего комбата Сенечкой. Он такой же, как все они, только на погонах звезды.

— Кажется, летят... — проговорил Коля, легонько толкнул локтем Андрея и медленно, словно нехотя, приподымаясь. Гитара задела о камень, издав нервно-колеблющийся звук.

На фоне серо-желтых холмов появились три движущихся точки. На глазах они становились все больше и больше.

— Три... — констатирует кто-то. — А одного нет...

Это всем ясно, что одного нет. И все молчат, застыв в напряженных позах. Вертолеты все ближе, и вот они, неистово лопата воздух, приземляются. Заглохшие боевые машины с устало обвисшими лопастями мигом обступают все, кто находится поблизости. Среди зеленых фигур и белые халаты. Машины с красными крестами, носилки. По трапам спускаются в пропыленной серо-зеленой робе ребята с изможденными и хмурыми лицами. Помогают санитарам сгружать раненых. В рядок складывают несколько одеревеневших тел и торопливо накрывают их плащ-палатками.

То один, то другой из стоящих округ, произносят — лепечут имена и фамилии тех, чьи тела горбятся под мрачными покрывалами.

- Толя Кузнецов... Толька...
- Саша Коваленко...
- Витек... Надо же!..

Все знают, что не всегда оттуда все возвращаются, но никак не могут к этому привыкнуть. Всякий раз это до умопомрачения неожиданно. Только несколько часов назад стояли, сидели рядом, ели, пили, курили, говорили и вот... Ребята стараются не смотреть друг на друга. Пыхтят сигаретами, заземлив взгляды. Когда убитых увезли, кто-то со вздохом произносит:

- Лучше уж так... чем попасть им в лапы...

Молчание.

Еще кто-то мрачно, по-черному шутит:

- Рубашку снимут — в чем ходить будешь?
- Какую рубашку?
- Какую-какую... да вот тут, по поясу подрежут тебе кожу, сдерут ее, как с кролика, через голову, и гуляй, Вася...
- Да хватит тебе молодежь пугать!
- Или еще лучше — куклу из тебя сделают... — не унимается тот, что говорил о рубашке. — Вот радости будет маме!
- Какую куклу?
- Какую... Отрубят руки и ноги, отрежут нос и уши, вырежут язык... посадят на дороге и кукарекай!..
- А в третьем батальоне, говорят, недавно двоих наших ребят взяли в плен... Так одного, говорят, бородатые сварили, а другого есть заставили...
- Я бы тебя и с соусом не стал есть...
- А я бы тебя и без приправы схавал!
- А с чего б начал: с этого или с этого? — рассказчик эффектно хлопнул себя по заду, потом в пах.

Сдавленный гогот, горький и злой. Такой перепалке недолго перерасти в ссору, а то и в драку. Уголек недовольства судьбой притушил зычный голос старшины:

– Р-р-рота, стр-роиться! В две шеренги ста-ан-вись! Равняйся! Смирна-а! Ша-га-ам арш!

Сотня пыльных сапог гулко бухнула оземь. Что-то вместе с этим звуком оборвалось внутри Андрея: вот так же когда-то обычно-приобычно скамандует старшина и поведет строй в столовую, поведет строй, в котором не будет его, Андрея. Его не будет, но никто этого особенно и не заметит. Что его не будет. Ребята так же будут грубо шутить, балагурить, подначивать друг друга. Песни петь под гитару. И в строю, в котором его, Андрея, уже не будет. И этого никто не заметит: приедут другие и станут на его место! Так что же все-таки такое он, Андрей, частица вот этого колышущегося живого существа – строя? Так что ж такое он, Андрей? И Толя Кузнецов? И Саша Коваленко? И Витек? Что ж они такое? И зачем?

Обед был обильный и сытный, но в глотку не лез.

...В казарму вошел Сенечка, то бишь, комбат Буркатов. Глаза его прищурены, в уголках губ горько-жесткая складка. Дневальный подал команду «Встать!», однако командир небрежно отмахнулся, сидите, мол, чего там. И сам присел на табуретку, широко расставив ноги в до блеска начищенных сапогах и свесив меж колен черные от весеннего солнца руки. На одной наколка: синеватый якорь. Когда кто-то обращал на якорек внимание и комбат это видел, он сцеплял пальцы в пальцы, прикрывая одним татуировку, которую, видимо, сделал еще в детстве или в ранней юности, а в зрелом возрасте стеснялся. Андрей однажды, попросив извинения за любопытство и бестактность, спросил Буркатова, почему у него именно якорь, а не самолет там, вертолет или парашют, может, в детстве мечтал о море? «Якорь, – ответил без своей привычной ухмылки комбат, – символ надежды». На что, не сказал.

Сейчас Андрей тоже взглянул на синий якорек комбата, и командир не уловил этого взгляда, по привычке не закрыл большим пальцем давнее баловство. Не уловил взгляда потому, что крайне был сосредоточен, весь в себе. И быстрые, как пули, глаза его прошли по каждому, кто сидел, лежал или стоял в этой душной, пропахшей гуталином, потом и сигаретным дымом саманной обители с низким давящим на тебя потолком. Глаза комбата прошили каждого, и каждый понял: опять... И каждому ой как не хотелось снова туда, откуда, как знать, вернешься ли...

Обежав притихших ребят своим тяжелым и каким-то виноватым взглядом, опустил глаза долу и несколько секунд молчал. Если бы эти парни знали, как нелегко ему всякий раз э т о говорить... Если бы можно было летать одному... Но один в поле не воин, а тут, в горах, тем более. Поправил выгоревший до серости когда-то голубой берет, поднял голову и, глядя в пространство, именно в пространство, а не кому-то в глаза, потому что посмотреть в глаза — это значит уже обязать: ты пойдешь! Глядя в пространство, с ледяным спокойствием спросил:

— Кто полетит на войну?

Несколько мгновений тишина. Потолок, казалось, опустился еще ниже, и дышать стало совсем нечем. Кому охота играть со смертью в прятки... Да еще ради чего и кого?! Но присяга, долг, ты солдат... Андрей чувствовал, что сегодня он полетит, должен полететь, и уже набрал воздуха, чтобы произнести это с некоторых пор утратившее свою значимость слово «Я». Однако первым ступил к комбату Леша Забродин, не самый сильный, не самый смелый, а, пожалуй, самый мягкий и сентиментальный в батальоне, который стихи тут пишет, чудик...

— Я! — произнес он непривычно твердо, и Андрей подумал, что Леша ищет смерти. На днях жена ему прислала убийственное письмо: я полюбила другого, прошу дать согласие на развод. Три месяца назад он так радовался рождению дочери... И вдруг такое письмо. Жена писала, что связь их случайная, что раньше она ничего не понимала в жизни, а теперь у нее открылись глаза и ей хочется жить так, как она может жить и должна, а с ним у нее, то есть с Лешей, ничего не получится, пять лет жить на стипендию — это знаешь что...

На Лешино «я» комбат не совсем уверенно кивнул, видимо, на батальонного поэта он ставку не делал. Рядом с Лешей стал Коля Попов, щелкнул каблуками, — добродушный крепыш с железными пальцами и сбитым набок носом — память об одной из пьяных драк. До армии он работал каменщиком. И год сидел за что-то. В десантники пошел с удовольствием. Быстрее всех овладел приемами рукопашного боя, прекрасно стрелял, одним из первых получил медаль «За отвагу» считал себя везучим и претендовал в батальоне на лидера. Однако для лидерства нужно было еще кое-что, чего Коле, к сожалению, не доставало. Поэтому Колю в батальоне и уважали, как железного в деле парня, и иногда слегка подтрунивали над ним, тот же самый Леша. Коля, говорил он, а где правильно

ставить ударение в твоей фамилии, на первом слоге или на втором, Попов или Попов? Коля любил Лешу за то, что тот умел сочинять стихи, а теперь жалел за то, что жена его, сука, переметнулась к другому, быть может, к какому-нибудь кооператору с тугим кошельком и красной машиной. Потому и стал с ним рядом.

Шагнул к ним и Андрей. И еще двое рядом стали. И еще. И еще.

Андрей чувствовал, что это его последняя война. Он так и сказал мысленно: это моя последняя война. И сердце его сжалось. Оттого, что слово «последняя» имело два смысла. На днях дембель! Долгожданный дембель! Воля! Свобода! Жизнь, черт возьми! Это его последняя война! На другую, на следующую, он просто не успеет – полетят другие. Те, кто сегодня не летит. В батальоне существует неписанный закон: если ты прошлый раз летал, в этот можешь пропустить войну. Как спортсмены пропускают высоту или очередной вес. И когда комбат вот так спрашивал, кто полетит на войну, хочешь ты или не хочешь, но если в прошлый раз ты отсиделился здесь, в душной, тесной, но относительно безопасной обители, то теперь ты просто обязан встать в строй, иначе позор тебе и презренье. Андрей и прошлый раз летал на войну, пять дней назад. И сейчас имел полное право пропустить этот полет, из которого, конечно же, не все вернутся. И вместе с тем он хотел полететь, хотел, так сказать, скорей отработать свое, чтоб завтра уже спокойно вздохнуть: все!.. Точка! Если, конечно, это завтра для него наступит. Вот тут-то и крылся второй смысл – моя последняя война. Неужели последняя? Неужто он сам спешит смерти в пасть? Зачем? Зачем, спрашивается?

Он смотрит себе под ноги, стараясь не выдать волнения. Хочется сцепить зубы, но не хочется, чтоб по скулам прокатились желваки – Сенечка не смотрит, вроде не смотрит, но все видит. И если заметит, почувствует, учует, что ты сильно нервничаешь, даст тебе на сей раз «отбой». А «отбой» – это бессонные ночи и ожидание следующей войны как верной своей гибели. Выражение лица должно соответствовать форме: надвинутый на ухо голубой берет и обтягивающая грудь тельняшка – лихость, бесшабашность и отвага. И, конечно, риск! Жизнь – тельняшка, то светлое в ней, то темное. Орел или решка? Будь что будет, просто невыносимо ждать. Скорей бы лететь. Скорей бы это кончилось... Заставил себя ухмыльнуться, как это делал комбат. Вот теперь он в форме. Орел или решка?! Айда, ребята!..

8.

В вертолет старался не думать о том, что это его, кажется, последняя война. Старался не думать, что где-то там, за горами, за холмами, день и ночь движется верблюжий караван с оружием. Который надо перехватить. Который надежно охраняется бородатými. С которыми встречи не избежать. Изю всех сил старался не думать об этом. Думал о доме, о матери и отце, о Вовке и даже о Ксюше. А если откровенно, то о ней – больше всего. В глубине души, в который раз, досадовал, что тогда ушел, не «пожалев» ее еще раз. Ну, что он этим доказал? Смотри-ка, ффраер... «Леша пожалеет...» Леша пожалеет! Может и сейчас, именно в эти минуты жалеет ее.

Неуютно стало, нехорошо. Скорей бы прилетели. Скорей бы бородатых встретить. Чтoб не так было муторно на душе, начал думать о Вовке. Все-таки он класный парень. Вроде маленький, а понимает тебя лучше, чем иной взрослый. Тогда, когда он, Андрей, дурак, не пожалел еще раз Ксюшу и, выскочив на улицу, не знал, куда себя деть, откуда ни возьмись, появился рядом братишка. «Ты, Андрей, чего такой?.. хочешь, пойдём в зоопарк?» – сказал он, будто в ту минуту именно он, Вовка, был старшим братом. И как маленького взял за руку. И повел в зоопарк. Посмотрели зверей, и легче стало. Особенно после того, как слон, пообедав, стал лапой на огромную кастрюлю и сделал из нее лепешку. Вовке это здорово понравилось. Что бы ему привезти отсюда, из Афгана? Интересно, а там, дома, думают сейчас о нем, о Андрее? Очень хотелось, чтоб думали. И чтоб она, Ксюша, тоже думала. Он простит ей все. Он давно ей все простил. Уже в тот миг, когда стукнул дверью. А сейчас – тем более. Это такое дело... никто не знает, как надо, как должно. И в жизни все бывает. Написать ей надо. Нет, слова тут не то. Словами никогда точно не высказать того, что чувствуешь. Писать не надо. Приеду, встретимся... а там, как будет... Она – хорошая...

Лишь бы мы были, осторожно подумал Андрей, глядя сквозь вибрирующий иллюминатор на пронсящиеся внизу чужие белесые отроги гор. Представил на миг окрестности родного города, дубовый лес, в котором и в жару прохладно, увиден старые дубы в саду Шевченко. С замазанными цементом душами и расщепленными стволами, стянутыми стальными обручами-бинтами. Ксюша жалела эти старые дубы. Бедненькие, говорила она, они умирают... Интересно, что она подумает о нем, когда узнает, что его нет? Представил

на миг, как вскрикивает, как прижимает она ладони к лицу, как по щекам ее катятся слезы, крупные, как горошины. Интересно, думает ли она сейчас о нем? Именно сейчас? Вряд ли. У них, у девчонок, своя жизнь, свои проблемы. Тут в голове – как выжить, там, у них – как бы кому не разонравиться. Да удачнее выскочить замуж. Вон жена Коли Попова, Попова...

Коля, секунду назад застывшим взглядом смотревший в никуда сквозь клепаную обшивку вертолета, вдруг быстро взглянул на Андрея, который подумал о нем, всего лишь подумал. И еще Андрей подумал: как все мы крепко связаны судьбой, как одно существо, где каждый из нас – болезненный и главный нерв. Коля посмотрел вопросительно: что-то надо? Летя на войну, ребята предпочитают не болтать, не дразнить судьбу. И Андрей также молча глазами ему ответил: нет-нет, я так, у меня все в порядке. У меня тоже, глазами сказал Коля и едва заметно подмигнул: не бзди, пробьемся!

Андрей дословно знал, что сказал ему мысленно Коля. И подумал, что одним подходят ругательства и грубые слова, а другим, как вот ему, не подходят, и он ими не пользуется. А Коля двух слов связать не может без тех слов, которые не принято печатать. И у него это получается вполне естественно. И тут, в Афгане, вообще вполне естественна грубость, через которую как бы изливаются излишки недовольства своей судьбой и протест против тех, кто их сюда забросил.

Вертолет накренился и пошел по ущелью. Звук двигателя стал громче, и винты, казалось, молотили прямо по мозгам. Андрей уставился в одну точку, в блестящую заклепку у двери. Наверное, у каждого из ребят было что-то такое, за что он держался, летя на войну. Кто-то думал о доме, кто-то что-то напевал, кто-то, чтоб унять волнение, считал до тысячи, а потом опять, пока не прилетели на место, кто-то молился – а вдруг Бог есть и вдруг услышит он?! Андрей смотрел, держался взглядом за заклепку. Он не был суеверным, но когда твоя жизнь орел или решка, ты невольно становишься суеверным. Летя на первую свою войну, он всю дорогу смотрел на заклепку, просто так, а может, потому, чтоб ребята не усекли его волнения – не хотел смотреть им в глаза. При втором полете уже держался за заклепку, как ученик за сучок в парте, чтоб не вызвали. Тут вызывала смерть. И тоже надо было за что-то держаться. Для ребят же и для комбата Андрей просто смотрел прямо перед собой, так сказать, сосредоточивался. Боковым зрением он видел

Сенечку, сидящего на лавке с вытянутыми ногами и прикрытыми глазами. Быть может, он даже дремал. Или делал вид, что дремлет. Я, мол, спокоен, ребята, и вы, братва, не дрейфите – все будет о'кей!

В голове Андрея – слова комбата: «Бронежилеты советую не брать – лучше больше взять боеприпасов».

9.

Рассвет едва-едва занимался, когда вертолеты один за другим приземлились на относительно ровную площадку меж серых и мрачных холмов. Увешанные гранатами и подсумками с боекомплектами, рассредоточивались, занимали позиции. За одним из валунов расположились Андрей и Коля. Там, в метрах пятидесяти, по нехоженому ущелью должен проследовать караван. Но сперва пройдет группа сопровождения. Ее нужно пропустить. И только когда караван будет блокирован – ударить и по нему и по группе сопровождения. Все внимание – вперед. Каждый волнуется. Каждому хочется переброситься парой слов. Коля, поправляя каску, спрашивает вполголоса:

– Анекдот про Бабу Ягу слышал?

Андрей слышал, но мотает головой, пусть друг расскажет, разрядится немного. И Коля, немного рисуясь, негромко рассказывает, сам посмеиваясь, старый, как мир, афганский анекдот.

... А она говорит: «А что мне там, в Союзе? Там я – Баба Яга, а тут – Василиса Прекрасная!»

Коля беззвучно смеется, изображает беззвучный смех и Андрей, напряженно вглядываясь в обретающие более четкие очертания рыжие горы. Рядом, по сыпучему склону, пробежала чешуйчатая ящерица. Приподняв переднюю лапку, остановилась, застыла, замерла, будто вмиг окаменела – мотылька увидела, золотистого такого, красивого. Андрей нащупал камешек, кинул рядом с мотыльком, и тот вспорхнул, не зная, не ведая, кому обязан жизнью. Взмахнула хвостом и юркнула в расщелину ящеричка. Коля завозился.

– Андрей, а когда вернемся домой, что ты первым делом сделаешь?

– В полк или в Союз?

– Само собой – в Союз...

Андрею не хотелось отвечать на этот вопрос – сперва вернуться надо. Пожал плечами

– А я, когда вернусь, первым делом женюсь, – сказал Коля.

Андрей молча неодобрительно посмотрел на друга:

разболтался Колюн... значит, волнуется. Ни к чему сейчас такие разговоры. Андрей не верил в Бога, однако чувствовал, что что-то такое есть, незримое, что как-то реагирует на твои поступки, слова и даже мысли. Поэтому стал осторожней не только в разговоре, но и в мыслях своих. Нельзя подталкивать судьбу. Что на роду написано – так тому и быть. А что – никто не знает. Если бы был Бог...

Андрей поймал себя на мысли о том, что в последнее время нет-нет да и думает о Боге, о том Высшем разуме, что где-то существует. Наверное, и потому, что с некоторых пор, а точнее, с тех самых, как судьба закинула сюда, в Афган, понял, что миром правят не очень разумные люди, и что его страна не исключение. Он понимал, что жить можно и надо иначе. Но кто-то не дает. Должно быть, поэтому и тянешься к тому, чего, быть может, нет, но что в жизни тебе в край нужно – Высшего разума не хватает, который поставил бы все на свои места, как в свое время и было расставлено в природе.

Андрей посмотрел на друга и быстро отвел взгляд: еще спросит Колюн, о чем он, Андрей сейчас думал, а разве об этом расскажешь? Коля, хорохорясь, опять заговорил, поспешно, свистящим шепотом. О той, на которой собирался жениться. Как только вернется домой. Коля явно вызывал на разговор – за разговором и время идет быстрее, и, главное, когда говоришь, не так страшно.

– А знаешь, – спросил Андрей, – чем отличается ишак от осла? Ишак – это женатый осел...

Лицо у Коли вытянулось:

– Нет, ты серьезно?..

Ответить Андрей не успел. За спиной вдруг с сухим треском раздались автоматные очереди, рванули воздух разрывы гранат. Кто-то истошно закричал: «Ду-у-у-хи!.. Заса-а-да!..». Кто-то многоэтажно выругался. Кто-то из командиров приказал занять круговую оборону. Андрей с Николаем, дико вращая зрачками, переметнулись за другую сторону валуна, но оттуда тоже ударил чей-то автомат, брызнув в лицо Андрея каменным крошечком. В один миг тихое ущелье превратилось в ад. Снопы огня, треск выстрелов, пыль, дым, мельканье пятнистых курток и бородачей в балахонах, крики, стоны. Прямо перед собой Андрей увидел моджахеда в серой накидке, клубок материи на голове у него размотался... Выстрелили они одновременно. Может, на один миг Андрей быстрее. И точней. Как много в бою значит один миг! Бородастый вскинул руки, словно хотел взлететь, и не взлетел, а медленно

опустился наземь. Еще дух, еще... Андрей стрелял с колена, в упор. Да сколько же их, гадов, будет?

Голос комбата:

— Вызывай «сушки», «сушки», вызывай!

И чей-то сдавленно-скрипучий:

— Уколите мне трамидо-ол, уко-о-ли-и-ите...

— Держись меня! — крикнул Коля и перемахнул через валун.

Андрей лихорадочно озираясь, вобрав голову в плечи, метнулся за другом, к более надежному укрытию, но, не сделав и шага, ощутил вдруг неимоверной силы удар, в снопе огня поднявший его на воздух...

Через секунду или час он пришел в себя. В себя привела его нестерпимая боль во всем теле, особенно внизу. Открыл глаза — бой еще шел. Попробовал подняться и не смог — казалось, нижняя часть его существа слилась с землей, на которой он полулежал, и вся эта земля была такой мучительно болезненной, что к ней нельзя было даже прикоснуться кончиком пальца. Как ни странно, но то, что сейчас происходило вокруг него — стрельба, взрывы, крики — все это его сейчас не интересовало, будто бы не касалось, все сознание его сфокусировалось в одном: что со мной?.. Неужели все?!..

Глядя в пространство, как слепой, осторожно и поспешно прошелся по себе руками. И натолкнувшись на то, что когда-то было его телом, а теперь... холодея, он отдернул руку. И удивился, что перестал ощущать боль.

— Ма-ма... мам... — тихо позвал он.

Рука его снова принялась что-то шарить, но не на себе — рядом. Нащупала автомат, подтянула его к себе.

— Ты... прости меня... мама... — прошептал он и поднес ствол автомата ко рту. Какое-то время смотрел в никуда, нащупал курок, прикрыл глаза, медленно и с непонятным упоением нажал на него...

Но ничего не получилось. Кроме сухого щелчка. И прилива новой жгучей боли во всем теле. Особенно внизу. Заскрежетал зубами. От боли и оттого, что не удалось самому поставить точку своей краткой и мало кому нужной жизни — патрона не хватило, черт возьми, всего-навсего одного патрона...

То здесь, то там, в пыли, в дыму и гари еще метались и балахоны, и пятнистые куртки.

— Ребята!.. — громко прошептал Андрей. — Бросьте в меня пару гранат! Я прошу вас... бросьте в меня пару гранат!.. Ребя-я...

10.

Пару гранат в Андрея никто не бросил. И его тоже не бросили.

И теперь, вернувшись домой после валяния в госпиталях, и сам толком не понимал: хорошо, что не бросили или плохо. Впрочем, говорил он себе, какая разница... За последние два года он слишком многое понял в жизни, а может, основательно в ней запутался. Единственное, что ему совершенно не было понятно — зачем он родился и зачем сейчас коптит небо. Домой вернулся он совершенно другим человеком: мрачным, замкнутым, обозленным. Быть может, он стал таким и потому, что здесь, дома, по-настоящему его никто не ждал — ни власть, ни семья, ни бывшая любовь. Отец с матерью развелись. Ксюша, как доложили друзья, пошла по рукам, видели ее и у гостиницы «Националь», говорят, работает она и по вызову.

Одно тешило душу: теперь у него своя маленькая квартирка, родители произвели размен. Отец живет отдельно в коммуналке, Вовка с матерью — в однокомнатной и он, Андрей, теперь самостоятельный, хотя мать предлагала жить вместе, но он не хотел быть в семье обузой, если уж страдать, то самому. Живет один. Одним днем. Без цели. Без веры во что-то. Без надежды на что-то светлое. Жил, повторяя иногда полюбившуюся ему поговорку: жизнь, как детская распашонка, коротка и обосрана. Когда выпьет, в голове вечно вертится что-нибудь, какая-нибудь песенка или стихи. Несколько дней зудили в голове слова песни:

Жизнь пронеслась, как сверкающий бал...

Только я на него не попал...

А сегодня, когда он разглядывал фотографию Ксюши, саднили душу строки поэта, которого он любил:

Ночь — как ночь,

И улица пустынна.

Так всегда!

Для кого же ты была

Невинна и горда?..

В тысячный раз испросив самого себя, шлепнул снимок о стол. Как битую карту. Тупо возрился на стоявший у ног дипломат, в котором покоился пистолет-автомат «Скорпион», пригубил горлышко бутылки с мутным пойлом еще раз и сощурил глаза, прицеливаясь в близкое будущее свое и ее, Ксюшино.

Ты была, подумал он, такой хорошей, такой правильной, такой идеальной девчонкой, такой недотрогой... Со мной...

Еще отхлебнул из горла вонючего пойла – какое бы оно ни было, оно грело внутри. Посмотрел на часы – они показывали половину восьмого. Скоро можно будет отправляться на свиданье. На последнее свиданье, добавил он мысленно. И снова поставил перед собой ее фотографию, пристально вглядываясь в каждую черточку милого красивого лица. Никогда не думал, что их любовь придет к такому печальному и дикому финалу. Никогда не думал, что жизнь повернет так круто и страшно. Никогда не думал, что ему выпадет доля палача. Он и сейчас еще не был твердо уверен, что у него поднимется рука на человека, который еще совсем недавно был для него самым дорогим. Он ловил себя на мысли о том, что и сейчас ее любит – какой бы она не была! Любит!

Но клятва мужская сильнее любви. Там, в госпитале, где медики собрали изувеченных безумной войной ребят, они, в общем-то герои и изгои, как-то после долгого и трудного разговора дали клятву эту страшную: мстить тем, кто обещал их ждать, а теперь налево и направо торгует собой. Неужто ждать труднее, чем каждый день идти под пули?

Организатором этого маленького союза был Коля Попов. В том последнем бою осколком мины ему снесло нижнюю челюсть. Он лежал в госпитале, в корпусе, который негласно именовался «обезьяний корпус». Там лежали ребята с челюстно-лицевыми ранениями. Девушка, на которой собирался Коля после войны жениться, не дождалась его. Если бы просто не дождалась, влюбилась еще в кого-то, вышла бы замуж – Бог с ней, дело это житейское. Но она пошла на панель, стала профессиональной проституткой. Да еще вокзальной. Там Коля ее однажды и порешил, когда убедился, чем она занимается.

Красавица и недотрога Ксюша сделалась путаной. Андрей долго не хотел в это верить, не хотелось верить и сейчас. Но это было так. Друзья не врут. Да и сам он не однажды видел ее возле гостиницы «Националь».

Сейчас он и держал туда путь. На своем новеньком «Запорожце» с ручным управлением. На заднем сиденье покоился тяжелый дипломат.

Андрей до сих пор не был до конца уверен, что сделает то, что обязан. Он вправе был отказаться. Тогда бы суд свершили другие. А это, пожалуй, было бы подлю. Если уж расчет, то лицом к лицу. Он понимал, что все это очень жестоко и, наверное, глупо. Но что не жестоко? С ними поступили не жестоко? Все! Кончая и с такими, как Ксюша...

11.

Она не знала, что жить ей осталось совсем немного. Может, несколько дней. Может, несколько часов. Смерть ходила по ее пятам. А она, Ксюша, улыбалась. Смотрелась в зеркало, любовалась собой, примеряла новые шмотки. Сейчас у нее было прекрасное настроение. Вчера вечером она хорошо заработала, кошелечек был тугой, с баксами, голова за день отдохнула и вечер такой чудесный! Она посмотрела в зеркало и подмигнула себе. И в который раз думала: «Как хорошо быть красивой!» И еще подумала: как хорошо жить!

Об этом она подумала и потому, что однажды чуть не покончила с собой. Дурочка... В тот день, когда неожиданно приехал в отпуск Андрей и она его назвала в минуты близости Лешей...

Когда за ним захлопнулась дверь, к ней подступило болезненно-жгучее желание: уколоться. Но уже ничего не было. Позвонила Лешему. Его не было дома. Позвонила еще кому-то, кто мог бы помочь – тоже не оказалось дома. На нее навалилось чувство вины и тревоги. Загнанным взглядом она обежала стены своей комнаты, кинулась в ванную, стены которой были оклеены картинками с кинозвездами, машинами, зверьками, цветочками. Перевела взгляд на потолок. Он был низок и гол. Шагнула в кухню, тоже глянула на потолок, на газовую печку. Взгляд у нее затуманился. Упала на пол и забилась в судорогах. Потом подползла к окну, распахнула его настежь. Навалившись на подоконник, глянула вниз и, ахнув, отпрянула. Она боялась высоты, не любила смотреть из окна или с балкона вниз – всегда казалось, что упадет. Не желая смотреть буда, вниз, она... опять невольно подалась вперед. Избегая смотреть вниз (а хотелось, тянуло туда смотреть), повела взглядом в сторону, на уголок оконного проема, лущевшегося пересохшей краской. Увидела на нем водянисто-зеленую гусеницу. Быстро-быстро она ползла вверх, волнисто изгибая спинку. Протянула к ней руку, хотела дотронуться пальцем, погладить, пожалеть, что ли, но под маленьким живым существом, стремившемся к солнцу, скалочка краски обломилась и гусеница, держа ее в своих лапках, оборвалась, полетела вниз. Она, Ксюша, наклонилась за ней. На миг сделалось страшно. А потом неожиданно стало все равно.

Даже, кажется, чуточку приятно было, что теперь она ни перед кем не будет виновата. И главное, перед Андреем. И теперь ей ни-че-го не будет нужно... никакой «кислород»... А завтра, подумала она тогда, Павлово Поле облетит печальная весть: девушка, мол, выпала из окна... или

выбросилась, такая, говорят, красивая... У родителей была одна-единственная.... Поговорят с недельку, поохают, повздыхают. И забудут. Город большой, случаев таких...

В тот момент, когда она была на грани перехода в мир иной, она сделала для себя открытие: и в мучении, терзании-страдании есть что-то такое, от чего не хочется уходить, есть некая тягуче-горькая сладость, которая изводит тебя до изнеможения и отчаяния вместе с тем ласкает и нежит. Как приятно иной раз почувствовать себя самой одинокой и самой несчастной в мире!

Мысленно пережив тогда свою смерть и похороны, Ксюша подумала, что она не такая уж и дура, чтобы кидаться из окна. Жизнь прекрасна, сказала она себе. Взяла себя в руки, привела в порядок мордашку и решила, что с сегодняшнего дня, то есть с того, когда чуть не покончила с собой, начнет другую, вторую жизнь. Никаким Лешим отныне звонить не станет — хватит унижаться! Деньги будут. И не только эти «деревянные». И пошла к гостинице «Националь». А там ее сразу заметили. И приветили. И зажила она новой жизнью, которая ей была по душе. Во всяком случае, она могла себе позволить многое, что не могли позволить себе ее бывшие одноклассницы. За ночь она зарабатывала больше, чем ее отец и мать за месяц, а то и за полгода. Теперь у нее своя квартира, обставленная прекрасной мебелью, мобилка за пятьсот баксов, скоро машина будет. Вот на душе только не всегда спокойно. Иногда такое бывает настроение, что хоть голову в петлю, но чаще — хорошее как сегодня. И как всегда это чаще и чаще бывало с ней, прекрасное настроение вдруг омрачилось. Вчера приезжала мать и говорила, что несколько раз звонил один парень, кажется — Андрей.

Зачем звонил? Ведь расстались они тогда навсегда. Может, он простил ее? От этой мысли сладостно ныло под ложечкой — все-таки она его, кажется, любила... Мать спросила, можно ли ему дать ее номер телефона. Ксюша разрешила: если другие звонят, почему ему нельзя. И вот второй день после визита матери дежурит у телефона, надеясь, что он позвонит. Ну, позвонит, а что дальше? Ей и хотелось, чтобы он позвонил и вместе с тем она почему-то боялась его звонка. При мысли о Андрее трепетала. Она уже собиралась уходить, как вдруг мелодично зазвонил телефон.

— Слушаю... — обычным с ленцой голосом сказала она в трубку и подумала: хотя бы это был не Андрей.

— Ксюша? — раздался, кажется, его голос.

— Да, это я...

На том конце провода долгое молчание.

– Я слушаю... – напомнила о себе Ксюша.

– Это я – Андрей...

– Я так и поняла...

И опять молчание. Долгое, тягостное. Тревожное.

– Нам нужно встретиться, – сказал он. В голосе металл.

Она чувствовала, что встреча не будет особенно приятной. Она могла сказать, что куда-то спешит. Ей в самом деле нужно было поторапливаться, работа есть работа...

– Когда ты хочешь встретиться?

– Чем скорее, тем лучше. Прямо сейчас ты можешь?

Глянула на часики, блестящие на руке – восемь.

– В общем-то могу.

– Ты где живешь?

– Ты хочешь приехать ко мне? – сердце ее сжалось

– Да нет, лучше мы поговорим у меня, в машине.

– Ты приобрел тачку? – спросила она поощрительным тоном.

– Да, роскошный лимузин, «Запорожец»... Где тебя подхватить?

В «роскошный» лимузин она села возле оперного театра – здесь она обычно не бывала, тут ее никто не знал. Андрея она едва узнала, он страшно изменился. В его возрасте говорят – возмужал, она подумала – постарел... Запавшие скулы, губы в полоску, прищуренные глаза. Жесткий взгляд. Взгляд чужого недоброго человека.

– Как живешь? – сухо спросил он, почему-то избегая смотреть ей в глаза.

Она чуть не ответила: обычным способом... Но не стала хамить, все-таки это был Андрей, парень из той, другой жизни, которая уже никогда не вернется, как не вернется к ней и он, Андрей.

– Потихоньку, – сказала она и потянулась к сумочке – очень хотелось курить. Достала «заряженную» сигарету. Он, Андрей, по-прежнему, не глядя на нее, поднес зажигалку.

– Прокатимся, – проговорил он больше утверждая, чем спрашивая.

Она согласно кивнула. «Запорожец» рывком, задрожал всеми своими внутренностями, резко взял с места. Ксюша обратила внимание что ноги у Андрея не участвуют в управлении машины, они, согнутые в коленях, непривычно неподвижны, а между сиденьями возле ручника лежит палочка с наборной гнутой ручкой.

Разговор не вязался. Ксюша в свою очередь, правда, спросила, как он живет. Он ответил коротко: нормально. Молча проехали весь город. Слева остался шпиль аэропорта,

на котором уже зажглись малиновые огоньки, справа начинался молодой сосновый лес.

– Куда мы едем? – спросила Ксюша.

– За город.

– Мы уже и так за городом.

– Ты хотел со мной поговорить?

Он, казалось, не слышал вопроса.

– Ты хочешь поговорить со мной?

С трудом он повернул к ней голову, задержал на ней рассеянно-виноватый взгляд и ничего не ответил

– Мы так и будем играть в молчанку? – спросила она.

– Сейчас поговорим, – ответил он все также не глядя на нее.

Круто бросил машину вправо, с асфальта на малонаезженную проселочную дорогу. В кабине запахло пылью и смрадом – за кончавшимся лесом открывался взору неприглядный пейзаж городской свалки. Местами она дымилась, на одном из ее горбов рылись в мусоре две бездомные собаки.

– Ну и местечко же ты выбрал для разговора, – выдавила из себя улыбку Ксюша.

Андрей ничего не ответил. Молча остановил машину. Заглушил мотор. И только теперь посмотрел на Ксюшу долгим-долгим взглядом, от которого по спине у нее побежали мурашки.

– Т-ты... ты хочешь меня убить? – глаза у нее сделались огромными.

– Да, – проронил он и уже не мог смотреть на нее, ей в глаза. Он почувствовал, что если будет смотреть ей в глаза, он ничего этого не сможет сделать. Ему хотелось взять ее руки, зарыться в них лицом и хоть на миг забыться в неопишемом блаженстве, которое бы он испытал. Он чувствовал, он знал, что любит ее по-прежнему, а может быть и еще больше, чем раньше. Хотелось плюнуть на всю эту идиотскую затею оскорбленных ребят, отменить приговор, который недавно вынесла их маленькая и жесткая организация. Но он, Андрей, привык к дисциплине. Потом клятва сильнее любви. Чтобы не раскиснуть, не превратиться в тряпку, он стал вспоминать самое-самое обидное и горькое. Конечно же, вспомнил, как она назвала его в минуту близости Лешей. Это было, как разрывная пуля в спину. Конечно же, он вспомнил последний бой. Конечно же, он призвал на помощь и так все время сверлившую мозг фразу: мы там... а они тут... нас предали... а с предателями разговор короток...

Он отвел взгляд, как только сказал это страшное «да». Открыл дверцу, руками выставил наружу по очереди, сначала одну, потом другую свои ноги в новеньких ботинках. Ксюша при этом сделала глотательное движение и прижалась спиной к сиденью.

Он взял палочку, потянулся за «дипломатом», лежавшим на заднем сиденье – не мог достать.

– Подай, пожалуйста, «дипломат».

Она послушно выполнила его просьбу, поразившись – как тяжела эта штука. «Неужто в ней моя смерть!..»

– Выходи!

Открыл «дипломат», достал из него оружие, оно холодно блеснуло в заходящих лучах солнца. Она не тронулась с места, еще плотнее вжалась в жесткую спинку сиденья.

– Выходи! – тихо сказал он и качнулся на протезах. Он не смотрел на нее. Он посмотрит, когда надо будет нажать на курок.

Она посидела еще мгновение и открыла дверцу.

– А теперь иди прямо и не оглядывайся – так будет лучше.

– Ты шутишь Андрей... У тебя какие-то дурацкие солдатские шутки...

– Да, я был солдатом и иначе шутить не могу, над нами тоже так ш у т л и... иди!

На фоне дышавшей смрадом городской свалки она была сногшибательно красива.

– Ты что, правда хочешь меня убить? – голос ее снизился до шепота.

– Нет, я решил тебя пригласить... на танец...

– Вальс? – попробовала она подыграть его неуместной шутке, в душе рассчитывая на то, что Андрей вспомнит тот белый танец, на который она однажды его пригласила, вспомнит, смягчится...

– Я теперь танцую только танго, – ухмыльнулся он, стукнув себя палочкой по ноге, которая издала непривычный неживой звук. – Иди...

– Нет, ты – правда?.. А за что, Андрей? Ты что-о?..

– Ты клялась ждать... ты... ты... мало того, что... ты... а я свою клятву сдержу... Иди, и не оглядываться...

Глаза у Ксюши стали огромными, как фары.

– Ты сумасшедший, Андрей!..

– Может быть, потому что я люблю тебя... ссую. Мы все, кто побывал т а м – свихнутые, да! – и истерично прокричал: – А вы – нормальные?! Да? Иди, я говорю!

Ему хотелось, чтобы она побежала – тогда легче было бы

нажать на курок. Бегущего на тебя или от тебя почему-то убивать проще, должно быть тут срабатывает инстинкт охотника, живущий в каждом мужчине. Ему хотелось, чтобы это скорее кончилось.

На миг мелькнула мысль отшвырнуть оружие и упасть этой девчонке в ноги, облить их горькими слезами. Еще мгновение и, наверное, это бы случилось, но что было бы потом?..

Будущего у него давно не было. Было только прошлое и настоящее, которое ему не было нужно. Он привык выполнять приказы. Даже самые идиотские. Он привык сдерживать клятвы. Может, самые ненужные.

— Иди!

Как загипнотизированная, она сдвинулась с места, сделала несколько шагов. Она слышала, как за ее спиной клацнул металл, хотелось обернуться, но тут раздалась короткая очередь...

Ксюша вздрогнула всем телом и, чувствуя, что он, Андрей, кажется, промахнулся, резко оглянулась.

Он, Андрей, не промахнулся... С окровавленным лицом медленно сползал он по капоту машины, все еще крепко сжимая в руке пистолет-автомат «Скорпион».

Бездомные собаки, молчаливые свидетели свершившейся на пустыре трагедии, недоуменно взирали на непонятно что делавших людей и, прижав уши, затрусил прочь.

Хоронили парня тихо и скромно, чуть ли не тайно. Как и положено провожать в иной мир тех, кто уходит туда по своей собственной воле...

ПОЭЗИЯ

Саша ТРЕМОР

ДЕТИ ДЕВЯНОСТЫХ

JEDEM DAS SEINE

Муттер и Фатер гордятся Отто. Рост за два метра,
 глаза как сталь,
 Тело, осанка, манеры — что ты,
 впору сниматься у Риффеншталь.
 Он побеждает на скачках конских,
 Вагнера темы поет на бис,
 Даже стреляет по-македонски.
 Белая bestia, as it is.
 Но каждую ночь,
 из тумана глядя
 черными дырами мертвых глаз,
 Отто является фройлян Надя в платье сатиновом.
 Был приказ —
 Каждый изловленный партизайне должен висеть на суку.
 И вот,
 Отто с улыбкой «Jedem das seine» пойманных русских
 к допросу ждет.
 В двери Надежду впихнули грубо.
 Отто глядит на нее свысока.
 Наде семнадцать, разбиты губы, кровь на сатине,
 в глазах тоска.
 Делу, увы, не помочь слезами.
 Слышно — солдаты копают рвы.
 Отто вздыхает — йедем дас зайне. Милая фройлян,
 мне жаль, увы.
 Вдруг исчезает тоска во взгляде,
 зал погрузился на миг во тьму.
 Прыгнув, на Отто повисла Надя,
 в ухо гадюкой шипит ему:
 «Что, офицер, не боишься мести?
 Нынче я стану твоей судьбой.
 Мы теперь будем цузаммен, вместе.
 Слышишь? Отныне навек с тобой».

Надю за волосы тащат к вязу,
 в бабушкин, с детства знакомый, двор,
Где ожидает, к суку привязан,
 быстрый веревочный приговор.
«Шнапсу бы... Водки бы... Не иначе —
 стопку с товарищем вечерком».
Отто стирает рукой дрожащей
 Надину кровь со щеки платком.

Водка ли, шнапс ли, исповедальня — все бесполезно.
 Опять в ночи
Надя из курской деревни дальней смотрит на Отто,
 а он молчит.
Наденька шепчет «Jedem das seine!» Отто хрипит,
 воздух ловит ртом.
Дойче овчарка глядит на хозяина, длинным виляет,
 скуля, хвостом.
Был же приказ и была задача... Йедем дас зайне.
 В окне рассвет
Надя уходит. А Отто плачет
Семьдесят долгих кошмарных лет.

ДЕТИ ДЕВЯНОСТЫХ

Мы в люди вылезли из панка, и потому не любим ложь.
Мы пережили грипп «испанка» и заговор масонских лож.
Мы за спиной не прячем фигу, а после залпа бьем стакан.
Мы стали первыми индиго — последними из могикан.
Мы не застали лет застойных; мы знаем — свет поборет тьму;
мы выросли на звездных войнах и добрых фильмах, потому —
в конце историй «хэпи-энда» всегда без компромисса ждем.
Мы любим старые «нинтендо», а также танцы под дождем.
Здесь каждый капельку наследник страны,
 где зло считалось злом.
Мы поколение последних, кто собирал металлолом,
бутылки и макулатуру не за бабло, а за «ура».
Мы создавали масскультуру,
 узнав на вкус «Три топора».
Мы знаем, той эпохи дети, за что у деда ордена,
и что не только в интернете бывает драка и война.
Без эмо-пафосной печали мы рвали джинсы
 (punk not dead),
за это в челюсть получали и не боялись
 дать в ответ.

Но скажи, отчего на закате так сердце рвется,
когда алое солнце отсвечивает на скалах?
Почему так приятно в разломе меж плит бетонных
неожиданно встретить головку чертополоха?
Почему вызывают улыбку цветов бутоны,
и приходят коты на руки, когда нам плохо?

И порою мне снится — в тумане, как будто в вате,
слышу тихую песню, мелодия мне знакома...
И тогда среди ночи я резко сажусь в кровати,
и накинув ветровку, один выхожу из дома.
Вспомнив нечто забытое, я в электричке еду,
после долго иду, звукам ветра в ушах внимаю.
И в высокой траве, улыбаясь, снимаю кеды.
И земля говорит.

И я, кажется, понимаю.

ИГРУШЕЧНЫЙ ГЕРОЙ

Я маленький игрушечный солдат:
В войну опять по выходным играю,
Стреляю, понарошку умираю,
Игрушечный сжимая автомат...
Я маленький игрушечный пират —
В татуировках и в вещах дурацких,
Качаю файлы с торрентов пиратских,
Пью черный ром, бываю часто пьян,
Раз в год, не чаще, вижу океан,
Сокровищ карты нету — чистый лист...
Я маленький игрушечный фашист:
Кричу о чистоте арийских наций,
Но ежели поглубже разобраться,
То кто из нас, на самом деле, чист?
Я маленький игрушечный поэт —
Пишу стихи в игрушечном журнале
Про жуть моих игрушечных реалий
И про войну, которой тоже нет,
Про бытие — во сне и наяву —
В стране, где понарошку, год от года
Дурная власть играет с народом,
Где не по-настоящему живу.

Я весь такой игрушечный! Зато
Себя не дал реальности калечить.
Кто ты такой, чтоб мне противоречить,
Большое Настоящее Ничто?
Пускай бывает нелегко порой,
Пускай мои стихи сойдут за бредни.

Зато в своей игрушечной легенде,
Я Настоящий маленький Герой.

МАЛЕНЬКИЙ РЫЦАРЬ

С облака прыгает ангел вперед —
белый, святой, крылатый.
Маленький рыцарь утром встает
и надевает латы:
всё чин по чину, кирасу, плащ,
клевер свой — на удачу.
Пусть будет трудно, а ты не плачь.
Рыцари, брат, не плачут.

Сколько драконов и змей вокруг,
всех я не одолею...
Только не выпусти меч из рук,
станешь смелей и злее.
Так, только так; да запомни, брат —
пусть и один ты в поле,
но всё же воин. Чего не рад?
То твоя, братец, доля,
Правила жёсткие у игры:
маленький самый — водит.
Падают звезды, горят миры,
даже друзья уходят.

Плакать нет силы. Разряд. Зажим.
Доктор, я умираю?
Маленький рыцарь неустрашим —
твёрдо идет по краю.
Маленький рыцарь свой страх забыл —
золотом латы блещут,
крыльями снова орел забил,
светом лёг плащ на плечи.

Меч его яростный славы ждет,
Головы срубит Зверю!

Маленький рыцарь идет вперед.
Он победит.
Я верю.

НЕ СМЕЙТЕ ТРОГАТЬ БРОНЗОВЫХ СОЛДАТ!

Не смейте трогать бронзовых солдат!
Как больно то, что нет сегодня силы,
Чтоб защитила братские могилы
От рук, «совком» клеймящих всех подряд!
Да эти пацаны — «отцы и деды» —
Они не за советский красный флаг —
За знамя кровью политой победы
Шли на врага, кишки зажав в кулак!
Боец, сложивший голову от пули
В аду под Курском пятого июля
В игре политиканов виноват?
Не смейте трогать бронзовых солдат!
В той бронзе деток нерожденных души.
И перед тем, как памятник разрушить —
Ты в бронзовые посмотри глаза:
Там деда кровь, там бабушки слеза,
А я не понимаю, не приемлю —
Могилы разрывать? Наверно, ад
Уже давно пришел сюда, на землю.
Не смейте трогать бронзовых солдат! —
И злость адреналином бьет по вене...
Мой дед был в сорок пятом ранен в Вене
Чтоб сын его — а значит, мой отец
Не стал рабом под сапогом у фрица,
Чтоб не горели печи Аушвица,
Чтоб небо не горело, наконец...
Чтоб снова страшный не настал июнь,
А вышло так, что сволочь недобита.
Простите, вы, из бронзы и гранита —
Вы за живых отдали жизнь свою:
За всех — и тех, кто вас ругает тоже.
Не за медаль, вождей или парад —
А мы и мертвым отплатить не можем.

Не разрушайте бронзовых солдат...

7 НОЯБРЯ

ГЭСы и АЭСы возвели,
Гансов в сорок пятом побороли,
В космос запускали корабли...
А теперь что говорят нам в школе?
Как матросик пьяный и солдат
Штурмовали Зимний по морозу?

Фрицы
Янки
До сих пор дрожат,
Вспоминая красную угрозу!

Я не красный большевик-маньяк,
В рупор не кричу «Вся власть советам!»
Не ношу под сердцем красный флаг,
Не живу по ленинским заветам,

Только что б не говорили мне,
Верно это,
или же
Неверно —

Тем, что я родился
В Той
Стране,
До сих пор горжусь
Неимоверно.

22 ИЮНЯ

Всё, как раньше. Темный парк и клёны,
И июньский вечер выпускной.
Завтра вдаль покатят эшелоны —
Только на курорт, не за войной.
Раньше шел за родину и Сталина,
Или за вселенское добро.
И кричало радио в развалинах
«От советского информбюро...»
А сейчас иду — пускаю слюни
На дедов священную отвагу!

Снова эта ночь в конце июня,
Но вокруг – огни универмага,
Жизни не прохававшие стервы,
Клея перенюхавшие панки,
Дым, вокзал... и словно в сорок первом
Грянуло «Прощание славянки».

ВЕСЕННЯЯ ЗЛОБА

Весна меня душит. И кажется – все впереди,
И сакура белым цветет, и коньяк не спасает,
И красные бабочки резво порхают в груди,
Да крылья у них – словно лезвия рёбра кромсают...

Но сакура ночью рассыплет свои лепестки
На черный асфальт и на луж сероватую жижу.
И больше не будет меня разрывать на куски
Весенняя злоба, которую я ненавижу.

СТАРОЕ, ПРО ЛЮБОВЬ

Его лицо – что древняя камень,
А поцелуй – на лбу моем печать.
Его шаги легки, но я умею
Из тысячи шагов их различать.
Свет станет тьмой, а небо станет адом,
Падут столпы, восстанет бесов рать,
А он придет – и просто встанет рядом,
И мне не страшно будет умирать.

Вы, кто хоть раз от смерти не воскресли,
Вам не понять, к чему я все веду.
Он вытрет слезы, буду плакать если,
И он поднимет, если упаду,
Собой закроет спину в пьяной драке...

Я знаю все. Ну, кроме одного –
Как смог он вереск вырастить и маки
на пепелище сердца моего?

ПРОЗА

Ирина ГЛЕБОВА

КОЛЬЦО С ВЕНЗЕЛЕМ «Л»

Приключения начались сразу. Наверное, потому что сама поездка была необычной. День назад в квартире раздался междугородний телефонный звонок: это была бабушка из Харькова. «Костик, – сказала она. – Приезжай ко мне как можно скорее. Это не телефонный разговор». Костина мама поморщилась:

– Опять Анна Павловна что-то выдумала! Вечная фантазёрка!

Она недолюбливала бабушку – это была мать её мужа... бывшего мужа. Но у Кости других бабушек-дедушек уже не было, только Анна Павловна, и он её очень любил.

– Она ведь старенькая, – сказал он матери. – Наверное, заболела.

Но сам он так не думал: голос у бабушки был энергичный. И потом, он промолчал ещё об одной бабушкиной фразе: «Возьми с собой свои документы». Что бы на это сказала мама?..

– Поезжай, – пожала та плечами. – Ты уже взрослый.

Ему и в самом деле исполнился 21 год. В тот же день на работе Костя оформил двухнедельный отпуск за свой счёт, вечером сел на поезд. Вагон был полупустым: май, курортный сезон ещё не начался. Сначала молодой человек оказался в купе один. Но уже через пятнадцать минут, на станции Ясиноватая вошла девушка, растеряно оглянувшись. Невысокая блондинка, милая, со стрижкой каре. Скоро они уже по-дружески пили чай с печеньем, болтали. Костя рассказывал ей о своей бабушке и видел, как Леночка оттаивает, проникается к нему доверием.

– Ты, наверное, учишься? – спросила она.

Костя улыбнулся. Он знал, что выглядит образцово-примерным юношей из интеллигентной семьи: русые волнистые волосы, ямочки на щеках при улыбке, наивные глаза и очки в тонкой оправе.

– Нет, – он поправил очки лёгким движением указательного пальца. – Я своё уже отучился. Работаю.

– Правда? – удивилась Леночка. – И кем же?

– Знаешь, есть такая песенка: «Бухгалтер, милый мой

бухгалтер!» Вот это про меня.

Девушка минуту разглядывала его, потом кивнула, как бы подтверждая, что профессия совпадает с его внешним видом. «Типичный бухгалтер» – прочёл он в её глазах. Но сам-то он знал, что это, мягко говоря, не совсем так. Недаром мама любила повторять: «Ты и твоя бабушка – два сапога пара! Авантюристы!»

Леночка продолжала пристально глядеть на него, и Костя понял: сейчас она станет рассказывать свою историю. Люди всегда откровенничали с ним – он просто излучал какое-то особое доверие. К его чести, этой откровенностью он никогда не злоупотреблял.

– Ты очень бледна, – он наклонился к девушке. – Ты нездорова?

– Нет, нет! – быстро ответила она. – Со мной всё в порядке! Я только очень волнуюсь... Еду к своему жениху!

– Поздравляю!

– Ой, не знаю! Может, ещё рано поздравлять. Как обернётся...

Он молчал, знал, что девушка сама продолжит рассказ. И она стала говорить.

...В своём городе – большом райцентре, – Лена работала в страховом агентстве, хорошо зарабатывала, модно одевалась. Были у неё поклонники, но так – несерьёзно. А вот когда она познакомилась с Виктором, всё изменилось. Он приезжал в их город в командировки из Харькова, останавливался в новом дорогом частном отеле. Денег не считал, и Лена знала, что её возлюбленный – крупный бизнесмен. Впрочем, ничего больше она о нём не знала – он отшучивался, ловко переводил разговоры. Но и она особенно не настаивала: красивый, остроумный, богатый, влюблён в неё – что ещё нужно!

О том, где она работает, Лена сказала Виктору ещё при первом знакомстве. В свой второй приезд – «Летел на крыльях любви!» – Виктор стал расспрашивать девушку о подробностях её работы.

– Думаю открыть филиал от своей фирмы – тоже страховое агентство. Пойдёшь ко мне?

Спросил таким многозначительным тоном, что Лена поняла: это почти что предложение! Счастливая, она и в эту, и во все другие встречи откровенно рассказывала ему разные тонкости, даже не вспоминая о таких вещах, как «страховая» или «коммерческая» тайны. Виктора интересовали подробности: кто и что боится – жизнь, имущество, недвижимость, как оформляется завещание?..

Уезжая, Виктор сказал, что будет здесь снова через месяц, и вновь намекнул: их жизни скоро переплетутся. Но прошло три месяца, он не появлялся, не давал о себе знать. Леночка несколько раз порывалась ему позвонить. Да, да! Однажды Виктор при ней звонил к себе в офис из гостиничного номера. Она стояла в стороне и спиной к нему, но перед ней было зеркало. А у неё дальновзоркость!.. Потом, позже, она записала номер телефона, который он набирал... Но позвонить Леночка так и не решилась: вдруг Виктор обидится, подумает, что она за ним шпионит! А через неделю она его увидела: зашла к своей подруге-буфетчице из ресторана, а он сидит за одним из столиков. Рядом с ним – молодой мужчина, которого девушка сразу узнала. Ресторан в это дневное время полупустой, они сидят у окна, Виктор отсчитывает и даёт своему соседу деньги: Леночка со своей дальновзоркостью увидела – доллары. И тут её словно озарило: она всё поняла! Сидящий напротив Виктора мужчина месяц назад в их страховом агентстве получал наследство своего дяди. Дядя – бывший крупный партийный работник, имел большую квартиру в лучшем в городе райкомовском доме, был одинок. Этот племянничек – бездельник и почти алкоголик, оказался его единственным родственником. Дядя застраховал свою жизнь от несчастного случая и насильственной смерти, и свою квартиру. Страховку оформил на племянника. А месяц назад погиб под колёсами неизвестного автомобиля. Племянник квартиру как будто бы собирался продавать – об этом поговаривали в агентстве. И вот она видит этого племянника и своего Виктора. А ведь она ему рассказывала именно об этом, тогда ещё живом, а теперь так таинственно погибшем человеке, о его наследнике...

Девушка застыла на проходе, не дойдя до буфетной стойки. Виктор глянул в её сторону, узнал, вскочил. Это произвольное движение ещё больше убедило Леночку: дело нечисто, раз он испугался. Она подошла быстро и решительно. Племянник, торопливо засовывая в карман пачку денег, попрощался и ушёл, оглядываясь. Леночка повернулась к Виктору, сказала язвительно:

– У нас с тобой, оказывается, есть общие знакомые!

Но он уже преобразился: смотрел радостно, порывисто обнял её.

– Дорогая, я только что приехал! Собирался сейчас к тебе! И... приготовил тебе подарок.

Ей показалось, что он слегка запнулся. Но Виктор тут же открыл свой кейс, достал коробочку, и сердце девушки

сильно забилося: «Обручальное кольцо!» Да, это было просто чудо: платиновое колечко с вензелем в виде буквы «Л», обсыпанной маленькими бриллиантиками.

- Твоё имя, дорогая, – сказал Виктор, целуя её. – «Леночка»!

«Заранее готовился! Значит, и правда любит, хочет жениться!» Никаких других мыслей в головке у девушки уже не оставалось.

- Вот, Костя, это колечко!

Лена протянула молодому человеку руку. Проводник уже унёс пустые стаканы, свет в вагоне притушили, а они всё разговаривали. Костя полюбовался блеском бриллиантовой крошки, потом спросил:

- Как же так? Ты же догадалась, что была какая-то махинация Виктора и «племянника»? Может быть, твоего клиента убили!

- Мне было всё равно, – грустно сказала девушка. – Я так его любила! Мы были вместе два дня, а потом он снова исчез...

- Снова появится, – подбодрил её Костя. – Колечко с твоей буквой подарил, специально ведь покупал. Дорогая штучка!

- Да. – Леночка задумчиво посмотрела на свою руку, потом сняла колечко и положила в сумочку. – И правда дорогое. Вдруг кто позарится, – сказала рассудительно. – Пусть полежит пока. Стану носить, когда будем вместе... – И вдруг всхлипнула. – Нет, он меня бросил! Но я знаю, где его искать, у меня есть телефон!

- Он ведь об этом не знает?

- Уже знает! – Леночка улыбнулась сквозь слёзы. – Я позвонила днём.

- С ним самим говорила?

- Нет, на это у меня не хватило решимости. Я вообще ни с кем не говорила. Когда там трубку сняли и сказали «Алло», я как дура брякнула: «Передайте Виктору, что я завтра утром приеду!» И бросила трубку. Даже не назвала себя. Но я думаю, он догадается. – И, словно кому-то возражая, добавила: – Я всё равно его люблю. И... я жду ребёнка!

...Костя спал недолго, но крепко. «Харьков! Подъезжаем!» – постучал в дверь проводник, и он вскочил. Леночка, уже одетая, сидела, напряжённо глядя в окно. Она явно волновалась. Когда замелькали привокальные строения и поезд стал замедлять ход, она попросила:

- Костя, выйди после меня, не сразу. Я надеюсь... Виктор будет меня встречать. Вдруг ещё подумает что-нибудь.

- А если не встретит?

- Я тогда снова позвоню ему!

Девушка вдруг суетливо стала рыться в сумочке:

– Ой, где же он! А, вот! – И вытащила листик бумаги. – Вот он, телефон! Я вдруг испугалась, что потеряла...

Вагон сильно вздрогнул, останавливаясь, Леночка качнулась и выронила бумагу. Костя успел поддержать девушку, наклонился и подал ей листок. Но за эти несколько секунд он успел увидеть и запомнить записанный номер телефона – не специально, а просто потому, что на цифры у него была отменная память.

Леночка вышла из вагона среди первых, Костя – самым последним. Он увидел, что девушка отошла немного в сторону, стоит, оглядываясь. «Не встретил, – подумал он. – А, может, ещё придёт?» Она явно не хотела, чтобы Костя подходил, и он заспешил в другую сторону, уже почти не думая о Леночке, а только о бабушке. Вышел на привокзальную площадь и присвистнул от удивления – как здесь стало красиво! Год назад, когда он приезжал в Харьков последний раз, центр площади был заставлен машинами: такси, частными «извозчиками», личными иномарками, – а по периметру теснились лотки и прилавки, а то и просто торговцы на стульчиках перед разложенными на земле продуктами. Теперь ничего этого не было и в помине, а на всём пространстве раскинулся сквер с клумбами, фонтанами, выложенными плиткой аллеями, красивыми скамейками.

– Здорово! – не удержался, воскликнул Костя вслух. И про себя подумал: «Так и должно быть, вокзал – лицо города... Но где же теперь скупиться?»

Он хотел явиться к бабушке с цветами и заморскими фруктами: авокадо, манго, киви и чем-то ещё подобным, – вряд ли она сама себе покупает такие. Но тут же прикинул: где-то должен быть поблизости импровизированный рынок, не может не быть, коль рядом такой поток уезжающих-приезжих... И точно: чуть свернул на боковую улицу – вот оно, что душе угодно!

Костя долго выбирал цветы, фрукты, а потом вернулся на площадь, к метро. Проехал две остановки, и на станции «Советская» стал переходить на «Исторический музей». Ещё одна остановка, и он приедет... Но тут произошло неожиданное.

Костя уже почти спустился по лестнице, когда раздались истошные крики, потом – милицейские свистки, забегали люди. Он тоже побежал со всеми вместе и очутился на платформе. Люди, кто с ужасом отворачиваясь, а кто наоборот – ближе наклоняясь, глядели на рельсы. Там, в углублении между рельс, лежала девушка. Крови было

немного и, на первый взгляд, она казалась не покалеченной. Но было видно – мертва. Костя сразу узнал Леночку.

Милиция быстро перекрыла станцию, не пропускала туда пассажиров. Тех, которые уже находились на платформе, оставили – как свидетелей. Молодой капитан опрашивал людей – кто что видел. Костя слушал, как отвечали. Но получалось, что толком никто ничего не разглядел: народу было много, стояли плотно. Девушка вдруг покачнулась, подалась вперёд и упала на рельсы. Электричка в это время уже выезжала из тоннеля...

– Может, покончила собой? – предположила одна из женщин.

«Нет, – мысленно возразил ей Костя. – А впрочем...». Он, знавший историю Леночки, не мог однозначно ответить. Но его смущала одна вещь – он не видел нигде рядом чёрной сумочки, с которой приехала девушка. Той сумочки, где были, наверное, её документы, и бумажка с телефоном, и колечко с бриллиантами... Костя увидел, как из кармана лёгкого пиджака погибшей девушки капитан достал билет – их им в вагоне вернул проводник. «Вот и отлично, – подумал он. – Там указаны и станция, где она садилась, и её фамилия. Не будет похоронена безымянной». Он очень не хотел признаваться, что знает погибшую – слишком много вопросов возникло бы у милиции. А так – сами разберутся... может быть.

* * *

Костя гостил у бабушки минувшим летом. Естественно, Анна Павловна за это время нисколько не изменилась: интересная, подтянутая женщина, да, очень пожилая, но седые волосы уложены в элегантную причёску, а карие глаза блестят совершенно молодо. Блузка с отложным воротничком, строгая юбка...

– Бабуля, – воскликнул Костя, освобождаясь из любящих объятий, – ты выглядишь так, словно сейчас откроешь дверь в класс и начнёшь урок! Как всегда!

– Это уже в крови, дорогой. Всё-таки сорок лет в школе.

Верно, Костя никогда не видел бабушку неопрятной, даже просто в домашнем халате. Впрочем, он ведь никогда и не жил с ней. Возможно, оставаясь одна, Анна Павловна позволяла себе расслабиться, но даже с любимым внуком она выглядела классической учительницей. «Ноблиз облидж» – «Положение обязывает» – любила говорить она. Положение обязывало её вдвойне, ведь много лет она была женой университетского профессора. Дед, к сожалению, умер рано,

Костя плохо его помнил. Но Анна Павловна никогда не забывала, что она профессорская вдова.

Костя любил бывать в этой профессорской квартире – огромной, четырёхкомнатной, где с непривычки можно было и заблудиться. Но как же здесь было уютно среди массивных кресел, старинных столов, картин, книжных стеллажей! Не было в этих стенах компьютера, но Костя не жалел об этом. Бывая у бабушки, он отдыхал от монитора. Здесь он любил читать...

Бабушка, после первых объятий, заметила, что внук расстроен. Костя рассказал коротко, что видел в метро погибшую девушку. И очень удивился, когда бабушка, покачав головой, сказала с сомнением в голосе:

– Кто знает... Могли и специально толкнуть бедняжку!

– С чего ты взяла? – Костя даже побледнел, ведь ему самому такая мысль приходила в голову. Но он знал Леночку и её обстоятельства, а бабушка... Та словно подслушала его мысли:

– Я, конечно, этой девушки не знаю. Просто предположила – из своего опыта. Видишь ли, Костя, я на днях тоже чуть не погибла. И не случайно – на меня явно покушались!

– Ты меня пугаешь? – не поверил Костя. – Фантазируешь?

– Пойдём-ка, я тебя покормлю с дороги. Заодно всё расскажу.

Пока Костя наворачивал бабушкин борщ, она изложила ему свою историю: подробно, по порядку, с учительской методичностью.

– У меня есть давняя подруга, тоже учительница-пенсионерка. Живёт в одном дальнем микрорайоне. Видимся всё реже и реже: трудно добираться, старые стали. А тут как-то встретились, она и говорит: «У меня соседи хотят квартиру продать. Я и раздумалась: вот бы ты стала жить рядом! Обе мы одинокие, поддерживали б друг друга...» Я и задумалась: одна в огромной квартире... Зачем? А что, если продать её! Я слыхала, квартиры в центре дорого стоят. Куплю себе маленькую двухкомнатную рядом с Полиной, а остаток денег тебе отдам, ты в Донецке тоже себе квартиру купишь... А тут, словно подслушав мои мысли, нашёлся и покупатель: один богатый человек купил квартиру на первом этаже, а моя, на втором, – как раз над ним. Он стал ходить ко мне, уговаривать продать. Очень уж ему хотелось иметь большую двухэтажную квартиру, с винтовой лестницей! Обещал мне очень хорошие деньги! Я и решилась. Но боялась напрямую продавать ему: а вдруг обманет? У нас в городе много

подобных случаев было, слышала! Вот я и решила перестраховаться: посмотрела объявления в газете, выбрала солидное агентство по продаже недвижимости, и пошла туда. Там оказались такие приятные люди – молодые, интеллигентные, внимательные. Сказали, что сами всё сделают, соберут нужные бумаги, оформят. Я написала заявление, отдала свои документы. Прошло буквально три дня, мне позвонили, попросили зайти. Директор и его референт – молодая, очень энергичная женщина, сказали, что всё почти готово. Но они, заботясь о моих интересах, предлагают оформить всё так, словно я продаю свою квартиру им, то есть, – этому агентству. Референт мне очень доходчиво объяснила, насколько меньше мне придётся в таком случае платить специального налога. А в случае заключения, при их посредничестве, договора с покупателем, под налог уйдёт очень большая сумма. Мне её назвали, и я ужаснулась. И подумала: «Нет, лучше я эти деньги отдам внуку!»

– В общем, бабуля, они тебя уговорили?

Бабушка, рассказывая, приготовила кофе, налила чашку Косте.

– Да, они были так убедительны. Я оставила в агентстве паспорт, чтоб они всё окончательно оформили. Договорились: через три дня я в присутствии нотариуса поставлю последние подписи и получу деньги. Но уже на следующий день меня попыталась сбить машина!

– Ты хочешь сказать – специально?

– Да, мой милый мальчик, я уверена: специально! Я поехала в микрорайон к подруге, чтоб поговорить с её соседями о покупке их квартиры. Вышла из метро и свернула в сквер. Днём там малоллюдно, я иду по широкой аллее, и вдруг сзади – автомобиль. Машины по скверам не ездят, а этот мчится прямо на меня. Я только успела оглянуться и застыла, как кролик. А тут – мой спаситель, большой пёс, дог – его, наверное, кто-то выгуливал там в это время. На моё счастье... Пронёсся перед самой машиной огромными прыжками. Шофёр, видимо от неожиданности, вильнул в сторону, задел боком дерево. Такой сильный скрежет раздавался! Тут я опомнилась, отбежала в сторону. А автомобиль даже не остановился – быстро уехал. Словно бегством спасался.

– Вот так история! – Костя покачал головой. – Может, всё же случайность?

Но сам он, честно говоря, так не думал. Бабушка тоже. Она тогда же, очень взволнованная, вернулась домой, весь

день размышляла... Получалось, что причиной могла быть только квартира. Погибла бы под колёсами какая-то безымянная старуха: в том далёком районе её никто бы не опознал, в розыск подали б ещё не скоро. А по её паспорту агентство оформило бы покупку квартиры, и деньги не надо платить! Ведь можно найти подставную женщину – подходящую по возрасту и внешности...

– С логикой у тебя всё в порядке, – согласился Костя. – Но всё ведь бездоказательно!

– А я, Костик, когда обо всём этом подумала, решила кое-что уточнить. Вспомнила, что часто, проходя по нашей центральной улице Сумской, видела щит с надписью: «Аудиторско-консультативный центр городской налоговой инспекции». Красиво, со вкусом оформленный особнячок, с кованой оградой. Я пошла туда, сказала, что хочу проконсультироваться о налогах. Меня провели в кабинет к специалисту – мужчина средних лет, очень компетентный. От него я и узнала, что в агентстве меня просто обманывали! Никакого специального налога не существует! Кому бы я ни продавала квартиру – агентству, или напрямую покупателю, или покупателю посредством агентства, – я должна уплатить только государственную пошлину, и всё! Потом написать декларацию в налоговую инспекцию, но и тогда с меня ничего не возьмут... И я утвердилась в своих подозрениях!

– И позвонила мне?

– Не сразу. Я пошла туда – в агентство. Как там засуетились, когда меня увидели! Директор, его заместитель, референт – все ко мне вышли. И когда я сказала, что передумала продавать квартиру, даже не стали меня уговаривать: сразу вернули документы. Однако немного пришлось подождать в приёмной. Там, около секретарши, стоял один их работник, они тихо разговаривали, но я не прислушивалась – была вся в напряжении. Но вдруг уловила одно слово: «Бухгалтер».

– И сразу вспомнила любимого внука! – засмеялся Костя.

– Да... Мужчина сказал: «Теперь придётся нового бухгалтера искать». А секретарша ему: «Это же не проблема!» Он так губами почмокал: «Нет, деточка, именно проблема! Нужно, чтобы во всём соответствовал...»

Бабушка вопросительно посмотрела на Костю, и он весело хлопнул в ладоши:

– Гениальный план, бабуля! Внедрить меня туда тайным агентом! Я правильно понял?

– Правильно, мой милый. – Анна Павловна нисколько не смутилась. – Я, как вернулась домой, тут же тебе позвонила.

Не думаю, что за прошедшие два дня они нашли себе бухгалтера. Ты к ним пойдёшь, и они тебя возьмут!

- Ты так уверена? Впрочем... - У Кости загорелись глаза: недаром мама часто повторяла, что он весь в бабушку. А ещё он не удержался, «подколол»: - Вот видишь, и моя профессия пригодилась!

Дело в том, что бабушке очень хотелось, чтоб внук пошёл по её стопам, стал учителем-историком. И Костя поступил в педагогический институт, проучился там два года, но понял - это не его призвание. Бросил и пошёл на бухгалтерские курсы...

- Ты придёшь туда вроде бы случайно, в поисках работы, - продолжала Анна Павловна. - Уверена, подходящую историю ты сочинишь сможешь. И подходящего им человека тоже сможешь изобразить... Вот, они мне давали свою визитную карточку, там есть адрес.

Костя взял блестящий прямоугольник: на фоне зубчатых стен готическим шрифтом написано: «Castle».

- «Замок», - перевёл он.

- Скорее, «Крепость», - поправила бабушка. У них на входе даже девиз написан: «Мой дом - моя крепость».

Костя перевернул визитку: на обороте значились адрес, телефон, факс... Молодой человек вздрогнул: эти цифры телефона он уже сегодня видел - утром, в поезде! На листке бумаги, выпавшей из рук Леночки!

Мгновенно выстроилась в уме цепочка: Леночкин Виктор - погибший под колёсами автомобиля застрахованный владелец квартиры - бабушка, решившая продать квартиру, и гоняющийся за ней автомобиль - агентство по продаже недвижимости «Castle»... Только теперь Костя окончательно поверил: автомобиль оказался не случайно на аллее сквера!

- Я пойду туда, - сказал он, пряча визитку в карман. - Сегодня же!

- Скажи, милый, ты носишь свой крестик? - неожиданно спросила бабушка.

Костя удивился. Как многие молодые люди, родившиеся в новые времена, он был крещён. Но его родители, да и сама бабушка, жившие в стране подавляющего атеизма, не считали веру в Бога чем-то для себя необходимым. В семье так и не стало традицией отмечать церковные праздники, ходить в храм на службу. Анна Павловна хорошо об этом знала. Потому он пожал плечами, сказал с лёгкой иронией:

- Да нет, как-то не привык. Он мне мешает. Да ты, бабуля, и сама ведь не носишь.

- Последнее время ношу...

И правда, лет пять, как с Анной Павловной происходили перемены: о многом она задумывалась, многое вспоминала из своего детства, молодости. Стала ходить в близкую церковь, которая называлась «Усекновения головы Иоанна Предтечи». И когда чудом избежала гибели под колёсами гнавшегося за ней автомобиля, первое, что подумала: «Господь уберёт!» И перекрестилась. Теперь она взяла из старинного шкафа красивую инкрустированную шкатулку, достала серебряный крестик – немного побольше и потяжелее обычного нательного.

– Вот, – протянула внуку, – надень. Это крестик твоего дедушки. Им он был крещён, его проносил всю войну: может, оттого и выжил.

– Да ну? – усомнился Костя. – Разве разрешалось советским офицерам кресты носить? За это и расстрелять могли!

Анна Павловна покачала головой:

– Много вы, молодые, знаете о наших «советских» временах! Вбивают вам в головы всякие страшилки. Как раз на фронте многие крестики нательные носили – и солдаты, и офицеры. Десятилетиями веру из людей изгоняли, а как беда пришла, тут же все руки протянули к небу: «Спаси, Господи!» И не только простые люди: самые главные руководители, сам Сталин... Ты, Костик, надень этот крестик, и не снимай его...

* * *

Костя решил, что он будет изображать не обременённого высокой моралью начинающего карьериста и стяжателя – такого простодушного циника. Он мило улыбался, говорил откровенно директору:

– Донецк – провинция, а Харьков – почти столица! Молодому и умному человеку здесь есть где развернуться! И потом: у меня здесь дед – одинокий, с квартирой, а я – единственный внук. Зачем же упускать такую возможность, правда?

Он решил как можно меньше отступать от своей настоящей биографии, но всё-таки из предосторожности переделал бабушку в «деда», хотя фамилии у них были разные: Анна Павловна всю жизнь жила под своей девичьей... После последней фразы Костя заметил мелькнувший в глазах директора интерес, а потом – чувство сожаления. «Упустили одинокого старика с квартирой, – расшифровал Костя этот взгляд. – Жаль!»

– Так значит, вы работаете бухгалтером в пошивочном кооперативе? – спросил директор, перебирая Костины документы.

- Уже полгода! Думаете, это мало? Да я там всё до тонкостей знаю. Рутинная, развернуться – никакой возможности! А я ведь очень хорошие курсы кончал, легко работаю с «Один С» – вы ведь знаете, что это. Ещё я отличный компьютерщик: система «Фрегат» для меня не проблема. Разбираюсь даже в «SAP», а это, поверьте, не каждый экономист с высшим образованием осилит!

- От скромности вы не умрёте, молодой человек!

Директор посмотрел на него заинтересованно, Костя улыбнулся:

- Товар надо показывать лицом! Я ведь хочу получить у вас место. Если сработаемся – стану надёжным компаньоном! Моё кредо: бухгалтер – исполнитель воли директора!

Директор хмыкнул, повернулся в сторону.

- Ну что, Людмила Григорьевна, возьмём его?

У окна в кресле сидела молодая женщина, которую бабушка назвала «референт». Лет двадцать семь, высокий лоб обрамляли красиво уложенные тёмные волосы, затемнённые очки, чёткие губы в неяркой изысканной помаде. Она улыбнулась и грудным, мягким голосом сказала:

- Перспективный молодой человек... Давайте, Игорь Михайлович, дадим ему испытательный срок – неделю или две.

Встала и пошла к выходу – стройная, в элегантном костюме. Все сотрудники «Castle» были молоды, элегантны, современны. Директору, его заместителю, главному менеджеру – от 30 до 35 лет. Как на подбор: высокие, спортивные, излучающие энергию и благоухание дорогих мужских одеколонов. Но ни одного из них не звали Виктором.

Костя трудился в агентстве уже три дня. Его посадили за стол бывшего бухгалтера, где стоял компьютер. Молодой человек быстро разобрался во всех документах и программах – он не преувеличивал, говоря о себе, как об отличном компьютерщике. Но хвастаться, что друзья прозвали его «Хакером», он не стал. Ни к чему его новым коллегам знать, что он может «вскрыть» почти любую закодированную программу. В бухгалтерском компьютере ничего необычного он не нашёл. «Если где и хранится криминал – то у директора», – решил Костя. Нужно было искать подходы к компьютеру директора. Костя надеялся, что ему в этом поможет дружба с секретаршей Ларочкой.

Это было очаровательное существо девятнадцати лет, словно сошедшее со страниц рекламных журналов. Длинноволосая и длинноногая натуральная блондинка с

волнующей фигурой, наивным взглядом и манящей улыбкой. Она необыкновенно умело пользовалась косметикой, ловко набирала на клавиатуре тексты, заразительно смеялась и почти всё рабочее время играла на компьютере в «Doom». Мужчины баловали её изысканными подарками-безделушками и шоколадками, она, благодаря, целовала их в щёку, тут же вытирая пальчиками след помады. Референт Людмила смотрела на неё снисходительно, как старшая сестра... Судя по всему, Ларочка была общей любимицей. И с Костей они почувствовали взаимную симпатию в первый же день, словно были одноклассниками, знавшими друг друга много лет. Она стала заходить к нему в комнату, садиться рядом и болтать, пока он работал на компьютере. Ему это не мешало, было приятно. Девушка бездумно и беззаботно рассказывала ему обо всех сотрудниках. Он узнал, что у директора Игоря есть за границей брат, владелец офшорной фирмы. Главный менеджер Виталий ещё три года назад участвовал в мотоциклетных гонках, даже зарубежных, и брал призы. Замдиректора Борис – азартный игрок, а Людмила мечтает стать известной писательницей, сочиняет рассказы. О самой Ларочке Костя скоро понял, что она – любовница кого-то из трёх мужчин. Не мог только ещё определить – кого именно... Всё это было интересно, но малополезно. Его волновало другое: директорский компьютер.

Костя и сам точно не знал, что хочет раньше найти: подтверждение убийства Леночки или покушения на бабушку? Но он был уверен: достаточно и одного из этих фактов, чтобы милиция занялась «Castle», а там выплывет и всё остальное... Тридцатилетний Виталий, красавец с атлетической фигурой, особенно казался подозрительным Косте. И внешность, и имя, больше всего подходящее под «Виктор»! Костя однажды завёл с ним разговор о своём донецком крае, спросил, как бы между прочим, не бывал ли тот в самом Донецке, в Горловке или Краматорске? Виталий лишь пожал плечами: «Не приходилось».

«Испытательная неделя» подходила к концу. Своё задание – месячный отчёт по НДС, – Костя тоже уже заканчивал. Он чувствовал, что пришёлся ко двору и ему предложат остаться. Ещё бы: он изо всех сил проявлял рвение и готовность во всём подчиняться. В этот день он попросил разрешения задержаться:

– Ещё часик работы, и я закончу отчёт!

Директор одобрительно кивнул:

– Молодец! Я скажу охраннику, что ты ещё поработаешь.

Все ушли, кроме парня в камуфляже, но тот сидел в вестибюле, у входа. И Костя осторожно прошёл в кабинет директора, включил компьютер... Через час он с разочарованием и недоумением отключил прибор. Пусто! Нет, конечно, в компьютере директора было несколько закрытых программ, и там он нашёл деловые записи: адреса, фамилии, суммы. Но ничего, что бы говорило об операциях с квартирами в Ясиноватой, о бабушкином деле. Возможно, среди названных людей были одинокие обманутые старики, но это надо проверять... Костя на всякий случай сбросил себе на диск кое-что. Однако он испытывал разочарование, потому что надеялся на большее, чуть ли не на мгновенное раскрытие преступлений! Он ведь знал психологию людей, имеющих дело с компьютером: этой машине доверяли самое сокровенное и не убрали из её памяти информацию – хранили вплоть до ненужных мелочей. Костя шёл по улице и думал: «Значит, это не директор! Не он всем заправляет... Но кто же?»

Утром, когда Костя пришёл в офис, все сотрудники находились в общей комнате, которую здесь называли не «приёмной», а «гостиной». Менеджер Виталий сказал ему:

– Подожди здесь! Звонил Игорь, просил не расходиться. Сейчас придёт и что-то сообщит.

Он многозначительно подмигнул, и Костя решил: «Скажет, что берёт меня на работу. Благодетель!» В это время зашёл сам директор, быстро оглядел всех, остановился у стола секретарши, рядом с Ларочкой.

– Друзья! – проговорил он с радостным подъёмом, но Косте вдруг показалось, что радость слишком наиграна. – Друзья! Сегодня в моей жизни особенный день, и я хочу вас всех сделать свидетелями моего счастья! На ваших глазах я надену обручальное кольцо на палец своей избраннице – самой прекрасной женщине! И поверьте, самое ценное в этом кольце не бриллианты, а то, что они складываются в букву «Л» – первую букву её чудесного имени!

У Кости перехватило дыхание. Из оббитой бархатом коробочки Игорь достал платиновое колечко с вензелем в виде буквы «Л», обсыпанной маленькими бриллиантами. Радужный свет отразился на гранях камушков, и Костя мог бы поклясться, что такое же колечко и такую же игру света он видел на пальце погибшей Леночки. В этот момент догадка, как молния, озарила ему всё происшедшее. «Лариса! Вот оно что – Лариса! Наивная секретарочка, играющая в простенькую компьютерную игрушку-стрелялку! Вот в чей компьютер нужно было заглядывать! Какой же я дурак!»

* * *

Между тем Игорь протянул руку в сторону, и на его ладонь легла ладонь Людмилы. Костя, ошеломлённый своими размышлениями и открытиями, даже не заметил, как она оказалась рядом с директором. Она сняла очки, у неё оказались красивые тёмные глаза. Они возбуждённо блестели, на щеках горели красные пятна... Игорь сначала сжал её пальцы, поднёс к губам, а потом медленно, торжественно надел кольцо. В ту же минуту все захолопали, заговорили, тут же появилось шампанское, фрукты. Игорь и Людмила раскланивались, отвечая на поздравления, улыбались, продолжая держаться за руки. Костя, ошеломлённый своими догадками и открытиями, переводил взгляд с одного человека на другого. Может быть, поэтому только он заметил, что Ларочка смеётся слишком громко и экзальтированно, а глаза её влажны.

Ещё с получаса продолжалось веселье, звенели бокалы, но потом все разошлись по местам, взялись за работу. А ещё через некоторое время в кабинет к Косте зашла Ларочка, села рядом в кресло-вертушку, закурила длинную тонкую сигарету. Костя ждал её: он почему-то был уверен, что девушка непременно придёт. Похоже, ей нужно выговориться.

– Не мешаю? – спросила она и, не ожидая ответа, махнула рукой: – Все такие деловые, разбежались! Один Борис здесь... Как тебе наши обручённые? Такая любовь – трогательно до слёз!

– То-то я заметил, что ты чуть не плакала!

Костя правильно рассчитал: эта его фраза стала последним толчком. Ларочка и в самом деле всхлипнула:

– Игорь меня любил! Я уже была почти его женой! Это колечко он должен был мне подарить!

– Не жалею о кольце, – не удержался, сказал ей Костя. – Оно не принесёт ей счастья.

Но Лариса, похоже, его даже не слышала.

– Людмила вцепилась в него, как рысь! Точно-точно, Костя, она самая настоящая хищница, своего не упустит! И уж не думаю, что она его любит. Просто Игорь для неё – выгодная партия. Он богатый, эта фирма – его, и за границей кое-что у него есть. Вот она и прибрала его к рукам... Она уже и здесь всем заправляет!

– А ты что же, смирилась?

Ларочка покривила губы в усмешке.

– Я перед ней – пешка! Она меня так ловко отодвинула в сторону и подсунула Борису, что я не сразу и поняла, как

всё получилось! Только мне кажется, Игорь всё равно меня любит!

- Ларочка, - Костя наклонился к ней, положил ладонь на её руку. - А что, если я помогу тебе вернуть Игоря?

Он говорил тихо, смотрел ей прямо в глаза и, хотя слегка улыбался, девушка поняла, что это серьёзно.

- Разве ты сумеешь? - спросила она почему-то шёпотом.

- Если ты мне поможешь, смогу! Поможешь?

У Ларочки загорелись глаза.

- Ой, Костик, да я всё готова сделать, чтобы Людмиле отплатить! А что же, что делать?

Костя несколько секунд молчал. Он понимал, что многим рискует, открывая секретарше хотя бы часть своего плана. И всё-таки решился.

- Мне нужно добраться до компьютера Людмилы... Ты говорила, она рассказы пишет? Думаю, там у неё может оказаться откровенная запись по поводу Игоря. Мы бы могли открыть ему глаза...

Ларочка молчала, и Костя вздохнул, пожал плечами:

- Но Людмила свой кабинет запирает. Да и люди кругом. Ничего не выйдет! А я так хотел тебе помочь, ведь невеста - ещё не жена, а свадьба у них только через месяц...

- Я знаю, что нужно делать! - воскликнула Ларочка решительно, и сразу же зажала ладошкой себе рот. Потом продолжила тихо: - Завтра суббота, день не рабочий, никого здесь не будет. Вот мы и придём с тобой! А ключи от всех кабинетов у меня есть - запасные.

- Но офис охраняется, - сказал Костя.

- Знаю! - Девушка махнула рукой. - Это моя забота! Я со всеми охранниками дружу, найду, что сказать!

И правда, Ларочка очень быстро договорилась с охранником. Костя стоял в стороне, то и дело поправлял указательным пальцем очки. Он искренне смутился, слушая то, что плела девушка:

- Толик, лапочка, помоги нам! Ты же знаешь Костика, он наш новый бухгалтер, он и тебе денежки насчитывать будет, и премию подбросит! Но у него пока ещё нет приличного места, куда можно девушку привести, а у нас в офисе так уютно, диванчик раскладной...

Охранник, играя бицепсами под камуфляжной формой в обтяжку, бросал на Костю удивлённые взгляды:

- Неужели тебе нравится этот хлопик?

- О, он такой милый! Я влюблена в него!

- Обидно! А я всё жду, когда ты в меня влюбишься!

Ларочка улыбнулась так завлекательно, так ласково

положила ладонь на локоть охранника, что у того масляно заблестели глаза.

- Может быть, это случится очень скоро, - почти прошептала она.

Через пять минут они были уже в офисе, девушка отперла дверь в кабинет референта, сказала Косте:

- Вот её компьютер... Ох, Костик, если бы получилось!

Она хотела устроиться рядом, смотреть, как он работает. Но Костя объяснил, что ему предстоят сложные операции, надо сосредоточиться, ни на что не отвлекаться. И Ларочка ушла в гостиную, взяла журнал...

Очень быстро Костя просмотрел всё содержимое жёсткого диска: программы, папки, файлы. И обнаружил, что интерес может представлять только одна закрытая программа. Кодовый замок на ней был «крепкий». «Или сама Людмила хороший компьютерщик, или ей помогал профессионал!» - с уважением подумал Костя. Он любил интересные, сложные загадки, но сейчас нельзя было работать спокойно, в своё удовольствие. И Костя взялся за дело методично, быстро, не отвлекаясь на пространные рассуждения...

- Есть! - воскликнул он через недолгое время.

Вскочил, возбуждённо прошёлся по кабинету, подумал неожиданно: «Хорошо бы закурить!» И тихонько засмеялся над собой: он ведь никогда не курил! Да, он очень волновался, когда вновь сел к компьютеру и положил ладонь на «мышь»! А вдруг его труды напрасны? Первый щелчок - и перед ним открылся «Личный дневник» Людмилы. Мало ли что может быть в дневнике молодой женщины! Но уже с первых же прочитанных фраз Костя понял: да, записи в самом деле очень личные, но именно те, которые он надеялся найти! И даже более того!

Молодой человек перевёл дыхание и стал внимательно читать...

«... Всё-таки мужчины по духу своему - иждивенцы! Даже те из них, кто хорошо зарабатывает и может обеспечить женщину материально. Но с какой охотой они предоставляют право принимать решения и нести ответственность «слабой женщине»! Иногда это так выводит меня из себя! Но не в данной ситуации: Игорь слабохарактерен, обделён творческой фантазией и настоящей деловой хваткой. Он охотно слушается моих советов, а теперь уже настолько вовлечён в наше дело, что выйти из него просто не сможет. Во-первых, его привлекают большие и «лёгкие» деньги. Ещё бы: квартиры, и очень хорошие, достаются даром, а продаются втридорога! А ведь

на них, кроме всего, оформляется покупка – несуществующая покупка, потому что продавца нет в живых! Куда там Чичикову с его мёртвыми душами до нас! Наши «мёртвые души» дают нам гораздо больше. И на счёт идут деньги, и безналичка совершенно законно обращается в реальные купюры! Конечно, приходится проводить и вполне легальные операции купли-продажи недвижимости. Но это – просто прикрытие нашего основного бизнеса... Но почему я пишу «нашего»? Моего, именно моего! Ведь я придумала всю систему, и каждую ситуацию контролирую сама...»

«Хороший стиль, – невольно подумал Костя, качая головой. – Если получит срок, там у неё будет возможность писать и романы, и воспоминания. Ещё прославится! А что, вон в Америке: как какой-нибудь маньяк или мафиози сел в тюрьму – сразу контракт с издательством заключает, книгу о своей жизни пишет...»

Он стал читать дальше: подробный рассказ о том, как всё начиналось, как делались ошибки в первых махинациях, как Людмила укрепилась в мысли, что «лучший клиент – это мёртвый клиент», как убедила в том Игоря... «Он заявил, что ничего знать не хочет о подробностях. Мозгяк и трус! Но так даже лучше, а то ещё захотел бы познакомиться с исполнителем «смертельных трюков»! А вот это совершенно ни к чему, никому не нужно знать о нашей с Виталиком связи! Я сумела устроить его к нам главным менеджером через третьи лица, никто и не догадывается, что мы с ним давно знакомы. А уж о том, что давно любовники – тем более! Виталик – вот кто мой настоящий единомышленник и помощник во всём. А какой любовник! Я его никуда от себя не отпущу, да он и сам не уйдёт... Если бы Игорь знал, что тот, кто исполняет наши «приговоры», работает рядом с ним – умер бы от страха! А вот Виталик – настоящий смельчак. Он был отчаянным байкером, а теперь так же виртуозно управляет угнанными для дела машинами. А в том, что старики гибнут под колёсами случайно – милиция ни разу не усомнилась, ведь у всех у них или склероз, или замедленная реакция, или больные ноги, или плохое зрение... Беспроигрышный вариант!»

Костя внутренне напрягся: кажется, уже близко те случаи, которые касаются лично его! Да, вот оно: «Со временем мы расширили свои легальные операции на весь регион, и нелегальные тоже. В Ясиноватой, почти что пригороде Донецка, Игорь удачно познакомился с одной стервочкой, через неё вышел на отличную квартиру. Сговорился с племянником владельца этой квартиры: мы его быстро

делаем наследником, он получает большую страховку за дядю, а нам отдаёт, по липовой купчей, квартиру. Поначалу всё прошло отлично: Виталий своё дело сделал, Игорь оформил с наследником бумаги. Но вернулся он из Ясиноватой сам не свой и признался мне, что та самая стервочка обо всём догадалась. Правда, она ничего о нём не знает, даже имени. Хорошо, у него хватило ума назваться «Виктором». Мы с ним пришли к выводу, что найти его она не сможет. «Да и не станет, – сказал Игорь. – Я её хорошо подмазал: пришлось отдать дорогое кольцо... Другой женщине покупал...» Знаю я, кого он имел ввиду: эту смазливую дурочку Лариску! У него бы хватило ума на ней жениться, да только я этого не допущу. У нас с Виталиком насчёт Игоря уже сложился план...»

Костя удивлялся больше и больше. Всё оказывалось не так, как он предполагал! Теперь он даже не брался разгадывать дальнейший ход событий. Да и зачем: сейчас он обо всём прочитает!

«Если бы можно было Игоря как-нибудь устранить и прибрать фирму в свои руки, – мы бы это сделали. Но это просто не получится: фирма частная, а у Игоря за границей старший брат – настоящая акула, такими делами ворочает! Своего не упустит, да и наш замысел может вычислить. И я решила: выйду за Игоря замуж, стану совладелицей и наследницей всего его имущества и бизнеса. А потом, через недолгое время, овдовею – это не проблема! А ещё через время выйду замуж за Виталия, и мы станем совершенно законными владельцами фирмы, которая уже имеет большой счёт в Швейцарии, и может приносить ещё больший доход. Уж мы с Виталиком сумеем дело развернуть!»

Костя присвистнул! Он сказал Ларисе, что хочет разоблачить Людмилу перед Игорем, сказал просто для того, чтоб получить доступ к компьютеру. Но оказалось, что разоблачать и в самом деле есть что!

– А ведь не влезь я в программу, эта парочка – Людмила и Виталий, – убили бы Игоря, непременно! – произнёс Костя тихонько вслух. – Как Леночку! Кто же толкнул её под поезд? Виталий?

И он стал быстро просматривать записи дальше: «... Последнее время появляются осложнения. Впрочем, в этом есть своя логика: не может всё идти всегда гладко. Впервые Виталик не сумел сбить старуху, и она явилась за своими документами. Мы ей тут же всё вернули, хотя жаль терять такую шикарную квартиру! Но это не страшно, а вот с

девицей из Ясиноватой пришлось сложнее. Болван Игорь уверял, что у неё нет никакого выхода на нас, а она – позвонила! Хорошо, что я трубку взяла и сразу поняла, кто говорит: звонок междугородний, имя – «Виктор»! А ведь эта Лена может Игоря взять хорошо в оборот, у неё есть факты для шантажа! Нет, я не могу допустить, чтоб из-за какой-то девчонки мой прекрасный план, а значит и вся моя дальнейшая жизнь разрушилась! Ещё чего! Она сказала: «Завтра утром приезжаю». Я узнала, когда прибывает донецкий поезд, решила: сама её встречу! Не стала никому говорить, даже Виталию. Мало ли что! То, что я знаю о нём, позволит мне всегда держать его в руках. Зачем же ему давать подобный козырь?.. Лену я узнала сразу – Игорь мне её описывал. И ещё я сразу поняла: она беременна – эти пигментные пятна на лице, сглаженная талия... Ошибиться невозможно! И тут я окончательно поняла – девчонку надо убирать! Когда все пассажиры разошлись и даже проводник ушёл в вагон, я подошла к ней. Сказала, что меня прислал Виктор, сам он не мог – дела, но ждёт её в офисе. Дурочка обрадовалась, что-то залопотала... Мы проехали метро, перешли на другую станцию. Я знала, что именно на этой линии по утрам много людей. И не ошиблась. Мы стояли впереди, на нас напирала, и когда в тоннеле показались огни поезда, я сказала ей тихо: «Дайте сумочку». Она машинально разжала пальцы, отдавая, и тут я её толкнула – быстро и сильно... Я уверена, никто ничего не заметил. А когда началась паника, крики, я быстро ушла. Сумочка оправдала мои ожидания: именно в ней лежали документы и телефон нашей фирмы. Думаю, девчонку похоронят неопознанной: надеюсь, электричка изуродует её лицо до неузнаваемости. А ещё в сумочке оказалось кольцо – то самое, о котором рассказывал Игорь! Необыкновенно красивое, с бриллиантовой «Л»! Я знаю, что оно покупалось для Лариски, но с тех пор всё изменилось. Игорь теперь почти уверен, что влюблён в меня. Однако решительно шага делать не торопится. Так вот что я решила: покажу ему это кольцо – он не глуп, сообразит кое-что! Испугается, потому что почувствует себя соучастником. А значит – наденет это кольцо мне на палец, не даром на нём буква моего имени. Именно моего!...»

Костя сбросил все дневниковые записи на свой диск, на всякий случай дублировал их на флешке. Можно было уходить, но он всё сидел, опустив руки. Пять минут назад заглянула Ларочка:

– Ну что, Костик? Ты скоро? Есть что-нибудь интересное?

– Ты будешь отомщена, – ответил он ей неопределённо. – Подожди немного.

Сам он испытывал странное чувство – не радости, а опустошённости. Он понимал: добытый им материал имеет большую разоблачительную силу. Ведь многие события, о которых рассказывается, найдут подтверждения – фактами, документами, свидетелями. Преступники – а они ведь настоящие преступники-убийцы! – будут наказаны. Конечно, это хорошо, но как же тягостно было у Кости на душе! Впервые в жизни он – лично сам, – столкнулся с настоящей подлостью и жестокостью. Одно дело читать увлекательные триллеры или смотреть сериалы об убийствах и бандитских разборках. Совсем другое – увидеть знакомую девушку мёртвой на рельсах, а потом узнать, как хладнокровно планировалось и совершалось её убийство.

Никогда ничего Костя не боялся, просто не было к этому повода. А тут вдруг понял: так же хладнокровно и легко «уберут» и его, если заподозрят... У него даже дыхание перехватило от этой мысли! А надо ли ему влезать в этот криминал? Разоблачать? Леночка мертва, её не вернуть. Бабушку теперь они не тронут – поостерегутся. Людмила с Виталием убьют Игоря? Да пусть себе, как пауки в банке, съедают друг друга! Будут другие жертвы, другие старики? Жаль их, конечно, но ведь и о себе, о своей безопасности надо подумать. В любую минуту он может сказать, что передумал, что не хочет переезжать из Донецка в Харьков. В конце концов, у него всего лишь испытательный срок...

Заболело в груди, там, где солнечное сплетение. Костя непроизвольно прижал ладонь, и вдруг что-то маленькое и холодное, как льдинка, кольнуло тело. Крестик! Тот, что надела ему бабушка, с которым дед всю войну прошёл. Тут же отхлынул жаркий страх, вернулись спокойствие, уверенность. Что ж, теперь его, внука, война. И он пойдёт по ней тоже с крестом.

ПОЭЗИЯ

Елизавета РАДВАНСКАЯ

НАПОМНИТЬ ВСЁ

* * *

Когда я стану умирать,
Сядь рядом. Помолчи немного.
Гляди не грустно и не строго,
Боясь хоть раз меня обнять.

Напомни мне, что ты сказал
Тогда на набережной тихой,
Где пахли губы облепихой
И спал стареющий причал...

Напомни мне ту дрожь руки,
Когда, повенчаны пред Богом,
Из церкви вышли на дорогу
У той же киевской реки...

Напомни все. И грусть, и смех,
И комнату с окном на небо,
И запах праздничного хлеба,
И Рождеством умытый снег...

Не плачь, немного подожди.
Твои глаза остались те же,
Но ты теперь смеешься реже...
Скажи мне, что там впереди?..

Что ждет меня? Какая даль?
Какой я грех не отмолила?
Напомни мне, как я любила
Корицы запах и миндаль...

Как я боялась высоты
И как нежнее стать хотела...
И как рвалась душа и тело
Всю жизнь мою — туда, где ты.

Когда я стану умирать,
Будь рядом — ведь на этом свете
Мы лишь испуганные дети,
Которых некому обнять.

* * *

Мой город растерзан, измучен и выжат,
Ему уже нечем дышать.
И люди чужие, что песен не слышат,
Поставлены судьбы решать.

И мне — прямо в сердце — кричат о свободе,
От злобы всем телом дрожа,
А город — уходит, уходит, уходит,
Как будто из тела — душа.

Прощается небо — дождем — напоследок.
Потеряна главная нить,
И падает истина, — листьями с веток, —
К весне ей положено сгнить.

На каждом углу — авангардные песни
На выдуманном языке,
И город уже превращается в плесень,
Сползая к огромной реке.

Отобраны храмы, забыты истоки
И прошлое втоптано в грязь.
К пустым идеалам ведут все дороги,
На стенах закрашена вязь.

Чужие герои — убийцы и воры —
Гранитные, молча стоят,
И плачет, и плачет в удушьё мой город,
И птицы над ним не летят.

Он больше не пахнет любовью и грустью,
И скошенной майской травой.
А мне бы — на север...
...Но память — не пустит,
Пока этот город — живой.

* * *

Безумие зовет меня женой.
Так, как воды больной смертельно просит.
Так, как про яд в вине не знают гости,
Так, как ушла, оставшись за стеной.
Безумие зовет меня женой.

А я — вопросом — вслед по словарям —
Вопросом, не заметным под одеждой —
На коже шрамом — и немного нежным
Касанием — губами — по губам.
Вопросом — вслед — и вскачь — по словарям.

И не дыши — пока я не дышу.
Нам так велели те, кого я вижу
В углу, вон там, где не скребутся мыши,
Не спрашивай, кто я — и я скажу.
И не дыши, пока я не дышу...

Я не ушла, я все же — за стеной.
Щемящим смехом каждого из звуков.
Необходимым несмыканьем круга.
Необъяснимой белой пеленой...
Безумие зовет меня женой.

* * *

Апрельский город. Фонари
За эту зиму постарели,
И искупаться не успели
В снегов оттаявших капели
С пьянящим запахом земли.

И мы с тобой спешили к ним,
Склоненным желтым своим светом
И ожидающим ответа:
«Что будет дальше?», и одетым
В апрельский шелковый сатин.

И нежно обнимали нас
Их теплые немые взгляды,
Сквозь ночь, туман и все преграды,
Как беззаветную отраду
Их неживых усталых глаз.

Апрельский город. Благодать
Любви, не преданной и тихой,
Легла невидимой туникой
На нашей встречи краткость мига,
И больше нечего желать...

* * *

Зима задыхалась от счастья, а я — от метели.
И черного кофе глоток — и о главном — молчать.
Как птицы на юг — так разбитые дни полетели
На запад. Туда, куда мне запретили летать.

Я вышла из дома, не зная ни цели, ни грусти.
Прохожие мерзли и кутали шеи в шарфы.
Зима мне под ноги бросала ненужные чувства
И детские сказки о самой красивой любви.

И я их топтала, не глядя, — ведь в небо смотрела.
Не знаю, что будет, но знаю, что не было нас.
И птицей на запад разбитое счастье летело,
А я не сводила с него затуманенных глаз.

* * *

Замедли шаг: нам некуда спешить,
Пока еще нет правды и расправы.
Мы будем жить.
Мы будем просто жить.
Не потакай времени и нравам.
Замедли шаг, о ложь не оступись
В затмившей небо липкой паутине.
И сквозь нее
Стремись все время ввысь,
Пока сплошной не стала серость линий.
Замедли шаг: спешить не надо нам, —
Чтоб не порвать связующие нити.
Пока изгиб луча
Не станет прям,
Молчи, не нарушая ход событий.

* * *

Не меня себя на выдуманность начал,
Незаконченных сказок о слишком громких словах,
Мы за судьбы-гроши покупали у ветра прах,
Не сумевший упасть на голову палача.
И в разнузданных снах бежали к тем, кто поймет,
Зная точно, что сердцем таких не дано ласкать.
Друг за друга держась, мы проникли

сквозь тишь и гладь,

Не нарушив в пути ни одной из небесных нот.
...Если рыцарь погиб, на поле оставлен шут.
И ему — не впервые придется идти вперед,
Помня только одно: что никто не изменит ход,
Пока с губ не сорвется шепот:

«Прошу... прошу...»

Оживали в себе крупинкой чужой души,
Огибали углы, но врезались в пустоты слов,
Так бездарно и глупо рифмуя добро и зло,
Свои судьбы отдав за судеб других гроши.

* * *

Уютный дворик. Старый дом.
Тропинка от дверей по снегу...
...И я приду.
И гулкий звон
Колоколов
Застынет негой
Над нами, жившими в бреду
Неизъяснимого «прощаю»...
Весной, наверно,
Я приду,
Когда неумогу печали, —
Гонцом давно уставших тайн
И из родного мира гостем, —
Пока снега стирают грань,
Колоколов целую грозди.

* * *

Слова рассыпались:
Крошки
Хлеба
Для птиц.
Гори, не сгорая.

И прячь по карманам память —
С монетами вперемешку —
Черты тех лиц —
Недаром с ними — чужими —
Столкнуло лбами.
Какой-то вор, шатавшийся у метро,
Достанет их незаметно.
Пересчитает —
И молча выкинет
В мусорное ведро —
Там эти лица медленно будут таять.
А ты — отыщешь.
И снова сунешь в карман
Потертой куртки, пропахшей насквозь стихами.
Чтоб доставать их порою —
По вечерам —
И чувствовать, как скатились слова комками.
По краю хочется? Нежно лелеять боль?
И воздух глоточками — слишком сухой и пресный?
Гори, не сгорая.
Точнее, живи и пой.
Отдай
Птицам
Хлеб —
Нам — смелость оставь
И честность.

Инна МЕЛЬНИЦКАЯ
НАСТАСЬЯ И НАСТАСИКИ

Как это существо вошло в нашу жизнь?

Всё произошло совершенно неожиданно. Однажды вечером раздался настойчивый звонок в дверь, я открыла, и в переднюю ввалился Васька — мой бывший одноклассник, бывший — безуспешный — соискатель моей руки и сердца, а впоследствии ворчливый, но верный друг, с которым мы общались редко и преимущественно по телефону.

Приходил он всегда неожиданно и, казалось, только затем, чтобы сказать мне какую-нибудь гадость. Я не обижалась: мне в таких случаях всегда почему-то становилось жаль его, и я отшучивалась. Но оба мы знали: если тебе трудно — другой всегда придёт на помощь.

На этот раз Васька явился с какими-то большими сумками — по дороге откуда-то забежал, что ли? Однако сумки он почему-то не оставил в коридоре, а втащил в комнату — зачем? Задать этот вопрос я не успела. Конфузливо взмахнув мохнатыми ресницами, которые в школе среди девочек были предметом всеобщей зависти, и густо, виновато краснея, Васька буркнул:

— Слушай, выручай!

Я изобразила вопросительный знак.

— Понимаешь, меня в госпиталь кладут, а мне на день рождения щенка подарили. Охотничьего! Норного! А с кем я его оставлю? Ирка категорически отказывается с ним возиться.

Ирка — это Васькина старшая дочка. Когда он разводился с женой, Ирка ушла вместе с ним и даже по охоте была ему товарищем — Васька купил ей охотничье ружьё! — но характер у нее был не шёлковый. Если Ирка сказала «Не буду!» — значит, хоть трава не расти!

Ещё раз обмахнув лицо ресницами, Васька виновато забубнил:

— Ты же ещё в школе была собачницей, ты меня поймёшь. Я же помню: у тебя Нерка была! Я ненадолго — как

выпишусь, так сразу заберу, Ирка про собаку и слышать не хочет.

Взгляд на Володьку — ну, у того тоже сердце не камень!

— Ну ладно, давай — так где Оно?

Ослепляя нас обоих благодарным сиянием, Васька расстегнул сумку, ту, которая поменьше, и извлёк Нечто, совершенно неопишное. Впрочем, попробую.

Основной частью этого организма был живот: круглое розовое пузико, поросшее редкими белыми шерстинками, с симметричными чёрными кармашками по бокам и плоской розовой пуговицей в качестве пупка. Пузико увенчивалось тяжёлой головешкой неопределённого цвета и неопределённой конфигурации, отдалённо напоминающей гибрид крокодила и ламповой щётки — знаете, были такие ёршики, для керосиновых ламп? Заднюшка существа заканчивалась короткой палочкой-хвостиком. Да, ещё: по бокам этой конструкции были приделаны четыре лапки с розовыми подмышками и розовыми подушечками-ладошками.

Васька осторожно посадил существо на пол. Оно тут же пустило лужку — то ли от волнения, то ли от полноты душевной. Бедный Васька ужасно смутился и вытер лужку носовым платком.

— Вы не думайте, я тут чехол от байдарки принёс; сейчас простелем. Это пока она маленькая, а недельки через две её можно уже будет выгуливать. Я тут ещё мисочку ей прихватил из-под химреактивов — устойчивую, чтоб не перевернула.

Он торопливо разостлал по комнате большущий резиновый чехол, выставил тяжёлую стеклянную посудину, усадил существо рядом с сосудом и с надеждой поднял на нас несчастные глаза. Ну что ты будешь с ним делать!

— Ну ладно, — сказала я без энтузиазма. — Пускай остается.

Сами понимаете: у меня не было никакого сомнения относительно того, кому придётся вытирать все бесчисленные лужки — не говоря уже о прочих подарках судьбы. Но Васька так благодарно расцвёл, что я не стала жалеть о том, что сказала. Существо сидело как-то совсем не по-собачьи, свесив тяжелую башку набок и вытянув вперед задние ноги.

— Ни дать ни взять старуха-негритянка на африканском базаре, — глубокомысленно заключил Володька.

Трудно сказать, откуда у него возникла такая ассоциация,

но возражать я не стала, а осчастливленный Васька заторопился домой. Едва за ним закрылась дверь, как на пороге возникла Володькина мать, сторовавшая на кухне от нетерпеливого любопытства. Окинув державным взором перемену декораций, она незамедлительно изрекла свой вердикт

— Дверь за собою зачиняйте, щоб ота паскуда по хаті не лазила, а то чийсь хахалі усяке паскудство понатаскають, а баба прибирай!

«Чийсь хахалі» — это понятно в чей адрес; «баба» — это она себя так называет; ну, а кому вообще прибираться приходится, с собакой и без — это и без слов вам ясно. Ладно, переживём.

Пока Баба широким, степным голосом развивала идею вселенской справедливости, собачий детёныш наблюдал за развитием событий из-под коротких белых ресниц внимательными, грустными глазами. А когда, победительно шваркнув дверью, она выплыла из комнаты, в обрушившейся на нас тишине вдруг раздался слабенький, жалобный скулёж — точно осиротевший собачик понял все нелестные слова, прозвучавшие в его адрес. И сердца наши тут же растаяли, как мартовские сосульки на солнечной стороне. Особенно моё — ибо по понятной причине я ощутила некое родство наших судеб и, соответственно, наших душ. Однако, порываясь утешить приёмыша, мы спохватились, что не спросили у Васьки, как его зовут и чем его кормить.

По телефону выяснилось, что и о том, и о другом у Васьки у самого было весьма смутное понятие. Поскольку Оно оказалось дамой, он предложил назвать её Найдой, а кормить всем, что сами едим: умная собака сама разберется, что ей годится, а что нет. На том и порешили — только имя, по моему, не понравилось ни нам, ни той, кому оно предназначалось. Во всяком случае, она никак на него не реагировала. Ну, что ж, Васька ей хозяин, его мнение решающее. Найда — так Найда.

Есть Найда ничего не стала — наверное, в новой обстановке детёнышу было непривычно и неудобно. Мы уложили грустное существо на стёганую подстилочку, которую прихватил для нее заботливый хозяин, и пожелали спокойной ночи. Утро вечера мудренее!

Вообще-то да — утро вечера мудренее, но вот про ночь в пословице ничего не сказано, а зря! Хорошо Володьке: он спал всю ночь сном праведника, а бедный щенок всю ночь

робко и горестно поскуливал: то ли не спалось бедняге, — может, голодно было и неприютно, то ли снилась грозная Баба или что-нибудь ещё страшней. Кто их знает, какими они бывают — детские собачьи сны?

Так я и проворочалась всю ночь, а если и случалось так, короткими перебежками, подремать, мне снился серый резиновый чехол с бесчисленными лужками и горестные щенячьи глаза в белых ресницах.

Сон оказался в руку: просто непостижимо, как в таком махоньком тельце умещалось столько жидкости! Наверное, в воспитательных целях надо было натывать ребёнка в лужи носом и выразить строгим голосом своё недовольство, но, во-первых, я не знала, какую положительную программу предложить взамен, а во-вторых, ужасно жалко было это нелепое существо.

Володька, быстренько, как всегда, перекусив на кухне, умчался на работу. Мне же предстояло спешно протереть разостланный на полу чехол, выслушать всё, что Баба думает обо мне, моих друзьях и моих родителях, и главное — когда Баба, исчерпав свой запас красноречия, гневно удалится в свою комнату, — прихватить на кухне что-нибудь съедобное, чтобы разделить завтрак с голодной Найдой. Ох, как не шло ей это имя!

На работу я отправилась, плотно притворив за собой дверь нашей комнаты: просто страшно было подумать, что может случиться, если, не дай Бог, Оно отважится выйти!

Володька, спасибо ему, ухитрился прийти с работы раньше меня. Вернувшись домой, я застала его стоящим посередине свежeweымытого чехла. Он был явно потрясён собственным благородством! У его подножия в той же задумчивой африканской позе сидела наша квартирантка.

— Представляешь, — сказал Володька потрясённо и даже, как мне показалось, с некоторым уважением, — представляешь, их было аж семнадцать штук!

— Кого их? — не поняла я.

— Кучек! — восторженно выдохнул Володька.

Ничего себе! Опять-таки — где оно в ней помещается?

Однако на следующий день, после работы, мне самой представилась возможность убедиться в необычайных способностях этого создания.

Баба молча отворила мне дверь и, не говоря ни слова, прошествовала на кухню, но уже по тому, какое торжествующее злорадство было написано на её лице, я поняла, что меня ждёт сюрприз. Однако, то, что я увидела,

превзошло все мои ожидания. По всему периметру чехла, по краям его, были расположены – нет, не то чтобы кучки, а так – некие миниатюрные монументы, числом опять таки семнадцать. Мистика? Ну, а что касается лужек, то здесь не просматривалось никакой системы – просто вдохновенная небрежность! А уж количество – так тут, пользуясь Бабиной терминологией, их было «нищотню раз»!

Судя по композиции этого несравненного натюрморта, у автора была своя, особая, эстетическая концепция и особое отношение к магии чисел. Но это ещё не всё! В тот день нам было суждено лицезреть ещё одно чудо: когда дверь отворил ко всему готовый Володька, Существо поднялось и заковыляло ему навстречу! Более того: по-моему, оно даже в знак приветствия пару раз дрыгнуло палочкой-хвостиком! Как там у лётчиков: Контакт! – Есть контакт!

С этого дня мы терпеливо и, к Бабиному горькому разочарованию, безропотно убрали все лужки и кучки, которые ожидали нас в нашей комнате после работы. В конце концов, две недели – это только четырнадцать дней! Можно и потерпеть.

И он наступил, Пятнадцатый День – торжественный день выхода в свет! Мы надели своей питомице первую в жизни обновку: персональный ошейник из старого Володькиного ремешка, и подарили ей новое имя. В самом деле – ну какая она Найда? Никто её не терял и никто не находил. Мы решили, что Васька не очень на нас обидится, если она будет Найка – всего только и разницы что одна буква!

Спуститься по лестнице с пятого этажа оказалось для Найки нелёгкой задачей: разноцветная башка почему-то перевешивала туловище, поэтому выход обернулся выносом. Но как только Найку поставили на землю, то есть на травку, молодую и зелёную, – всё! Началась новая жизнь! Запахи – сколько запахов! Все надо понюхать, а на некоторые – ответить! Пространство – а его-то как много! И всё – новое, всё – разное, незнакомое! Первые несколько неуверенных шажков – и смешное, трогательное существо побежало – нескладно, неуклюже и счастливо, неведомо куда!

– Найка, назад! Ко мне. Найка! Найка, Найка!

Куда там! Она ведь не знает, что её теперь так зовут!

Нет, остановилась. Оглянулась на голос, подумала и – ура! – потрусилась ко мне. На последних шагах засомневалась – я правильно поняла? Ты звала меня?

– Да-да, всё правильно, уродец ты мой!

Уродец тычется влажным носишком в мою ладонь, подставляет крутой белый лобик – ну погладь же! – и – брык!

– переворачивается на спинку, задрав все четыре розовые ладошки. Мне остается только почесать розовое пузико с редкой белой щетинкой – и всё! Пакт вечной дружбы заключён! Щен поднимается, отряхивается и – кто сказал, что Васька её хозяин? Это моя Собака!

С Володиным приходом торжественный вынос тела повторяется: эффект тот же!

Ещё три дня – и серый чехол решительно сворачивается и за ненадобностью водворяется в родную сумку. Пару дней мы ещё выносили Найку, так сказать, стихийно, при любой возможности – и ученица оказалась сообразительной: на третий день она сама подошла к двери и недвусмысленно пригласила на выход. Больше проблем с лужками – не говоря уже о кучках – у нас не было.

Далее собачий интеллект развивался просто стремительно. Техноложка, тенистый парк Политехнического института, издавна служила местом встреч и прогулок всех собак, собачников и влюблённых нашего района. Найка оказалась наблюдательной: через несколько дней она по собственной инициативе подобрала какой-то прутик и поднесла Володьке – другие собаки носят палочки, а я чем хуже? На, кинь! Потрясённый Володька взял, кинул – и гордая Найка достойно принесла брошенное и вручила Хозяину. Да-да, так в дальнейшем и распределились наши роли: Володька – Хозяин, верховное Божество; я – закадычная Подружка, а Баба – некая грозная Неизбежность. Правда, надо сказать: то обстоятельство, что я оказалась не на первом месте, Бабу несколько смягчило.

Неопркидываемая ёмкость из-под химреактивов перекочевала на кухню, рядом поселилось осиротевшее блюдечко из-под погибшей чайной чашки, и Найка, когда считала должным, приходила, инспектировала свою законную посуду и, если та оказывалась пустой, молча укоризненно взирала на Бабу. Баба хмурилась, произносила какую-нибудь экспрессивную вокабулу, но, тем не менее, наполняла оба сосуда, чем положено: один водой, другой – едой.

Тем временем Васька не появлялся, но на дверях подъезда появилась бумажка, требующая, чтобы жильцы, имеющие каких-либо домашних животных, явились по такому-то адресу, для регистрации оных. Васькин телефон безмолвствовал. Животное было у нас налицо, но ИМЕЕМ мы его – или НЕ ИМЕЕМ – было абсолютно не ясно. Так или иначе, поскольку оно реально существовало на нашей

жилплощади, дворничиха велела его зарегистрировать. Мы повиновались должностному лицу. Найка получила официальную прописку, персональный жетон и стала стремительно формироваться как личность.

Осознав, что мы обязаны её выгуливать, она, в свою очередь, считала своим долгом напоминать нам, где выход и где висит поводок. С Володей она выходила торжественно и чинно, и не позволяла себе никаких вольностей. Со мной она уже на лестнице то начинала прыгать, легонько покусывая меня за руку – причём обязательно за правую, то, ухватив зубами поводок, делала вид, что хочет его у меня отнять, то бочком, бочком тащила меня куда-то, словно это не я её, а она меня ведёт на поводке гулять.

По-видимому она была убеждена, что всякая уважающая себя собака должна солидно носить палочку, а если палочки не дано, надо её раздобыть – а то без неё как же! Поэтому, выскочив из дверей и отдав неотложный долг природе, она сразу же неслась в Техноложку на поиски очередной палочки. Найдя желаемое, тотчас устремлялась к хозяину: вот, как видишь – я не хуже других добытчица! Бросай, пожалуйста! Если же на обратном пути ей попадалась палочка побольше, а значит получше, она без сожаления бросала первую и подхватывала новую, чтобы с гордостью преподнести её повелителю. Случалось, что трофей оказывался больше её самой – тогда она перехватывала драгоценную ношу точно посередине, чтобы сохранять равновесие концов. Ну, кто осмелится после этого утверждать, что у собак нет мышления, а есть только рефлексы! Более того: если с силой брошенная сухая палка разбивалась надвое, Найка непременно выбирала больший её кусок!

Однажды – каюсь! – я умышленно подвергла её коварному испытанию: когда она приволокла откуда-то толстую палку, метра в полтора длиной, я швырнула это сокровище через ограду парка. Ограда была решётчатая. Найка, как всегда, стремительно, проскочила между прутьями, схватила свою драгоценность, как и следовало, строго посерединке и рванулась назад – но не тут-то было! Эта длинная дылда, естественно, застряла поперек отверстия – и что вы думаете? Найка положила её на землю, взяла за один конец, аккуратно протащила между прутьями, а затем, снова перехватив посередине, с достоинством, как ни в чём ни бывало, положила передо мной. Это что, по-вашему, – рефлекс? По-моему гениальность!

Из уморительного уродца Найка незаметно переросла в

трехцветного жёсткошерстного фокстерьера, из Найки — в Наську, а затем в Настю, а из квартирантки — в члена семьи. А Васька всё не подавал признаков жизни. Телефон его по-прежнему безмолвствовал. И, честно говоря, мы с Володей не очень-то огорчались по этому поводу, потому что каждый день открывали в своей питомице новые и новые таланты.

Однажды утром я вывела её, как всегда, в родную Техноложку. Всё шло, как обычно: пока Настасья считывает со столбиков свежую информацию и оставляет, где находит нужным, свои сообщения, я делаю лёгкую зарядочку — разминку перед очередной баталией — и мы, совершив прощальный круг по аллее, возвращаемся домой. Всё у нас было чётко отработано — однако в тот раз, закончив разминку, я не обнаружила Насти поблизости. Странно — непорядок! Посвистала, окликнула — нет Настасьи! И вдруг откуда-то сверху, из густой листвы доносится решительное, нетерпеливое: «Ввуфф!» Задираю голову — конец света! На дереве, как-то косо выросшем у обрыва — высоко, чуть ли не у самой верхушки, стоит гордая Настя и восклицает: «Ввуфф!» Нет, скажите — вы видели когда-нибудь, чтобы собака лазила по деревьям? Сама, по собственной инициативе, поднялась по наклонному стволу — тут было чем гордиться!

Честно говоря, я испугалась: а вдруг упадёт? Но надо было подыграть этой циркачке — надо быть достойной её! И я подняла какую-то палочку, постучала по основанию ствола и скомандовала: «даун!» — то бишь «вниз!» И Настя гордо прошествовала вниз. Хотите верьте, хотите нет, но я поняла, что просто обязана отработать с Настей этот цирковой номер. Подняла руку, постучала по стволу, скомандовала «ап!» — и Настя взбежала наверх. «Даун!» — и Настя неторопливо спустилась и подошла ко мне с вопросом: «А как быть с палочкой?»

В тот день мы обе поняли: она рождена быть артисткой!

Надо сказать, что в сырую погоду наши взгляды на палочкокидание и палочконошение несколько расходились. Пачкать руки о мокрые, грязные палочки и оттирать с плаща дактилоскопические отпечатки Настиных восторженных ладошек, сами понимаете, удовольствие сомнительное — поэтому обычно между нами начиналось препирательство:

— Настя, это плохая палочка!

Настя бросает отвергнутую палочку и бежит за новой.

— Нет, это тоже плохая.

Так повторяется ещё несколько раз, и, в конце концов, Настя с негодованием взвивается вертикально вверх, носом

в зелёную листву:

– Ну вот же тебе – не видишь, сколько хороших палочек растёт?

Нечем крыть – на дереве палочек действительно предостаточно!

Так что это, по-вашему – рефлекс?

После нескольких дождливых дней, в течение которых Настя терпеливо разъясняет мне, что чистые палочки в достаточном количестве произрастают на деревьях, я постигаю, что она обладает непостижимой, несравненной прыгучестью. Так рождается новый, необычайный цирковой номер, который она с удовольствием демонстрирует окружающим собакам и собачникам, а также замирающим в восторге случайным зевакам. Следите: командуя «ап!» (заметьте: Настя не нуждается в переводчике!), я поднимаю палочку высоко перед собой – и моя артистка совершает невероятный по красоте прыжок. С места, без разгона она взвивается вверх – выше моей головы! – переворачивается в воздухе и плавно приземляется на все четыре лапы.

Но ей и этого мало. Где-то через неделю или две она предлагает новый, опасный трюк. Вручив мне солидную, прочную палку, она хватается зубами ее конец и делает вид, что хочет её у меня отнять: свирепо мотает головой, упираясь задними ногами, кружит меня – и я подчиняюсь: я начинаю вращаться вокруг своей оси – и Настя взлетает в воздух, уцепившись зубами за конец палки и вытянув в полете все четыре лапы и категорический обрубочек хвоста.

Мы становимся легендой нашего района. Кому там нужны мои статьи по теории перевода и психологии творчества, какие-то там стихи и рассказы! Солидная дама, доцент нашего химфака, с которой я полгода сидела за одним столом на курсах кройки и шитья, и которая, тем не менее, встречаясь в университете, здоровалась со мной через раз, встретив меня с Настасьей в Техноложке, воскликнула в благоговейном восторге:

– Так это Вы хозяйка знаменитой Насти!

Таким образом, благодаря Насте, и я удостоилась славы! Воистину, перифразируя мусульманское «Нет Бога кроме Аллаха!» я могу воскликнуть: «Нет собаки главней фокстерьера, и нет фокстерьера лучше Настасьи!» Даже Баба, возвращаясь с прогулки, не без удовольствия рассказывала, как ее подружки на лавочке судачат о летающей собаке.

Неожиданно возник Васька – Настасья встретила его холодно. Подошла, понюхала – и отошла. Наверное, у

каждого из нас на какое-то мгновение ревниво сжалось сердце. Сжалось — и отпустило, потому что стало ясно: Настасья сделала свой выбор! Конечно же, Ваське было обидно, но он понял: в четырёхкамерном собачьем сердце для него не осталось вакантного места. Но он умел держать удар. Он сказал:

— Ну вот! Такая моя планида: не любят меня женщины! Но, как я понимаю, чехол от моей байдарки вам больше не нужен?

С облегчением, но не без угрызения совести мы отдали ему чехол, и он ушёл, пообещав навещать свою крестницу — ведь теперь у него был лишний повод для визита!

А Настя приступила к несению службы.

Теперь, когда она окончательно утвердилась в качестве члена семьи и, следовательно, уже не квартирантки, а полноправного квартироръёмщика, постепенно утвердился и Устав караульной службы — Настины законные права и обязанности.

В будние дни голосистый московский будильник заводился на двадцать минут седьмого. Ровно за две минуты до звонка Настя просыпалась, сладко зевнув, делала «потягусики», подходила к Володькиному изголовью и со звонком трогала его лапой: пора вставать! Будильник был дешёвый, ненадёжный, и вскоре сломался, но и без него ритуал исполнялся с точностью до секунды: на работу Володька ни разу не опоздал.

Чувство времени у нее было необъяснимое. Когда подходила суббота, спать нам разрешалось до семи, но если завтрак затягивался до после девяти, Настя начинала волноваться: вы что — забыли, какой сегодня день? Надо же на дачу собираться! Вот ваши кеды, вот мой поводочек, вон на гвоздике твой рюкзак!

Первая прыгала в машину и занимала штурманское место: сиденье она уступала мне, но правое боковое стекло неизменно украшал отпечаток Настиного мокрого носа.

Уходя куда-нибудь, нужно было непременно сказать: «До свидания, Настика, я на работу» — тогда она отворачивалась и отходила с сознанием необходимости временной разлуки. Если же с ней не попрощались, она скорбно ложилась у дверей, уткнувшись мордой в лапы, и спускаясь по лестнице, мы слышали её горькое всхлипывание, а приходя, заставляли её на том же месте и в той же позе.

Встречая нас после работы, она первым делом несла нам тапочки; приглашая на прогулку — подавала кеды: она точно понимала, что к чему. Возвращаясь с прогулки, она

прямоком следовала в ванную «мыть ручки» и прыгала на специально для неё поставленную перед раковиной табуретку: нельзя же заходить в комнаты с немывтыми ногами! Если я при этом замешкаюсь, она требовательно восклицала: «Ввуфф!»

С передними лапками никаких сложностей не возникало:

– Настя, дай левую!

Пожалуйста.

– Дай правую.

Вот правая.

– Дай заднюю!

Вот это уже гораздо сложнее: надо повернуться задом к умывальнику, по-балетному вытянуть назад заднюю лапку, а это совсем не так легко, как вы думаете. Но сказано «надо» – значит, надо. И бедная Настя со скорбным лицом (вы думаете, я оговорилась? Ничего подобного! Не могу же я сказать о Насте «морда»!) протягивает сначала одну заднюю, потом другую – и наконец с облегчением прыгает на пол. Теперь всё!

Если у нас с Володькой возникали какие-то нескладушки (у кого не бывает!). Настасья выступала в роли миротворца. Она ходила от одного к другому, убеждая враждующие стороны: ну чего вы, в самом деле? Прямо как маленькие! А ну-ка помириться! Ишь чего вздумали!

Если какая-то сторона упорствовала, можно было поскрести упрямец лапой, толкнуть носом, легонько потрепать зубами брючину или подол – и в конечном счёте инцидент был исчерпан.

С Бабой ситуация бывала посложнее – расклад сил был иной. Чтобы не дать врагу торжествовать, мне иной раз приходилось ретироваться в ванную: там я закрывалась на крючок, пускала воду, как будто я моюсь, и садилась грустить на стиральную машину или на Настину табуретку. Через несколько минут в дверь тихонько царапалась конфиденциальная дружеская лапа. Я открывала – и Настя, просочившись в щель, клала мне на колени какую-нибудь свою игрушку – мячик или пискунчика, или даже – оцените её благородство! – косточку: на, не реви!

Случись у меня или Володьки какая-нибудь неприятность на работе, Настя с порога это определяла: ткнёт тебя влажным носом, подставит крутой лобик, тапочки подаст – глядишь, и отпустит! В самом деле – что такое чьё-то мелкое хамство в сравнении с вечностью!

Как-то меня угораздило простудиться. Тридцать восемь и пять, сопли в три ручья – а в доме ремонт, и притом

своими силами! Причём Баба считает, что малярные работы – это моё призвание. На этот раз мой священный долг – выполнить масляной краской панели на кухне, в туалете и в ванной.

Володька пришел с собрания поздно, увидел, что глаза у меня красные, как светофор, и вообще – вид на море и обратно, и, естественно, предложил:

– Знаете что, давайте это дело отложим – вон как её развезло!

– Та куди там, – уличает меня Главнокомандующий, – просто їй у нашої хаті прясти не з руки! Баба нехай колотиться як чорний віл, а жіночка за свої книжечки – і не собака в двір, бо вона, бач, хвора!

И удаляется в свою комнату, как всегда, когда желает дать понять, что какие бы то ни было дискуссии неуместны.

В скобках замечу, что с её возникновением в нашей семье водворилось своеобразное двуязычие: Володька, с малых лет воспитывавшийся в детдоме, говорил, как и я, по-русски; его мать изъяснялась на сочном наречии, которое сама гордо именовала «озюмська говирка». О сыне она вспомнила и воспылала к нему любовью, когда он уже женился – и тут для меня возникли великие трудности. Володька, в должности «сЫночки», имел право говорить на языке, к которому привык в детдоме, а вот «невістка-чужа кістка» обязана была в знак уважения обращаться к ней на её языке. Был бы это привычный украинский – кто бы возражал! Но Баба утверждала, что украинского «вона з вилупку не чула» и, когда я пыталась говорить с ней нормальным языком Гончара и Копыленко, она говорила, что я «з неї здіваюся» – то-бишь издеваюсь. Ну, со временем я усвоила, что вместо «не можна» следует говорить «ніззя», вместо «думаю, вважаю» – надо «читаю», но, как, скажите, может человеку в здравом уме и трезвой памяти прийти в голову такое, к примеру, лингвистическое чудо, как «зздря причини»? Представляете, каково мне было? Откуда мне, рядовой среднестатистической единице, знать, что вместо элементарного, безгрешного, повседневного «тісто» надо говорить «кісто»? Зато некоторые выражения просто умиляли неожиданно свежей образностью – как, например, то, которое натолкнуло меня на это лирическое отступление. Ну разве не прелесть – **ЇЙ У НАШІЙ ХАТІ ПРЯСТИ НЕ З РУКИ!**

А вот «**І НЕ СОБАКА В ДВІР**» – это как понимать? Может, что-то вроде «и трава не расти»? Иди знай! Во всяком случае,

это в мой адрес, а раз так — добра не жди. Надо принимать меры!

Володя, не допив чая, валится с ног — день выдался тяжёлый. Спи, бедняга! Из Бабиной комнаты уже доносится богатырский храп — и я берусь за работу. Краска воняет немилосердно, даже насморк не смягчает впечатления. Пока я работаю в кухне, это ещё ничего: я открыла входную дверь и над плиткой — вытяжка, а вот в закрытом пространстве туалета и ванной — просто караул! Но я работаю остервенело и старательно — наплевать на температуру! Всё должно быть готово к утру — и не просто готово, а в лучшем виде! Только так — I НЕ СОБАКА В ДВІР!

Последний кант, тоном гуще фона (по-моему, красиво!) я довожу без четверти шесть. Убираю разостланные на полу газеты, оттираю краску с рук, отмываюсь по возможности в ванной, где запах краски просто осязаемо плотен, выхожу в коридор — и с тайным торжеством вижу растерянное лицо своей врагини! Ага, нечем крыть! Вот тут, наверное, как раз подходит I НЕ СОБАКА В ДВІР! Но сказать почему-то ничего не получается: из горла вырывается слабенькое шипение, и я погружаюсь в какое-то безвоздушное пространство. Хочу вдохнуть — не вдыхается, Из нашей комнаты зевая выходят Володька и Настасья, Володька ахает:

— Ты что — и не ложилась?

Я пытаюсь ответить — звуки не могут вырваться!

Баба седлает своего конька:

— Ба, як придурюється!

Я понимаю, что надо бы, наверное, огрызнуться, но нет сил, и вообще уже, наверное, всё равно. Володька ещё о чём-то спрашивает, но дыхания нет даже на шипение. Слава Богу, на кухонном столе завалился огрызок карандаша, и я пишу на кромке вчерашней газеты: «Вызывай скорую — скорее! Я задыхаюсь — не могу дышать!».

Меня увозят. Хорошо — районная больница рядом. Суета, уколы, капельница, и когда, наконец, я ощущаю, что воздух в природе всё-таки есть, врачиха — усталая молодая женщина — стаскивает с русой головы шапочку, неуставно вытирает ею пот с лица и с шумным вздохом облегчения говорит:

— Ну, всё. Считайте, что вы второй раз родились. Если бы мы приехали на десять минут позже...

После этого меня ещё месяц чинят, потом выпускают домой с длинным списком всяческих «нельзя». А потом в городе объявляют эпидемию какого-то экзотического гриппа, на что общественность города с готовностью

откликается — ну, а я, разумеется, «впереди планеты всей». Такое уж моё цыганское счастье. А на эпидемию, как положено, бросают всех врачей без разбора: стоматологов, травматологов, окулистов... Ко мне по вызову приходит — кто бы вы думали? Та самая аллергологиня, которая вытягивала меня из анафилактического шока. Настька встречает её вполне радушно, даже повिलивает виртуальным хвостиком, но врачиха меняется в лице и восклицает:

— Слушайте, это же недопустимо! Вы же погибнете! Собаку надо немедленно убрать! С такой аллергией! Ни кошек, ни собак — вам даже хомячка нельзя держать! Мы и так вас еле выходили — во второй раз может не получиться.

Ей-богу, Настя понимает, что о ней говорят! Прижав уши, сторбившись, как-то даже уменьшившись в размере, она толкает лапой дверь и понутив голову выходит.

— Что вы, доктор, — жалобно взываю я, — она очень хорошо на меня действует! Любой стресс снимает...

Истинную правду говорю, но куда там! Вершительница наших судеб неумолима:

— И речи быть не может. Категорически настаиваю: собаку убрать, причём немедленно! Я даже в истории болезни особую пометку сделаю: снимаю с себя всякую ответственность, — безапелляционно произносит она и достаёт ручку из портфеля.

Я понимаю: раз речь зашла об ответственности — значит, дело безнадёжное. Но тут щель в двери увеличивается и в комнату входит Настя. Всё так же сторбленная, старательно не глядя в мою сторону, она подходит к докторше и кладет ей что-то на сапог. КОСТОЧКА! Нет, вы слышите? Конец света! До чего коррупция дошла — собаки взятки дают: на, возьми самое дорогое, только не говори, что меня надо убрать!

Короткая пауза — изумления? Восхищения? И я наглею:

— Ну, доктор, вы же сами видите — всё ясно без слов! Разве можно отказаться от такой собаки?

И моя безжалостная спасительница, мой милый доктор, обращает ко мне смеющееся лицо и, безнадёжно махнув рукой, роняет:

— Да ну вас! Вот тут я написала, что принимать.

И поднимается уходить. А Настя первый раз оглядывается на меня: разве я не умница? И — хотите верьте, хотите нет — улыбается!

А потом для Настасьи настает время замужества. Жених Кеша — чистопородный жесткошерстный фокстерьер «из

хорошей семьи», добродушный и покладистый. Мы с нетерпением ждём прибавления семейства. Подходит срок — и тут, по закону бутерброда, я опять попадаю в больницу. К счастью, в отделении есть телефон-автомат, и я каждое утро звоню домой и справляюсь, как идут дела.

И вот, наконец, однажды утром Володька праздничным голосом сообщает: уже, родила! Ночью. Тройки! Девочку и двух мальчиков!

Подробности некогда — опаздывает на работу.

Как только закончился обход, я бросаюсь к телефону — за подробностями! На удивление голос свекрови отозвался вполне дружелюбно:

— Ну, Вова ж тобі вже казав: розродилася Настя. Трійко їх: одне біленьке, а двоє з карманчиками. Вовка, щитай, і не спав зовсім, бо вона з вечора забезпокоїлася, все мостилася — і час вже підійшов. Отож уночі почув — щось вона вовтузиться, засвітив — і якраз вчасно. Першим народилося біле. Вона його облизала, однесла на подушечку, а тоді... Ну, там такого сміху — не повіриш! М'ячика йому принесла: на, пограйся, а я до роботи! І пішла родити тих двох. Ось зажди, я піду подивлюся.

Пауза — и через несколько минут потерянный голос:

— Слухай, а їх там шестеро!

Фантастика! Ну, шестеро — вообще-то это в порядке вещей, но почему квантами, с интервалом в несколько часов? И как тут, скажите, утерпеть, чтобы не удрать — посмотреть на это чудо? Еле дождалась ухода врачей — и через чёрный ход!

Настя встречает меня счастливая и бочком, бочком зазывает: пойдём, пойдём, посмотри, какие они у меня красавцы!

Вы знаете, как собаки умеют улыбаться?

Ну конечно, красавцы, Настика! Замечательные дети! От детей рябит в глазах; счастливая мать растягивается рядом с ними на своей подстилке и оглядывается на меня: извини, пожалуйста, сама видишь — я не могу сейчас уделить тебе должного внимания!

Дети тычутся слепыми мордашками в тёплое пузико мамы; трёхцветный красавец, заметно крупнее других, первым нащупывает сосок. Этот будет лидером! Оказывается, они все разные: две девочки и четыре мальчика, но карманчики есть у всех, кроме той, что родилась первой. Зато у неё, у одной, у основания хвостика рыжее колечко! Такого украшения нет ни у кого. Вторая девочка — вся в мать: грязновато-рыжие ушки и чёрные кармашки, а тот шустрик,

который крупнее всех — вылитый отец в миниатюре: у него чёрные кармашки эффектно окаймлены рыжиной. Ещё два мальчика — как зеркальное отражение друг дружки: у одного карманчик справа, у другого — слева. И последний — без особых примет, мальчик как мальчик. С двумя кармашками, но без отделки. Ты, Настика, мать-героиня!

Но мне надо бежать в больницу, а то, как говорит Баба, «чего доброго!»

Выписываюсь я скоренько, через несколько дней: куда тут лечиться, если дома «ціла псюрня»! Первым долгом надо раздать детям имена: первая, согласно «цвету лица», будет Бланка; большенький, по сходству с родителем, будет Кешей — Иннокентий Иннокентьевич (ну прямо Смоктуновский!); «зеркальные» близнецы, согласно различиям, будут Райт (по-английски «правый») и Гоша — от французского «гош» (левый). Последнего, без особых примет, называем просто Тоби. Имя за второй девочкой не успело закрепиться: позвонили друзья-москвичи, давно влюблённые в Настю, и, услышав о пополнении нашего семейства, попросили подарить им ту, которая похожа на мать — и можно она тоже будет Настя? Ну конечно — Настасья Настасьевна! Бланку, по неписанному закону собачников, мы отдаём хозяину папы-Кеши, так что в дальнейшем Насте предстоит заняться воспитанием и обучением четверых сыновей.

Нет, вы себе не представляете, что такое собачий лицей! Тут у Насти обнаружился еще один — несомненный педагогический талант! Из четверых она безошибочно выделила наиболее восприимчивого — им оказался Иннокентий Иннокентьевич. Занятия проходили как в доме, так и на свежем воздухе, куда семейство приходилось выносить в большой дорожной сумке. Как только ученики рассыпались по траве, начался первый урок, темой которого был священный долг — Ношение Палочки! Подхватив достойную палочку, Настасья раз и два гордо промчалась с нею мимо своих наследников, но поначалу это почему-то их не впечатлило. Тогда она назидательно положила свою ношу на землю перед Кешей, снова — демонстративно! — подняла и глядишь — понятливый ребёнок сам ухватил какой-то прутик и устремился за матерью! Постепенно урок усвоили и остальные. Только Тоби, родившийся последним, оказался наименее способным учеником. Зато у него проявился отменный аппетит, чем он, по очевидному родству душ, вызвал особую симпатию у Главной Кормилицы, упорно именовавшей своего любимца Бобиком.

В плохую погоду уроки проводились дома: дети учились

нападать на врага. Настасья несколько раз, легонько куснув Кешу за загривок, толкала его плечом, недвусмысленно подставляя свою шею. Намёк был понят не сразу – но после третьего или четвёртого толчка гениальный ребенок радостно вцепился острыми щенячьими зубками в материнский загривок. Цель была достигнута: к концу дня у всех детей, включая даже неповоротливого Бобика-Тоби, пасть была полна материнской шерсти, а холка счастливой матери была вся в крови. Одно было непонятно: ведь Настя росла у нас, без родителей – откуда у неё самой взялись эти навыки? Уж её-то никто не мог научить! Гены? Код наследственной информации? Очевидно, так – потому что, когда дело дошло до охоты на лис, Настика в учёбе не участвовала. В качестве лисьей норы фигурировало подкомодное пространство, куда Настя, по причине взрослых размеров, влезть никак не могла. Туда забрались два зеркальных братца, Левый и Правый, а Кеша, как истинный фокстерьер, норная охотничья собака, азартно пытался их оттуда вытащить. Визг и тьяканье стояли невообразимые, а Настя в восторге задрала к потолку улыбающуюся морду и запела от счастья.

Говорят, жильцы соседнего подъезда ужасно возмутились: мол, что за люди такие – развели дома целую свору собак и не кормят их; бедняги воют от голода! Чудаки – не могут отличить голодный вой от счастливой песни, гордого гимна торжествующей любви!

Но близились неотвратимое расставание: Володины сослуживцы, завязтые охотники, не давали ему покоя. Он не умел отказывать людям – но жаждущих было больше, чем щенят. Что же делать? Бедняга маялся: кому дать, кому не дать? Ведь обязательно кто-то обидится!

Я безжалостно отстранилась от решения жгучего вопроса: твои сослуживцы, тебе и решать. Только помни: собаку, как книгу, можно отдавать только в хорошие руки! И ещё – без меня!

Не знаю, как Настика переносила разлуку с детьми. Володька утверждал, что спокойно, но я подозреваю, что он просто успокаивал меня или себя самого. Бесстрашная Настя стала бояться утрат. Если Володя уезжал в командировку, пока его не было, Настя не отходила от меня ни на шаг. Зайдя к соседям – Настя следует за мной; сяду – укладывается под моим стулом; умощусь с ногами на диване – Настя, резонно рассудив, что босиком я никуда не уйду, на всякий случай ложится на мои тапочки! А в жаркие ночи, когда я, спасаясь от духоты и громоподобного храпа Володькиной

родительницы, вытаскивала раскладушку на балкон, Настика устраивалась рядом, на досках, оставшихся от какого-то ремонта. Спать на досках было очень неудобно: твёрдо, а главное — узко, нельзя свернуться калачиком, но она героически терпела, по-человечьи вытянувшись вдоль раскладушки на спине или на боку.

Если я, ворочаясь во сне, не дай Бог, нечаянно разбужу её, она проснувшись лизнёт меня горячим язычком, убедится, что я на месте, и, успокоенная, шумно вздохнёт: всё в порядке! Можно спать дальше.

Маленькая, отважная, она бросалась защищать нас, как завещано, не щадя живота своего. Однажды к нам на дачу приехала одна знакомая с великолепным доберман-пинчером. Настя встретила их сдержанно: неприятно, конечно, но что поделаешь — долг гостеприимства!

На всякий случай мы их всё-таки развели: Володя с Настасьей пошли вниз, к пруду, гостя со своей доберманшей отправилась рвать тёрён на опушке леса, а я с чем-то возилась на огороде. Всё было тихо, мирно и солнечно: «на земле мир и в человецех благоволение», как сказано в Писании. Я собрала поздние помидоры, распрямилась — и с горбочка увидела внизу Володю с Настей. Они шли в другую сторону, и я им свистнула — вот, мол, я — куда вы? Доберманша, услышав свист, решила, что зовут её, и понеслась ко мне длинными оленьими прыжками. Моя верная маленькая защитница со скоростью света кинулась меня спасать. По моему, несколько метров она просто пролетела по воздуху и впилась в загривок чёрной великанши. Та, не стерпев такой дерзости, сбросила Настю на землю и принялась яростно рвать дерзновенную малявку, Но Настика, вся окровавленная, вырывалась — и снова бросалась на врага; доберманша, оскорблённая, озверевшая от неожиданного нападения, снова швыряла её на землю, рвала ей уши — мы троём едва растащили дерущихся! Истерзанная, дрожащая, вся в крови, Настя рвалась у меня из рук — рвалась в такой неравный бой, просто на смерть, защищая меня от чёрного чудовища!

С того дня у неё навсегда сохранились натянутые отношения с большими чёрными собаками.

Если вы спросите, что собой представляет жёсткошерстный фокстерьер, я скажу вам: это большое сердце, горячее и верное, в маленьком мускулистом тельце, обёрнутое в жёсткую белую шерстку с чёрными кармашками по бокам. Я могла бы ещё долго-долго рассказывать о Насте

— только одного я никогда не расскажу. Я не стану рассказывать вам, как она умирала — потому что хочу, чтобы она осталась для вас такой, какой живёт, и всегда будет жить, в моей памяти — мудрой, весёлой и отважной, любящей и любимой.

А вы любите собак?

ПОЭЗИЯ

Алексей БИНКЕВИЧ

**МНЕ СТРАШНО ПЕСНЬ
ОСТАВИТЬ НЕДОПЕТОЙ...**

* * *

Когда мне было лет четырнадцать,
я обнаружил, что летаю.
В тот год родня моталась в Тырново,
а братова жена — в Италию.

Мы с бабкой никуда не ехали.
Сосед с утра корпел над мётлами.
Там под гигантскими орехами
была моя площадка взлётная.

Я разбегался и... над лужами
летал, как пчелы, мухи, бабочки.
Мои полёты неуклюжие
могла, наверно, видеть бабушка.

Мне так леталось замечательно,
что новый дар в себе открыл я!
В четырнадцать мы все мечтали...
Куда запропастились крылья?

* * *

Кому нужны стихи, написанные нами?..
Украшим ли мы век своими именами?..
Надеемся, что да, но время жатвы будет —
нас всех до одного грядущее забудет.

Так для чего ж тогда ломать впустую копыя?
Никто не вспомнит нас и не услышит вопля
души, что как-никак влачит бессмертья бремя...
Так почему же так беспамятно ты, Время?

* * *

Александру Ананичеву

О белых дагестанских журавлях
для нас с тобой звучала песнь Расула.
Её опять услышал я на днях,
и память возратить меня рискнула
в аул Цада,
где — руку протяни,
и ты уже дотронулся до неба,
где некогда под яблоней в тени
пришлось внимать искусству ширпотреба
словесного.

О упаси, Господь,
кого-нибудь подобного мученья,
когда дурак не устаёт молотить
и норовит вернуть нравоученье.

Возьми гитару!
Вышей песнь до дна.
Позволь своей душе раскрепоститься.
Ведь в этом мире только песнь одна
и может быть свободнее, чем птица.
Ей не пристало на вторых ролях
ждать от кого-то барского посула.

...О белых дагестанских журавлях
для нас с тобой звучала песнь Расула.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ В ИНТЕРНЕТЕ

Я однажды почувствовал, что становлюсь
человеком, который живёт в Интернете.
Я без визы шенгенской въезжал в Беларусь,
узнавал, где руду отыскивали, где йети.
Информация шла косяком в мои сети
из Америк, Израилей, Грузий, Осетий
и уверенность в том, что туда возвращусь.

На околице скользкой Вселенной, где мы
добрели от фантастики до технологий,
посреди добровольно ушедшей зимы,
отказавшейся снегом платить нам налоги,

я вхожу в Интернет, сообщая свой логин,
виртуально друзей обивая пороги,
хоть в реальности делать того не привык.

Только здесь надоумят: «Спроси у людей».
Я спрошу, и, конечно же, люди ответят,
задарма ещё выложат кучу идей,
вероятно, и некомпетентность отметят.
Надо будет — они и проводят, и встретят
человека, который живёт в Интернете
точно так же, как сценой живёт лицедей.

Человека, который живёт в Интернете,
я не знаю, хотя с ним встречаюсь в метро,
рядом с ним я в бистро уминаю спагетти,
пиво пью из бутылок, а реже — ситро.
Мой провайдер рычит и смеётся хитро,
нараспашку своё открывает нутро,
понимая, какие ж мы всё-таки дети.

* * *

Любая их жизнью — источник
одной безымянной реки,
где каждая новая строчка
рисуетя с красной строки.

Когда же иссякнет источник,
который ты вечно мутил,
дай Бог, чтоб хотя бы подстрочник
остался в итоге пути.

* * *

Когда я был стихов фанатом,
когда запоем их читал,
Аркадий Павлович Филатов
моим кумиром прочно стал.

Стал сам писать стихи.
Исправно
сучили парки жизни нить.
...И не мечталось, что на равных,
придётся с Кадей водку пить.

МАСТЕРУ

На світі був осінній полудень,
І він сказав мені тоді:
Поїдьмо, друже мій, по жолуді —
Поїдьмо до Сквороди.

Роберт Третьяков
«Івану Виргану»

Был на земле осенний полудень
и Роберт мне сказал тогда,
задумавшись о вечном холоде,
в стаканы наплескав «Агдам»:

— Альоша, як зіграю в ящик я
і папірець не допашу, —
ти будь моїм душеприкажчиком
і так зроби, як я прошу...

Он Славику твердил, и Рахлиной,
и мне, салаге-чурбану,
чтоб положили горький прах его
лежать поближе к Виргану —

на Алексеевском погосте,
подальше от номенклатуры,
куда не ходят даже в гости
подёнщики литературы.

Когда он умер — за вещами я
не рыпался по заграницам,
но не исполнил завещания,
и в том душа теперь винится...

Ведь он при жизни был уверенным,
не помышлявший о Парижах,
что будет, временем обмерянный,
лежать к учителю поближе

и вспоминать в осенний полудень
любимой Маргариты губы...
А в мире будут падать жёлуди
сковородиновского дуба.

* * *

Мы не уехали в Америку,
чтоб стать там первыми поэтами,
мы в Украине, словно мерины,
влачим чумацкий воз поэтому.

И всё она тому виновницей:
сойдясь с заезжими паяцами,
в садах сиреневою вольницей,
как хулиганка, распоясалась.

Что в мире без тебя изменится,
когда твой образ потеряю?
Я слово, как пшеницу мельница,
всю жизнь свою перетираю.

Возьми меня в свои объятия,
я по тебе, любовь, тоскую.
Доступна каждому, как братина,
что не влюбиться грех в такую.

СТРАСТИ ПО МАЯКОВСКОМУ

На одной из площадей московских
водрузили Вас на пьедестал.

Здравствуйте,

товарищ

Маяковский,

как живёте,

памятником став?

До того, как Вам туда взобраться,

скульптор у знакомых узнавал,

спрашивая всех:

«Скажите, братцы,

так ли я

поэта

изваял?..

Так ли был массивен подбородок?..

Так ли был

прицельно

меток взгляд?..

А возможно, этот самородок

был случайно временем подмят?..
 Может,
 был живеи
 и ростом ниже?..
 Может быть,
 терпел льстецов,
 подлиз?..
 Или в ста томах партийных книжек
 не сумел воспеть социализм?»
 Что такое хорошо, что плохо
 не боялся говорить поэт.

Именно поэтому эпохам
 виден маяков подобных свет.
 Кто подскажет?
 Ну, конечно,
 Лиля!!!
 ...Женщина взглянула на проект
 и руками потянулась к глине:
 «О любимый,
 сколько долгих лет
 именно таким
 ты мне
 и снился,
 пред таким стояла визави.
 Всё твоё, Володя:
 лоб,
 ресницы —
 всё твоё,
 лишь губы не твои.

Потому душой и протестуешь...
 Эти —
 для трибун
 и для снегов,
 этими —
 меня не зацелушь,
 эти — не живые — не его!»

* * *

Всё может померкнуть...
 Не меркнет, однако,
 Россия Чайковского и Пастернака.

ВОСПОМИНАНЬЕ О Ю.Д.Л.

Я уже не помню её лица,
не вспомню, как ни стараюсь.
Только вкус поцелуев на ранней заре,
вкус несозревших яблок.

Ю. Левитанский

«Воспоминанье о Марусе»

Он всего лишь раз приходил в тот дом,
где сидели мы за одним столом,
за одним столом мы сидели с ним,
говорили мы посреди зимы.
Тихо падал снег, заметая след,
за стеной бухал, как всегда, сосед.
И у нас была водка сладкая,
да компашка-то — пить не падкая.
С той поры прошло ой как много лет,
но хранит душа той беседы свет,
тот далёкий свет в память грешную,
и ещё его речь неспешную.

А когда пошли на балкон курить,
тут декабрь решил с неба воду лить.
Непогодило в тот ненастный день.
Гость ушёл давно, но оставил тень...
Курит он, а мы лишь пускаем дым.
О Москве, о Харькове говорим.
И внезапно начал он вспоминать:
Харьков, Ярославскую, 25.

Харьков, Ярославскую, 25,
как к Марусе бегал поночевать
лейтенантик юненький, не поэт...
Может, той Маруси на свете нет?
Может, нет, а может, она жива.
Занавески белые в кружевах.
И старушка-яблоня под окном
недозрелым яблоком смотрит в дом.
Нас мотает по свету, лишь держись...
Киноленту памяти крутит жизнь.
Как недавно было, и как давно
он почти нам пел Коцюбинского:

«Ідуть дощі. Холодні осінні тумани клубочаться вгорі і спускають на землю мокрі коси. Пливе у сірій безвісті нудьга, пливе безнадія, і стиха хлипає сум. Плачуть голі дерева, плачуть солом'яні стріхи, вмивається сльозами убога земля і не знає, коли усміхнеться. Сірі дні змінюють темні ночі. Де небо? Де сонце? Міриади дрібних крапель, мов вмерлі надії, що знялись занадто високо, спадають додолу і пливуть змішані з землею, брудними патьоками. Нема простору, нема розваги. Чорні думи, горе серця крутяться тут, над головою, висять хмарами, котяться туманом, і чуєш коло себе тихе ридання, немов над вмерлим...»

Он всего лишь раз приходил в тот дом.
Мы сидели с ним за одним столом,
за одним столом мы сидели с ним,
говорили мы посреди зимы.
Разве я не вспомню его лица?..

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег, первый снег, первый снег...
Первый снег — мы под ним, как во сне.
Первый снег, первый снег, первый снег —
будто твой удивительный смех.

Первый снег, первый снег, первый снег,
я тебя обнимаю при всех,
я тебя обнимаю при всех,
а над нами — серебряный снег.

Первый снег заметает дворы...
Первый снег на губах детворы...
Первый снег над равниной полей,
на ладонях любимой моей.

Будет много метелей, порош,
первый снег, до чего же хорош
твой на редкость удачный забег...
Первый снег, первый снег, первый снег...

Первый снег мой, ты выпал давно.
Пел Дасен о тебе, Адамо...
Первый снег, о, как я тебе рад,
будто ты — обретенный мной брат.

Первый снег, он как искренний друг,
от него всё в восторге вокруг!
Я тебя обнимаю при всех,
а над нами — серебряный снег...

СОНЕТ ВРЕМЕНИ

А жаль, что не умеем мы хранить
отпущенное нам Всевышним время.
Оно швыряет нас, как в землю семя.
И мы себя не думаем винить.

Не замечаем, что всё тоньше нить
остатка дней. Влача земное бремя,
из всех своих богатств людское племя
не научилось времени ценить.

Мы наслаждались жизнью, словно щами,
не ведая, о чём ведётся речь.

Случайным нашим встречам и прощаньям
лимит Господний должен был истечь,
и как бы мы ни рылись в Книге Встреч,
о нашей встрече там царит молчанье.

* * *

Мне первую строку всегда диктует Бог.
Что первую? — на всё всегда Его веленье.
Без санкции небес придумать я не мог
ни слова, ни строфы, а чтоб — стихотворенье?!

Случается — рука записывает бред,
и все слова мертвы, и образы все немы...
Он на ухо шепнёт — ломается хребет
не только у строки, но даже у поэмы.

А то — вдруг — Голос мне. Он требует: «Вставай,
надрыхнешься ещё под камнем на том свете.
Бумагу и перо скорее доставай,
пиши, пока луна благословенно светит».

И следуешь за Ним, не дожидаясь крыл.
Спасибо, что даёт уроки дилетантам.
Мне нечего скрывать — все карты я открыл.
А вам когда-нибудь Он диктовал диктанты?

* * *

Зачем мне терять над стихами время,
если Время их потеряет?

Бертольд Брехт

Желание писать то вдруг стихает,
а то опять покоя не даёт.

И я теряю время над стихами
и над строкой трясусь, как идиот.

Мне говорят: — Оставь в покое ручку —
никто не вспомнит о тебе потом.

А я хочу, чтоб мной гордилась внучка,
сняв с книжной полки неказистый том.

И удивилась: — Дед мой был поэтом?
Ему была подвластна слов руда?

Мне страшно песнь оставить недопетой.
Всё остальное в жизни — ерунда.

ПРОЗА

Алексей РЕУЦКИЙ
ГАЛКИ ДА ВОРОНЫ*

Обычно эти птицы, как и воробьи, служат пернатыми символами чего-то будничного, неинтересного, недостойного серьезного внимания. «Самые заурядные птицы. Каркают, мол, только, непогоду кличут, грусть навевают, да временами на головы да одежду почтенным гражданам гадят. Оперение у них, ох какое неказистое, черное. То ли дело нарядная сойка, расписной дятел, желтогрудая синичка или гордая белокрылая чайка».

Примерно таким будет ответ неискушенного в естественной истории человека, на вопросы «Кто же такие вороны и галки?» и «Нравятся ли они вам?»

Вопрос «Чем же отличается ворона от галки?» будет намного труднее, и большинство на него или, вообще, не ответят, или ответят неверно, хотя отличить этих птиц совсем не трудно. Разница между этими птицами есть и немалая.

Во-первых, размер. Галка вдвое меньше вороны и ростом примерно с горлицу, хотя заметно выше на ногах. Во-вторых — окраска. Галка намного темнее, более блестящая, издали кажется вовсе черной, хотя вблизи хорошо заметна серебристая «косыночка» и выразительные голубые глаза. У вороны черные только голова, горло, клюв, лапы, крылья и хвост, а туловище светло-серое. И надо признать, что обе птицы выглядят весьма стильно, если к ним хорошенько приглядеться.

Галочья фигурка более аккуратная, контуры тела более округлы, а клюв намного меньше, даже в относительной пропорции, чем у вороны.

Призывный вороний крик — это известное всем надсадное карканье. И хотя галки тоже умеют каркать, чаще всего они звонко выкрикивают свое имя «Гал-ка! Гал-ка!»

Вороны устраивают свои, похожие на шапки, гнезда на деревьях и всегда поодиночке, причем стайные в другое

«Галки да вороны» — глава из новой книги Алексея Реуцкого «Пернатые в зоопарке и не только».

время, птицы в пору гнездования защищают гнезда от своих же собратьев. А галки норуют поселиться одна возле другой, причем никогда не вьют открытых гнезд. Они обустроиваются в пустотах старых зданий или в дуплах деревьев. Впрочем, порой галочья семейка может занять пустое гнездо вороны или грача.

Ворона может, конечно, свить гнездо в парке или на городском бульваре, но в большинстве своем эти птицы обустроиваются в городе с осени до весны, предпочитая в пору гнездования более или менее дикую природу. В то же время, почти все галки круглый год соседствуют с человеком, но, тем не менее, гораздо больше ворон любят путешествовать, обычно в сообществе грачей.

Галки гораздо доверчивее осторожных, по крайней мере, у нас, ворон, и могут безбоязненно разгуливать чуть ли не под ногами у пешеходов. Они намного общительней, и гораздо чаще ворон примыкают к стаям грачей и даже к скворцам.

Вороны на тех же скворцов, как и на прочую мелкую живность, будь то мыши, птенцы, рыба или лягушки, смотрят лишь как на поживу, и могут при случае похитить из гнезда маленького галчонка, хотя осенью и зимой охотно собираются в общие с галками стаи. Галки не крадут воронят, и вообще далеко не столь плотоядны, как вороны. Они редко разоряют гнезда, недолюбливают мясо и рыбу, и их излюбленное меню составляют зернышки, червячки да букашки.

Но все эти различия не мешают воронам и галкам быть птицами-сестрами из одной черной семьи.

Они обычны, живут бок о бок с нами, но вовсе не так буднично, как это нередко считают. У них есть немало интересных черт. Во-первых, голос! Карканье ворон и галдеж галок — это не грубые примитивные крики вроде кваканья лягушек, а сложный язык общения, один из самых сложных в животном мире. Оттенки их голоса богаты, многообразны и несут разную информацию. Воронья гортань по устройству напоминает «музыкальный инструмент» соловья, а то, что большинство издаваемых этими птицами звуков неблагозвучны для нашего уха — далеко не их проблемы.

Во-вторых, мозги. Еще не так давно о степени ума того или иного животного судили по его предполагаемой близости к человеку. Мол, чем больше оно походит на нас с вами, тем оно умнее. Поэтому непреложной истиной считалось то, что любой примат сообразительнее любого млекопитающего непримата, любое млекопитающее

превосходит по своему умственному развитию любое не млекопитающее позвоночное, то есть птицу, рыбу, змею, черепаху, которые, в свою очередь, на голову выше всех беспозвоночных.

В действительности же, слоны оказались смышленнее макак и капуцинов, бесхребетный осьминог просто гений в сравнении с лягушками и рыбами, а вороны и галки стали вровень со многими обезьянами.

Вороны и галки доказали свой ум в лабораториях тем, например, что умеют считать, по крайней мере, до семи или же прекрасно понимают, что большой кусок мяса или сыра невозможно спрятать в слишком маленькую емкость, а тем более в плоский предмет. А это, скажу вам, в силах осмыслить далеко не каждая собака, которая тщетно пытается зарыть кость в половик... А когда движущееся в определенном направлении по игрушечным рельсам лакомство исчезает за ширмой, галка или ворона отлично понимает, что еда никуда не делась, и без колебаний направляется к противоположному концу завесы, где вот-вот должно вынырнуть угощение. Петух, голубь или перепел в такой ситуации оставляет всякие поиски, считая корм исчезнувшим.

Еще больше умные птицы реализуют свой потенциал в природе. Взять, хотя бы, добычу корма. Осенью в садах поспевают грецкие орехи, которые вороны любят, пожалуй, не меньше, чем мясо, но как ни крепок вороний клюв, не просто разбить им прочную скорлупу. Да только разве это проблема для смышленных пернатых! Сорвав с ветки орех, ворона взмывает с ним в вышину и бросает всегда на асфальт, на крыши домов или трамвайные рельсы или любую другую твердую поверхность! Есть у птиц даже любимые приметные здания, крыши которых они используют, как площадки для разбивания орехов. Не всегда с первого раза, но настойчивость вознаграждается, и птице достаются вкусные ядрышки. А бывает и так: ворона целенаправленно бросает орех на проезжую часть, или подкладывает его на трамвайные рельсы. Прогремит трамвай – закуска готова!

Сомневаюсь, чтобы галка отказалась бы от вкусного орехового ядрышка. Но младшие сестрицы ворон подобным вроде не занимаются, пожалуй, не из-за меньшего ума, а из-за меньшего клюва, которым не так-то просто сорвать и удержать довольно-таки крупный орех.

А теперь сравним ворон с другими птицами, например, с дятлами. Конечно, дятел, тоже большой любитель орехов, не стал бы бросать плод в твердой коже с высоты или

подкладывать его под трамвай — и не нужно объяснять почему. Но в других ситуациях, где тоже не мешало бы отличать твердое от мягкого, «лесной доктор» ведет себя крайне недальновидно. Например, зимой порой главная пища самого обычного в наших лесах большого пестрого дятла — сосновые, а в более северных, чем Харьковщина краях — еловые семена. И те, и другие, как известно, — прячутся в шишках и служат лакомством для птиц. Но как их достать? Например, снегири, а порой и полевые воробьи, подбирают то, что осыпалось на снег, чижи и щеглы умело вытягивают их своими длинными тонкими клювиками, ловко выдалбливают прямо на ветвях синицы-московки, а гурманы-клесты мастерски потрошат шишки своими загнутыми крест-накрест носами. Герои нашего повествования — серые вороны (но опять же, почему-то не галки) расклеивают шишки, самым что ни на есть, обыкновенным и топорным методом. Иначе ведет себя дятел. Сорвав шишку, он несет ее к расщелине дерева и там раздолбывает клювом-долотом. В выборе места он очень постоянен, и под такой вот «дятловой кузницей» можно найти целый ворох вылущенных шишек.

Шишка — твердый предмет и требует именно такого способа приготовления. А как быть с продуктами помягче?

Те дятлы, что променяли лес на дачные поселки, скоро познакомились с новым для себя растением, приносящим вкусные и сочные плоды, похожие на землянику, но гораздо большего размера — клубникой. Сладок ароматный плод начала лета, но сразу его не проглотишь, а потому дятлы поступают с ягодами точь в точь, как с шишками — заклинивают в расщелины и бьют клювом-долотом... Брызжет во все стороны душистый сок, клочьями разлетается мякоть, и в птичий желудок попадают лишь жалкие крохи. Невдомек дятлу, что он мог бы просто-напросто, не спеша отщипывать кусочки спелой мякоти, прижав ягоду лапкой, как это сделала бы на его месте ворона, которая ни за что не бросит грецкий орех в песочницу.

Вороний ум проявляется во всем, даже в искусстве полета, хотя здесь, на первый взгляд, они не выделяются ничем особенным в пернатом царстве. Однако же...

НИЧЕГО СЕБЕ!

Как-то в мае я шел на работу и встретил обыкновенную серую ворону. И все это было бы обыкновенно, серо и повседневно, если бы ворона не оказалась бескрылой! Точнее

крылья у нее имелись, но маховых перьев в них явно не доставало, и бедной птице оставалось только прыгать по земле. Вороны линяют в конце лета, и то, в отличие, скажем, от уток, не теряют полностью способности к полету. А если по весне какая-нибудь каркуша не может подняться в воздух, так это уже явно из-за несчастного случая.

Птицу срочно надо было спасать, так как при всей своей вороньей смекалке она могла бы не только угодить под колеса автомобиля, но и что вполне вероятно, в когти матерого бродячего кота. Шел бы я с работы домой, все решилось бы очень просто, но я шел на работу. Но выход должен быть! В два счета поймав птицу, я взял ее с собой, в надежде, что в зоопарке уж конечно найдется клетка для однодневного проживания пернатой пациентки. Но клетки, к сожалению, не оказалось, а из коробки, которую дал ветеринар, птица выбралась уже через несколько минут. Выбралась, да и отправилась гулять пешком по зоопарку, да как быстро, как уверено!

На старой свалке, где ворона оказалась уже через пару минут, бурой щеткой стоял высокий прошлогодний бурьян. Выбрав высокую былинку, каркуша ловко, не по-вороньи, а скорее по-синичьи, принялась взбираться по ней. Вдруг налетел сильный ветер, бурьян зашелестел, и... сначала я не поверил своим глазам — в воздухе над свалкой как-то неестественно крутилось, порхало что-то наподобие слишком большого чибиса с серым вместо белого брюшком. Впрочем, какой же это чибис — всего на всего моя почти бескрылая ворона! Ветер играл в ее немногих уцелевших маховых перьев и кругами нес птицу в гущу спасительных деревьев.

Ничего себе воронья хитрость и смекалка! Никогда бы не подумал, что ворона при всем своем уме может сообразить, как подставить свои, ставшие почти негодными, крылья, под нужный порыв ветра. Эта уж точно с голоду не пропадет, подумал я, проводив птицу взглядом — при такой смекалке корм она без труда найдет, особенно в зоопарке, да и опасностей избежит...

P.S.

Так оно и вышло. Где-то месяца через полтора я снова встретил знакомую ворону. Она, как ни в чем не бывало, кормилась зерном из кормушки на пруду в компании уток, гусей и голубей. На обеих ее крыльях заметно подросли маховые перья, и поэтому, хотя птица еще и не могла ставить воздушные рекорды, с земли взлетала уверенно, и

настраиваться на ветер у нее больше не было надобности.

И от опасности уходить тоже помогает, даже если врагами оказываются такие грозные пернатые хищники как...

МОЛОТ И НАКОВАЛЬНЯ

Сразу скажем, что «наковальня» в зоопарке имеется почти всегда, так как отнюдь не редкие в наших краях ястребы-тетеревятники, которым, как известно проще изловить сидящую или низко летящую птицу, не только посещают парк зимой, но и гнездятся поблизости. И глупым голубям, и умным галкам да воронам хорошо известно, что при приближении этого дерзкого желтоглазого разбойника, необходимо взмыть в небесную высь и находиться там как можно дольше.

Иное дело — разящий с неба молот — быстрокрылый сокол-сапсан. Это редкий зимний гость. Но зоопарк, из-за обилия поживы, он посещает не так уж редко.

Как только в вышине играючи, радуясь своему летному искусству, проплывает этот небесный пират, птицы, будь то голуби, грачи, вороны или галки, опускаются на землю и ветки деревьев. Там они вне опасности.

И надо же — в один хмурый зимний день в зоопарк пожаловали оба этих хищника! Что тут началось: голуби в испуге метались низко над землей и кронами деревьев, не зная, что делать, а ястреб, видимо сам не на шутку испугавшись сапсана, бесшумно опустился на ветку. Героями выглядели лишь умные галки и вороны. Чернокрылые птицы обоих видов, слившись в общую стаю, бесстрашно расселись на самых верхних ветвях кленов и дубов. Они знали, что соколу там до них не добраться, а ястреб, даже вздумай он охотиться в присутствии грозного конкурента, вряд ли сунется в гущу крылатого сборища. В единстве сила!

В другой раз, ровно через неделю, сапсан опять явился в зоопарк, и умные серые вороны извлекли немалую выгоду из его разбойничьего налета. Рассевшись на деревьях и тонком льду пруда, находчивые птицы дождались момента, когда сокол неудачно сбил голубя, то есть птичья тушка упала на землю, где она, равно как и сидящая ворона, не представляет для воздушного хищника никакого интереса — ведь сапсанам положено брать добычу только в воздухе. Улетел он ни с чем, зато десяток ворон ожидало пиршество, после которого на льду остался начисто «препарированный» черными клювами голубиный скелет.

А глупые голуби чуть не попали в беду похлеще

соколиных когтей. При виде сапсана целая их стая неподвижно застыла в загоне диких кабанов под самыми свиными рылами. По счастливой случайности никто из них не угодил в ненасытную утробу хрюшек. Но поступок был, мягко говоря, не мудрым, и умные галки да вороны вряд ли бы так поступили.

Как и все умные животные галки да вороны любят играть. Молодые, едва покинувшие гнезда, галчата и воронята ни чуть не менее игривы, чем котята или щенки. Они пытаются играть любой безделушкой, до которой могут дотянуться своими неокрепшими клювами. Те же немногие галки да вороны, что оказываются на попечение человека, остаются шалуньями на всю жизнь. Оставшись в комнате без присмотра такая «милая птичка» производит немалые разрушения в виде подранных книг и обоев, украденных часов, ключей и металлических монет. Она производит погром ради развлечения, так как ни минуты не может сидеть без дела. Обо всем этом, не говоря уже о потеках жидкого помета, необходимости кормить каждый час и истощном карканье с четырех часов утра, должен подумать каждый «любитель природы», который, непонятно зачем подбирает с земли и уносит домой неистово орущего черноперого, слетка, о котором отлично позаботятся сами родители.

Вольные галки и вороны тоже играют. Они резвятся, выписывая немислимые пируэты в небесной вышине, будучи сытыми, на пару гоняются друг за другом, пытаясь отнять никому не нужную черствую корку хлеба. При этом галка может играть с вороной, а ворона — с галкой или грачом.

Любят птицы и кататься...

НА БАРЖЕ

Как-то в теплый августовский день в Киевском порту я наблюдал необычную картину: пять ворон снялись с причала и опустились на корму судна-баржи. Судно с птицами на борту шло медленно, рассекая воды Днепра. Когда же оно подошло к мосту, вороны снялись и устремились на причал.

Вскоре появился катер. Он шел быстрее баржи, но вороны без труда догнали его, и расселись на мачтах. Так они доплыли до моста, и все началось по новой.

Играют умные птицы и с другими, неродственными им животными. Точно оценив длину растяжения металлической

цепи, серая воровка утаскивает чуть ли не из-под носа сторожевого пса полностью обглоданную, не нужную ни ей, ни собаки кость, и взлетев на дерево, ликует при виде беснующегося лохматого зверя, который, что ясно, по крайней мере ей, ни за что ее не достанет.

А в Харьковском зоопарке одна молодая на вид галка что ни день терроризировала попугаев-неразлучников. Усевшись на крышу вольера, она дожидалась, пока зеленая розовошекая пичуга цеплялась к потолку, и тут же хватала ее клювом за ножку.

После такой забавы попугайчики хромали по несколько дней. Но иногда игры галок и ворон с другими животными бывают опасными для них самих.

ИГРА С ОГНЕМ

Стоял погожий денек бабьего лета. Поджарая, вся в густой светло-рыжей шерсти-щетине, дикая по видовому определению, но почти домашняя по образу жизни свинья мирно грелась на солнышке в окружении пятерых, уже почти взрослых отпрысков. Они больше не нуждались в материнском молоке, не тянули из кормилицы последние соки.

Теперь можно и отдохнуть от весенних забот, набрать вес да нарастить немного сала на небогатых зоопарковских харчах. Тепло, хорошо, сухо.

Хрюшка от удовольствия привстала, выгнулась всем телом, зевнула почти по-человечески, не прикрыв, правда, клыкастую пасть копытом, и снова разлеглась в сладкой дремоте.

Но эта дремота не была продолжительной, так как внезапно воздух прорезали громкие крики «Кяй! Киа!» И две галки сизо-черными стрелами спикировали прямо на спину свинье. Одна из них двумя прыжками подскочила к морде, и крепким черным клювом ущипнула свинское ухо. Скотина с ошалелым визгом вскочила и понеслась по загону. Галки взмыли в воздух, но уже через пару мгновений одна из них с лету оседлала бегущую свинью. Цепкие галочьи лапки крепко держали щетину, черные крылья развевались на ветру, как паруса. Очередной рывок свиньи вынудил все-таки дерзкую птицу взмыть в воздух, но ей на смену тут же опустилась напарница. А еще миг спустя на обезумевшей свинье катались уже две галки.

В середине загона красовалась обширная серо-зеленая лужа грязи. Не найдя иного выхода избавиться от крылатых мучительниц, скотина вскочила в нее. Раздался глухой

всплеск, зловонные брызги полетели в разные стороны. Это было слишком даже для наших галок. Оставили они эту забаву. Игру с огнем.

С огнем — потому, что немало крыс, голубей да сорок с поврежденным крылом нашло бесславный конец в ненасытной свиной утробе.

Серые вороны не отстают от галок.

ВОТ КАКАЯ Я СМЕЛАЯ!

Хмурым осенним днем я проходил мимо того же вольера с дикими кабаном, как вдруг донеслось радостное похрюкивание вперемешку с ликующим карканьем. Как всегда, кабан Ицхак грузной прытью бросился мне навстречу, и принялся носиться вдоль бордюра. Необычным было только то, что на его спине сидела ворона.

По опыту отлова подросших поросят я знаю, что грубой кабаньей шкуре ничем даже несильные удары навозными вилами, поэтому когтей легковесной крылатой наездницы свинтус не чувствовал. Зато ворона, кажется, от радости взлетела на седьмое небо. Уцепившись когтями за щетину Ицхака, птица восторженно каркала и то и дело поглядывала на зрителей. А их было немало: несколько десятков ворон, грачей и сорок расселись на бордюрах загона и тихонько переговаривались между собой, как бы делясь впечатлениями от невиданного циркового представления. В цирках во время особо опасных номеров музыка замолкает, а от артистов, равно, как и от зрителей, требуют полного молчания. Но у птиц иные законы, и пернатая «укротительница кабанов», сидя на спине бешено мчащегося клыкастого чудовища, то и дело поглядывала на сородичей и громко каркала, будто хотела похвастаться им: «посмотрите, вот какая я смелая!»

Другой раз хмурым декабрьским днем я наблюдал, как две вороны по очереди затеяли с тем же кабаном новую игру. Птица садилась вепрю на спину, балансируя крыльями, ловко проскальзывала по скату его морды, и резко взлетала с самого края клыкастой пасти. Но вокруг стояла полная тишина, пернатых зрителей поблизости не было, и птицы, по очереди выполняя «смертельный номер», тихонько переговариваясь, хвастились друг перед другом.

Игра игрой, а иногда эти птицы в прямом смысле слова обращаются за помощью к человеку.

УМНАЯ ГАЛКА

О незаурядном уме и хитрости птиц из вороньей семьи рассказывают немало, и в этом я не раз убеждался сам. Но, наверное, больше всех меня поразила галка, повстречавшаяся на поселке Коммунар.

Был конец мая. Почти все пернатые были по горло поглощены заботами о продолжении рода. Стояла невыносимая жара, и, казалось, что земля, не так давно освободившаяся от зимних оков, уже высохла, растрескалась и превратилась в камень. Нигде ни лужицы воды. А ведь когда в гнездах копошатся ненасытные подрастающие птенцы, как никогда нужны корм и вода. Но добывать их в засуху непросто.

Я шел по улице, и меня неотступно сопровождала крупная галка с заметной серебристой «косынкой». Не берусь утверждать, но, наверное, это был самец, на плечи которого в большинстве птичьих семей ложится основная забота по добыче пропитания. Птица взлетала, делала круги над головой, и каждый раз присаживалась в двух-трех метрах от меня, по-особому подергивая хвостом и издавая свое, неизменное «кья-кья!» Обычный галочий крик казался каким-то молящим. Галка явно звала меня куда-то. Ничего не оставалось делать, как следовать за черной птицей. Пройдя два квартала, мы подошли к общежитию, от стены которого отходил водопроводный кран. Галка опустилась на него и принялась наклонять голову к отверстию, будто бы воду пить. В перерывах птица поворачивала голову в мою сторону и просяще кьякала.

Сообразив, что к чему, я подошел, повернул кран и отошел. Из крана — сначала потихоньку «кап-кап-кап», а затем уверенной струйкой потекла вода. Галка, отлетевшая при моем приближении метра на три, тут же вернулась, уселась на кран и принялась жадно пить воду, поднимая и опуская голову. «По-куриному» — так обычно называют такой способ поглощения живительной влаги. Не очень-то верно, конечно, ведь подобным образом пьют почти все пернатые, кроме голубей. Галка напилась вдоволь и улетела прочь. На этот раз даже и не оглянулась в мою сторону. Вот неблагодарная! Но, быть может, умная птица просто спешила рассказать своим соплеменницам о том, что нашла источник столь необходимой сейчас воды.

А я закрутил кран. В ямку под ним натекла солидная лужица. Так что теперь галки, голуби, воробьи и синички могли прилетать сюда на водопой весь остаток того жаркого

безоблачного дня. До самого вечера хватит!

Галки вообще доверчивые птицы, особенно в юности. Например, в Харьковском зоопарке молодые, неопытные еще галчата не только расхаживают, чуть ли не под ногами у прохожих, но без страха подлетают к летним кафе, устраиваются на тентах и скамейках, ни сколько не опасаясь людей, а некоторые берут пищу из рук.

Вороны гораздо осторожнее и так нам не доверяют. Впрочем, бывают исключения, не в Харькове, правда. Ворона раз из рук взяла кусочек сыра. Один раз взяла, и настолько осмелела, что стала прилетать к человеку раз за разом, да еще и отпрыска своего привела.

Но расскажу все по порядку. Стояло жаркое июльское утро, когда на Одесские пляжи спешили отдыхающие. Большая часть их — приезжие. Сами же одесситы воспринимают море под боком, как что-то само собой разумеющееся. Есть, конечно, среди них любители купания, причем не только летнего, есть ныряльщики ловцы мидий и рапанов, есть рыбаки, всевозможными снастями промысляющие бычков, кефаль, камбалу и саргана. А есть...

В то самое утро мое внимание привлекла пожилая женщина в широкополой соломенной шляпе, на вид типичная одесситка. Не взирая на спешащую к морю публику, она сидела под деревом и... кормила ворон! Положив на ладонь кусочки сыра, дамочка опустила руку к земле, и тот час три гордые, черно-серые птицы принялись боком-боком подсакивать к ней и хватать дармовое угощение.

— Вороны знают меня, — сказала она. — Я эту вот парочку с зимы приучала. Сначала боялись, потом попробовали и с каждым разом стали брать смелее. А недавно птенца своего привели, и он, подражая им, тоже из рук клевать начал.

Глядя на этих ворон, легко было понять, кто из них кто. Самец выглядел крупнее, с более массивной головой и более длинным клювом, в сравнение со своей подругой. И уж совсем стройным и маленьким казался их сын или дочь, трудно сказать. Как и положено молодым воронам, его глаза были голубыми, а полость рта, что было хорошо видно, когда птица клевала с ладони, розовая, а не черная, как у старых особей.

Я попросил у женщины кусочек сыра, и положил его на ладонь у птиц на виду. Но вороны испуганно взлетели на ветви платана.

— Они знают свою кормилицу, у чужих, ни за что ни

возьмут – сказала одесситка.

И это хорошо. Прикормленные людьми белки, голуби и синицы теряют страх перед людьми, без страха идут на любую протянутую руку с кормом, что при встрече со злым, бессовестным человеком может стоить им жизни. Ворон же, какими бы ручными они не становились, спасает ум и умение различать своих и чужих.

А вообще-то ворон в Одессе великое множество, и они, подобно некоторым одесситам и практически всем приезжим, любят море и пляжи. Нет, птицы не купаются в соленой воде, не загорают на солнышке. Просто под вечер отдыхающие оставляют на песке немало вкусных объедков, а на пирсах всегда можно раздобыть оброненные рыбаками мидии да мелкую рыбешку, вроде сардельки или атерины. Так что вороны – санитары!

Но не все их сородичи столь деликатны.

НУ И НАХАЛКА!

Время перевалило за полдень, я возвращался с обеденного перерыва. На залитой солнцем аллее сидела большая толстая ворона и сосредоточенно клевала просыпанный кем-то ячмень. В эту пору, а на дворе стоял апрель, воронам давненько следовало бы улететь за город, свить уютное гнездышко в старом заброшенном саду, роще или сосновой посадке. Да заниматься обычными вороньими делами. То есть, клевать вытаявшую из-под снега падаль, подбирать снулую рыбу и ракушки беззубок на берегах водоемов, ловить полевок да следовать по свежей пашне за тракторами в компании грачей и озерных чаек. Настоящая же благодать нисходит с конца апреля и продолжается до середины лета. В это время в птичьих гнездах появляются яйца, а затем и птенцы – еда № 1 для каркающего племени.

Но поскольку зоопарк предоставляет воронам почти все эти радости жизни, некоторые из них по весне так никуда и не улетают. Конечно, маленьких горных гусят и «гадких утят» лебедя-шипунa ранней весной еще нет. Но ячмень, которым кормят свиней и некоторых других животных, если верить Альфреду Брему, тоже неплохая еда. И ворона, сидящая у кучки зерна, явно придерживалась того же мнения. У меня и в мыслях не было ловить или пугать птицу. Просто она сидела прямо на пути, и в противном случае пришлось бы ступать по газону. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять шагов разделяло нас, но ворона не улетала. Три шага. Теперь хорошо виден тусклый металлический отлив черных крыльев. Два шага. Ну, улетай. Но вместо этого птица

сама шагнула в мою сторону, вытянула шею и угрожающе закаркала. Я двинулся в сторону, прошел под самым носом у рассерженной каркуши. И снова устрашающий вороний клич. Ну и нахалка!

Сделав вид, что всерьез испугался, я быстрым шагом направился в отдел. Но ворона никак не могла успокоиться. Скорым шагом она курсировала между кучкой ячменя и решеткой бараньего загона, и то и дело хрипло, угрожающе каркала. А посетителей тем временем становилось все больше и больше. И наглая птица, решив, что всех их ей все равно не прогнать, тяжело, нехотя поднялась в воздух и полетела на поиски иной поживы.

Еще более наглую ворону я повстречал зимней порой возле Благовещенского рынка. Птица то бегала вдоль трамвайных путей, то сидела на проводах, вытягивала шею и грозно каркала, раздув горло. Иногда она срывалась, и чуть не задевая крылом, бросалась на прохожих и даже... на степенные, с лязгом шествующие по рельсам трамваи.

«Карр! Карр!» – прочь от моей добычи! Можно было подумать, что хозяйственная ворона и впрямь ревностно оберегала от всех и каждого бесценный клад. Глупая птица! Когда волна машин, трамваев и пешеходов, наконец, схлынула, стало ясно как день, что то, что она так ревностно защищала от всех и каждого, представляло ценность лишь для нее и ее соплеменниц: на рельсах лежала... задавленная трамваем крыса!

Впрочем, некоторые вороны честно добывают свой хлеб насущный, притом порой довольно необычным образом.

ВОРОНА-РЫБОЛОВ

Лето перевалило за макушку, и хотя пошло на убыль, но целыми днями стояла нестерпимая жара. В эту пору года горожане в свободное время устремляются на берега рек и озер, где можно хоть как-то охладиться. Но большинству людей невдомек, что водные обитатели страдают от жары не меньше их самих. Ведь в теплой воде не хватает столь нужного всему живому кислорода. А ядовитые водоросли так размножаются, что пруды и водохранилища кажутся сине-зелеными. Гибнут рыбы, гибнут раки. Более-менее сносно чувствуют себя, пожалуй, только лягушки.

Муромское водохранилище не было исключением. Вода в нем прогрелась до температуры парного молока, и знойный ветерок гнал ультрамариновую рябь. Даже теплолюбивые и не очень-то требовательные к содержанию

кислорода карпы стаями плавали у поверхности, чмокали ртами, в попытке глотнуть воздуха. Плотва, красноперки, подлещики, окуни заваливались на бок и засыпали. Но больше всего гибло ершей — любителей чистой прохладной воды.

А вот кому было раздолье, так это чайкам. Стаи белых птиц кружились над водой и ловко выхватывали клювами легкую добычу. Кроме простых озерных чаек были и чайки-хохотуни, раза в два больше по размеру. Ими любовались все, кто отдыхал на Черном море, а на наших реках и озерах они не очень-то частые гости. Но самым удивительным было то, что вместе с этими заправскими рыболовами над волнами кружила совсем не водная птица. Это была самая что ни на есть обычная серая ворона, правда, очень сообразительная и находчивая. Она, видать, долго наблюдала за маневрами чаек, и тоже хотела подкрепиться водяной вкуснятиной. Вкус рыбы знаком многим воронам. Ведь не секрет, что зимой порой хитрые птицы ловко воруют улова у рыбаков-подледников, а на свалках и в мусорных баках часто и густо попадают остатки самых разных экзотических рыб — от хека до семги и кефали-пеленгаса. Лаком кусок, но отобрать добычу у большой и сильной хохотуни вороне не под силу, и поэтому ей пришлось рыбачить самой.

Нелегкая задача. Нет на вороньих лапках плавательных перепонок, нет такой жировой смазки оперения, как у тех же чаек. Сунешься в воду — недолго намочнуть и захлебнуться. Утонуть, правда, не утонешь, так как воронье тело легче воды, но переохладиться и заоченеть в мокром оперении можно раньше, чем кое-как добарахтаться до берега. Но ворона не сдавалась. С опущенными лапами кружила она над водой, в попытках схватить уснувшую рыбешку.

Наконец ей это удалось. Непонятно каким образом ловкая птица подцепила лапами и схватила клювом какую-то рыбку и взлетела с ней на пустую рыбацкую сижку. Через несколько минут от добычи ничего не осталась, и ворона вновь отправилась на рыбалку.

Другой раз, теперь уже на Салтовском яру, пришлось наблюдать ворону, которая занималась на ручейке тем же, чем и мальчишки-рыболовы: она ловила пескарей. Стоял необычно жаркий и сухой май. В это время в вороньих гнездах как раз подрастают ненасытные птенцы, и их надо чем-то кормить. А поскольку насекомых и червей в весеннюю засуху добыть непросто, птицы наловчились промышленно рыбачить.

Надо было видеть, как ворона, на манер неведомо какой болотной птицы, то семенила по мелководью, то взлетала на торчащую из потока корягу или шину колеса, и зорко вглядывалась в воду. Время от времени черно-серая охотница резко ударяла клювом и тут же взмывала вверх, унося голодным отпрыском трепещущего пескаря.

От вороньих налетов подчас не застрахованы и более крупные рыбы.

КАРРР-П!

Когда гривистых баранов с Оленьего ряда перевели в просторный, напоминающий уголок их горной родины вольер неподалеку от центрального входа в зоопарк, к ним на время подселили необычных соседей, с которыми они уж никак не могут встретиться у себя дома, в горах северной Африки. Это были южноамериканские мускусные утки с черным, блестящим почти как у баклана оперением, североамериканские красноухие черепахи, кроме расцветки во многом похожие на наших болотных черепах и цветные карпы кои. Эти карпы – не особый вид, а просто выведенная человеком порода, точно так же, как золотая рыбка – отнюдь не златоперая волшебница морская, а... одомашненный карась. Всех этих водных жителей расквартировали на ручье, что протекает в вольере.

Но пришло время расставания, и уток вернули в птичник, черепах – в террариум, а карпов выпустили в пруд. Выпустили – да не всех. Трем самым юрким, самые любопытным рыбешкам ручей так понравился, что они ни за что ни хотели его покидать, а при приближение человека тут же прятались под камни. Все попытки поймать их оказались тщетными.

Но нашелся некто куда более настойчивый, чем все сотрудники зоопарка, так как пять серых ворон что ни утро появлялось на берегу, в надежде вытянуть рыб, почти равных им по весу. Как только карпы, разевая беззубые рты с чмоканием поднимались к поверхности, их встречали удары крепких клювов по голове. В перерыве между рыбалкой вороны важно расхаживали по берегу и, будто подзадоривая друг друга, громко кричали « Каррр-п! Карр-п!»

И добились птицы своего, так как в одно прекрасное утро все три рыбины, полусъеденные, лежали на берегу ручья, и на них пирувала целая стая ворон.

Иногда, благодаря человеку каркушам перепадает рыба, которую при всем желании они не могли бы поймать, и

которую едва ли могут отведают большинство граждан.

Мне помнится, воронам однажды повезло. Причем, куда больше, чем их пластилиновой родственнице из советского мультфильма.

Дело было так. Студеным январским утром я, вооружившись лопатой, убирал навоз во внутреннем домике загона диких кабанов, как вдруг услышал громкий шлепок. Как оказалось, сотрудники близлежащего дельфинария высыпали целый контейнер не востребовавшей рыбы, и не каких-нибудь карасей или свежемороженой селедки, а лавраков — атлантических родственников наших окуней и судаков. По цене эта хищная серебристая рыбеха не уступает семге и форели, а, следовательно, малодоступна большинству наших граждан.

Но свиньи не в полной мере оценили морской деликатес, и подобно разбалованным обилием добычи медведям-рыболовам на Аляске, выедали у рыб лишь самые лакомые части — головы и внутренности. Наевшись, хрюшки разлеглись на преюющих листьях и соломе, и тогда за дело принялись вороны, сотни ворон. Они слетелись туда со всего зоопарка и живым черно-серым ковром покрыли загон. Еды было так много, что птицы даже не дрались из-за добычи.

Пир продолжался до сумерек. На ветвях древних вязов и кленов в лучах заходящего солнца сонно восседали гордые птицы, прижав лапой по большому куску, иногда даже по половине мелкого лаврака — невиданной в наших краях рыбы. Последние следы вороньего пиршества таяли на глазах и его участницы, тяжело взмахивая крыльями, торопились к месту ночлега.

А свиньи продолжали дремать и не обращали на крылатых соперниц никакого внимания.

Но это совсем не значит, что свиньи нисколько не интересуют ворон, притом не только, как объект игр.

ПОРОСЯТИНКИ ЗАХОТЕЛОСЬ?

На исходе зимы у наших кабанов всегда приплод, и на свет, в тщательно сплетенной из сена, соломы и хвойных веток колыбели, появляется по пять, семь, а то и по восемь крошечных полосатых созданий с розовыми пятачками. Проходит несколько дней, и под неусыпным контролем хрюшки-матери, поросята носятся по всему загону. Впрочем, этот контроль им не очень-то нравится, так как юные вепри постоянно пытаются улизнуть из-под опеки своих близоруких, но зато далеко чующих мамаш.

Такое непослушание может кончиться весьма печально, как в их естественной среде обитания, то есть в лесу, так и в зоопарке. В этом я убедился в одно весеннее утро, когда с дальнего конца загона раздалось остервенелое карканье. Там на маленького поросенка напало десять ворон. Серые, чернокрылые птицы нещадно били несчастного звереныша по спине, пяточку и макушке своими крепкими клювами, и кто знает, чем бы все это кончилось, если бы на жалобный визг отпрыска не прибежала бы хрюшка-мать.

Неужто воронам и впрямь поросятинки молоденькой захотелось, тем более что из двенадцати поросят того сезона, принадлежащих двум маткам, выросло только восемь. От четверых в самом раннем возрасте остались лишь тщательно объеденные кем-то шкурки. Неужели вороны!? А почему бы и нет, если учесть, что в некоторых частях света не так уж редко отмечают нападения групп воронов и стай черных ворон на ягнят и детенышей северных оленей.

Быть может, в гибели поросят вороны и не повинны, но объявить их невиновными в многочисленных убийствах птичьих детей, нет никакого основания. Серые разбойницы ловко выхватывают из гнезд сорочат и дроздят; они следят за идущим по болотистому берегу водоема человеком и ожидают, пока он не вспугнет с гнезда дикую утку. И стоит крякве взлететь, к гнезду она может не возвращаться: шансы на то, что вездесущие вороны не расправятся с ее будущим потомством, равны нулю. Но и это не предел — каркающие разбойницы виртуозно хватают маленьких утят, когда те следом за матерью, перебираются от гнезда, расположенного в укромном уголке леса, луга или парка к спасительному водоему.

Грабят вороны и курятники, если только могут проникнуть в них через открытое окно или дверь. Безмозглые кудактающие обитатели «птичьих дворцов», как правило, не оказывают им никакого сопротивления. Но поскольку подобные деяния чреватые гневом двуногих владельцев курятников, умные птицы действуют с хитростью, а именно — орудуют на пару. Пока одна ворона наводит шмон и выносит наружу яйцо за яйцом, вторая сидит на крыше и зорко посматривает по сторонам: не приближается ли человек?

Иногда жертвами ворон оказываются даже взрослые, способные к полету птицы.

СЕРАЯ ВОРОНА ПОД МОИМ ОКНОМ

Воронья парочка появилась возле нашего дома в конце марта и тут же принялась за постройку гнезда в развилке пирамидального тополя. Вскоре среди ветвей зачернела неряшливая птичья постройка, из которой, что ни глянь, торчал хвост будто бы насиживающей самки. Именно будто бы, так как через пару недель вороны покинули прежнее жилище и свили новое гнездо в кроне серебристого тополя по другую сторону нашей девятиэтажки.

Найдется не так уж мало птиц, которые строят больше, чем одно гнездо. Так ведут себя, к примеру, сороки. Черно-белая парочка попеременно селится один год в одном, а следующий — в другом гнезде, дабы за это время птичий дом успевал освобождаться от докучливых паразитов. Крошечный крапивник воздвигает «дворцы бракосочетания» для нескольких своих «жен», а аист неподалеку от своего жилого гнезда сооружает порой наблюдательный пост. Но, пожалуй, лишь одна птица устраивает ложное гнездо с целью ввести в заблуждение возможного недруга — это серая ворона и, вероятно, близкие к ней виды с черным оперением, живущие в других странах.

Надо сказать, что вороны — великие обманщицы, которые, живя рядом с нами, умудряются ловко скрывать многие стороны своей личной жизни. Взять, хотя бы, зимние ночевки вороньих стай. С наступлением сумерек птицы сотнями слетаются в какой-нибудь парк, на пустырь и с гомоном рассаживаются на деревьях. Когда совсем стемнеет, карканье смолкает, птицы успокаиваются и, сорвавшись с веток, устремляются к спальне в роще на окраине города. Утром вороны просыпаются в темноте, разлетаются поодиночке, и в густых еще утренних сумерках рассаживаются на крышах домов. Так и хочется сказать, что птицы хотят обмануть нас: мол, спим мы здесь и никуда на ночь не улетаем.

Так оно и есть — птицы скрывают свои «спальни» именно от нас, ведь против врагов из животного мира подобная мера не действенна. Ястребы и соколы ночью не охотятся, серая неясуть и крайне редкий в наших краях филин без труда обнаружили бы ночевку при облете местности. Лиса легко найдет скопление сотен птиц по запаху, но по деревьям лазить она не умеет, а, значит, может пожить лишь мертвой вороной, упавшей в снег и совсем не опасна ее живым соплеменникам. Кошки и куницы лазают неплохо, но они физически не в состоянии преодолевать километры следом за птичьими стаями. Остаются только люди с

ружьями и сетями, тем более что в старину на ворон охотились, как на дичь, а еще совсем недавно их отстреливали, как «вредителей», разоряющих гнезда других птиц. Сейчас большинство людей, особенно горожане, обычно не обращают на крылатых соседок никакого внимания. Кроме того, ворон нынче куда больше, чем в старину. Место ночевки нескольких десятков птиц может и не очень выделяться среди окружающей местности, а вот «спальню», где ночуют нескольких тысяч каркающих особей, днем с легкостью выдают сплошь покрытые пометом снег, прошлогодняя листва, ветви кустов и деревьев, черные перья на земле, и почти обязательно хотя бы несколько дохлых ворон, плюс не слишком утонченный аромат. Но птицам это невдомек, и они, по-прежнему, из поколения в поколение, пытаются скрыть место своего ночлега.

Точно так же вороны маскируют свои гнезда. Но настоящее жилое гнездо той самой вороньей семьи, что поселилась под моим окном, было спрятано плоховато, и сквозь листву тополя хорошо просматривались сидящие в нем птицы.

Поселившись во дворе, вороны первым делом оттеснили его прежних жильцов — сорок. Но «переговоры» их были мирными. На закате дня черно-серые вселенцы и черно-белые хозяева что-то покаркали и потрещали друг другу, будто договорились: здесь теперь будем жить мы, а вы поселитесь чуть в сторонке. На том и порешили. Сороки отлетели поближе к яру и тотчас принялись за постройку нового гнезда, а их место заняли вороны. Все обошлось мирно.

Но к другим птицам вороны проявили куда меньше уважения, так как принялись, как заправские хищники, охотиться за молодыми, недавно покинувшими гнезда, но уже летными голубями. Здесь серым разбойницам помогала не сила и быстрота, а хитрость и смекалка. Голубь летает быстрее вороны, и в полете ей его ни за что ни догнать. А вот наблюдать откуда-нибудь с крыши киоска за голубиной стаей, а затем спикировать на спину ничего не подозревающему сизокрылому несмышленьшу — совсем другое дело.

В ту весну мне принесли птенца сойки. Он охотно ел самый разный корм и отлично развивался. Молодая сойка буквально на глазах становилась ручной и подолгу сидела на перилах балкона, поглядывая по сторонам.

Однажды теплым летним вечером мой подопечный выпорхнул на ветку под окном, а наутро неподалеку

валялась почти полностью объединенная воронами соеच्या тушка.

Серые вороны под моим окном вырастили всего одного птенца, воспитание которого стоило жизни бесчисленному множеству молодых голубей и, по крайней мере, одной сойки, которая могла стать ручным и даже говорящим питомцем. Кстати, незадолго до этого, я кормил сойчонка... мясом вороны — её на пруду зоопарка убил горный гусь, защищавший свое потомство.

А вообще с воронами шутки плохи, и в случае чего они могут отлично за себя постоять.

ПТИЧЬЯ ХРАБРОСТЬ

Недалеко от моего дома, через трамвайную линию, зеленеют плодовые сады. Их так и называют Салтовскими. Было время, когда городские власти хотели вырубить, смести их с лица земли. Хозяева дачных участков сумели отстоять зеленое достояние, и сады по сей день зеленеют, но уже среди современного городского массива.

Нельзя сказать, чтобы Салтовские сады давали приют большому количеству пернатых. Но птицы есть. И самые интересные из них — простые серые вороны. Еще лет десять назад, а именно тогда я поступал на биофак Харьковского университета, встретить летней порой в городе ворону было большой редкостью. Вороньих гнезд в пределах Харькова не находил тогда никто. Но лет семь-восемь назад, быть может, после суровой, голодной зимы, некоторые вороны не пожелали улетать из городских пределов. Их гнезда стали попадаться даже в скверах и парках городского центра.

Одна воронья парочка объявилась и в Салтовских садах. Птицы впервые поселились здесь года четыре назад. Они так умело упрятали свое гнездо в гуще ветвей, что я до сих пор не знаю, где оно находилось. Да и никто, наверное, не знает. Потому что вороны каждый год строят себе новое гнездо, на новом месте. Хотя и неподалеку от старого.

Из садов птицы летали через трамвайную линию к автостоянке. Там, в мусорных баках и у собачьих конур, всегда можно было найти какую-никакую поживу. В первые годы вороны как будто не растили птенцов. Но вот уже два лета подряд их сопровождают крикливые выводки из двух воронят-подростков. Вроде и похожи они на взрослых птиц, да как-то полегче, постройнее, клювы послабей. И крылья не блестят и не переливаются под лучами солнца. Сидят себе на проводах, вроде уже большие птицы, но крыльями трясут,

разевают рты и пискливо каркают. Ждут не дождутся, пока взрослые вороны с кормом прилетят. Сразу видно — птенцы.

Обычно полагают, что вороне ничего не нужно, кроме отбросов на помойках. Ничего подобного! Хлебные корки и гнилые картофельные очистки ворона ест только с голоду. Эта птица — настоящий хищник, и охотится за всевозможной живностью. Какую только может осилить. Ну, а малых воронят никак не выкормишь без червей и насекомых. А в городе не очень-то и поохотишься — вот и приходится изворачиваться.

Вороны нередко расхаживали по газону вдоль трамвайной линии, где ловко схватывали своими сильными клювами жуков и кузнечиков. Но чаще всего летали в яр. Там они выковыривали из влажной земли дождевых червей и личинок. Более того, изобретательные птицы умудрялись охотиться даже за пескарями в ручейке. А на улице не без успеха добывали молодых, неопытных голубей!

В одно прекрасное летнее утро воронам несказанно повезло: кто-то выкинул на топкий берег яра целую кучу говяжьих шкур и костей с изрядными кусками мяса и жира. Все четверо птиц не преминули воспользоваться столь редкой удачей. Но о поживе пронюхали не только они. В то утро я гулял со своим псом Рыжим по лужайке на берегу яра. Других псов, с которыми мой воспитанник мог бы подраться, вокруг не было, поэтому я отстегнул карабин ошейника и отпустил его. Пусть побегает, порезвится.

В этот момент на невысокий куст вербы уселась варакушка и громко запела. Мне очень захотелось поближе рассмотреть синегрудую болотную певунью. Тихо-тихо, чтобы не спугнуть варакушку, я стал подкрадываться к птичке. И совсем-совсем забыл про своего пса...

В это время чуткий собачий нюх уловил запах несвежего мяса. Пес оставил меня и перебежал по дамбе на другой берег, откуда ветер принес столь желанный аромат.

А я все любовался синегрудой варакушкой, слушал ее чудесные напевы. И как-то не заметил пропажи пса. Вдруг мелодичные трели потонули в оглушительном лае и карканье. Я оглянулся, и увидел такую картину: на противоположном берегу пруда возле кучи костей, поджав хвост, стоял мой пес, а над ним с криком кружились четыре вороны. Поочередно, то одна то другая птица усаживалась прямо возле собачьей морды, вытягивала шею и оглушительно каркала ему прямо в «лицо». Молодые воронята ни в чем не отставали от своих родителей.

Псу не повезло: так и не удалось урвать ни одной

косточки, ни кусочка мяса. Не выдержал он вороньих атак и бросился в воду, если только можно назвать водой эту черную, зловонную болотную жижу. Рыжий отчаянно греб лапами, по брюхо проваливался в ил. А над ним с громким карканьем кружились вороны, и едва не задевая лапами его голову и спину. Отстали птицы только на середине пруда.

Вернулись они к отвоеванной куче костей. А пес, виляя хвостом, бросился ко мне.

— Отстань, трус! Ворон испугался! Посмотри, на кого ты похож! Мало того, что сам с головы до ног вывозился, так еще и меня измазать хочешь!

Дома Рыжему устроили хорошо искупали. Вымытый шампунем (!) пес дочиста вылизал миску каши, улегся в кресло и крепко уснул. Он спал, и то и дело, подергивая лапами и громко повизгивая. Видно и во сне сражался с нахальными воронами, которые не захотели поделиться с ним трапезой.

С тех пор я много раз видел воронью семью на берегу пруда. Они кормились на той самой куче отбросов. Но Рыжий больше не пытался посягнуть на птичий обед.

Многие птицы выказывают невиданную храбрость. Бросаются на больших и сильных животных, даже на человека. Несколько раз на меня самого налетали дрозды-рябинники и черные болотные крачки. Наблюдал я, и как сойка бесстрашно пикировала на собаку. Даже был случай, когда эта голубокрылая красавица здорово долбанула в глаз одного мальчишку. Все эти птицы защищали свои гнезда, беспомощных птенцов — но, чтобы вороны так самоотверженно отстаивали свою «семейную столовую» я видел первый и пока единственный раз.

А ЧЕРЕЗ ГОД...

Похоже, вороны, а заодно с ними и сороки, вконец осмелели и совсем перестали бояться собак.

В погожий сентябрьский вечер я отправился на Пески нарвать немного поспевающей облепихи. Пес, как всегда, бежал следом за мной

Еще по пути к пустоши послышалось угрожающее карканье ворон и стрекотание сорок. Сотни птиц, как бы встречая нас, расселись на кустах облепихи и как только Рыжий понесся с горки к заветной полянке, бросились в атаку. Перепуганный пес, с опущенным хвостом, носился взад-вперед, скулил, как маленький щенок. А черный шлейф ворон и сорок с гомоном носился за и над ним.

Внезапно невесть откуда вылетел сокол-чеглок. Этот

маленький быстrokрылый хищник — гроза жаворонков, ласточек и даже стрижей, но никак не ворон. И при всем желании не может совладать с крупной птицей. Но ошалевшее воронье тут же, как по команде, рванулось следом за соколом, и только тогда оставило в покое моего пса.

Когда я подроспел к месту происшествия, причина вороньей агрессии стала понятной. Под кустом облепихи лежала груда сырых костей со следами мяса. А песок вокруг был буквально утоптан птичьими следами. Рыжий уже вoвсю хрустел бычьей лопаткой, и лишь несколько несильных ударов поводком заставили его оставить запретное кушанье: домашняя собака не должна подбирать, что попало на улице.

Я взял беднягу на поводок и хорошенько осмотрел. Вроде все нормально, никаких следов клевков. Пишут, что в Японии вороны нападают не только на собак и кошек, но даже на людей, особенно детей! Налетают и бьют своими сильными клювами. Правда, вороны там не совсем такие, как у нас: они большие, блестяще-черные, с огромными «носами», больше похожие на грачей-переростков, чем на ворон. Их называют большеклювыми. Живут такие птицы по всему Азиатскому берегу: от Индии до Охотского моря, но лишь в Японии стали они настоящими бандитками. Так неужели и наши серые вороны начинают вести себя так же, как их большеклювые азиатские родичи?

Серые вороны — смелые птицы. Они атакуют не только собак, но и многих пернатых хищников. Один на один серая ворона без труда изгоняет ястреба-перепелятника; стая из пяти-шести ворон справляется со злейшим врагом — тетеревятником. Именно ворон, так как один крупный ястреб нагоняет страх и на многосотенную стаю галок или грачей.

Не сдобровать и луням, если они окажутся на пути вороньего сбора.

КОНКУРЕНТЫ

Для того чтобы узнать, кто летит, совсем не обязательно смотреть ввысь. Часто своего обладателя выдает голос. Громкая бесконечная трель в мартовской синеве говорит о том, что полевые жаворонки уже возвращаются на освобождающиеся от снега поля; громким визгом в начале мая или самом конце апреля заявляют о своем прилете стрижи, а где-то за недельку-другую до этого красногорлая ласточка-касатка громким щебетом скажет «я вернулась домой». Пусть журавлиная стая летит выше хмурых облаков,

но в конце сентября, нельзя не услышать громкого «круу-круу!», не похожего ни на какой другой птичий голос.

Но на этот раз с неба раздавалось усиленное в эн-ное число... кваканье зеленой прудовой лягушки. Я задрал голову вверх и тут же увидел над крышами многоэтажек характерный силуэт болотного луны, а за ним на значительном расстоянии друг от друга с надсадными квакающими криками летели две серые вороны.

Лунь и ворона... Извечные конкуренты и самые нелюбимые охотниками птицы. В былые годы за каждого подстреленного луны платили рубль, за ворону — 50 копеек: такую цену платили эти пернатые за пристрастие к утятам и утиным яйцам, хотя, как оказалось, на самом деле крылатые санитары подбирают на водоемах в основном грызунов и дохлую рыбу. Наука реабилитировала хищников, но охотники и по сей день совсем не обоснованно видят в них конкурентов. Сами луны и вороны, уже абсолютно справедливо, тоже видят друг в друге соперников, и, по крайней мере, одна сторона постоянно прибегает к решительным действиям. Я никогда не видел, чтобы луны атаковали даже одиночных ворон, но вороны подчас целыми стаями нападают на луны и гонят их прочь. Хищник в беловой «каске» на голове (отсюда выражение «седой, как лунь»), в окружении оголтелой каркающей оравы — обычная летняя сценка у загородного водоема.

Не слишком корректно ведут себя вороны по отношению к лунам, ведь воронье с равным успехом может промышлять в поле и в лесу, в деревнях, на свалках и даже городских улицах, а луны (речь здесь не идет об их луговых и полевых родственниках) охотятся лишь над тростниковыми зарослями болот и речных берегов. Оставило бы их черносрое племя в покое хотя бы здесь. Так нет же!

Более того, каркающий народ преследует хищника всюду, куда бы он случайно не залетел. Город — не стихия болотного луны, и он не стал бы здесь рыться в мусорных баках, охотиться на голубей, а уж тем более разорять вороньи гнезда, где в ту пору уже подрастали почти готовые к вылету птенцы. Но конкурент есть конкурент, и ему нечего давать спуску, где бы он не появился, даже в городе.

Конечно, и этим находчивым птицам порой приходится платить дань всевозможным хищникам. Чаще всего — ястребам и куницам. Но иногда, по крайней мере, в зоопарке, на них охотятся вовсе не вороньи враги.

Правда, на это их толкают не совсем обычные обстоятельства.

ОТ СКУКИ

Хотите верьте, хотите нет, но у животных в зоопарке немало врагов. Быть может, не меньше, чем в дикой природе. Враги эти разные. Так, для копытных с их сверхчувствительными сложными желудками враг № 1 — безалаберные посетители, которые суют в мягкие доверчивые губы оленей и баранов всякие не слишком полезные даже для человека, и смертельные для животных кондитерские изделия. Почти после каждого праздника приходится лечить, а то и «отпевать» парочку бестолковых муфлонов, а иногда жертвой становятся и более редкие животные вроде оленей Давида и винторогих козлов. Были случаи, когда на территорию зоопарка прорывались своры бродячих собак и устраивали настоящую резню среди ланей и косуль. Уток ловят ястребы-тетеревятники, отнюдь не редкие в черте города, особенно зимой; утиное же потомство становится легкой добычей серых ворон. Не застрахованы и птицы в вольерах: с них берут ночную дань вездесущие, всепроникающие крысы, а порой и каменные куницы — малоизвестные, но непременно городские жители.

Но есть враг, от которого страдают, наверное, почти все жители зоопарка — это скука.

Пожалуй, меньше всех скучают волнистые попугайчики, неразлучники и мелкие певчие птицы. Все они живут стайками, где всегда можно пощебетать с себе подобными, а порой и с представителями других видов: щегол с зеленушкой, чижик — с реполовом. Птички занимаются своими обычными делами: встают с рассветом, поют, чирикают, клюют зерно, пьют воду, купаются, а попугайчики даже выводят птенцов. То есть скучать не приходится!

Не думаю, чтобы от скуки страдали гуси на пруду, и, пожалуй, павианы-гамадрилы, пусть за решеткой, но зато в обществе себе подобных.

Хуже пеликанам: немногочисленных карасей в своем водоеме они давным-давно выловили, и теперь довольствуются их снулыми родственниками из кормокухни, а то и свежемороженой селедкой. Но это не интересно, и крылатая рыболовная флотилия что ни день бороздит стоячие просторы пруда. Пеликаны то и дело, вхолостую хлопают по воде клювами, воображая, что ловят рыбу.

А о волках, львах, леопардах и медведях и говорить не приходится. Вся их жизнь, весь их быт — охота. Но где и на

кого поохотишься, когда с четырех сторон железная решетка, а мясо раздадут пусть большими, но готовыми порциями?! Нет, такая спокойная, размеренная жизнь могучих хищников явно не устраивает. Впрочем, выпадают и редкие счастливые моменты.

Как-то теплым летним вечером через щель в потолке решетки в вольеру амурских тигров влетела молодая неопытная галка. Влететь влетела, а вот выбраться обратно не смогла. Заметив птицу, мирно дремавший на крыше домика могучий полосатый зверь, миг продрал глаза, и высоко подскочил, в надежде схватить когтистой лапой нахальный комочек черно-серых перьев. Но галка ловко сманеврировала, и тигр, как ошалелый, принялся метаться по загону. Зверь снова прыгнул, и грациозно, по-кошачьи (а кто он, собственно говоря, и есть?) начал скакать по своему жилищу. У вольеры стала собираться толпа посетителей. Еще бы — когда еще в Харькове представится возможность лицезреть настоящую тигриную охоту. Слышались восторженные реплики, но бедной птице было не до смеха. На воле она одним взмахом черных крыльев взмыла бы на недостижимую для любого бескрылого хищника высоту, но тут со всех сторон была решетка, и несчастному пернатому оставалось только в ужасе носиться взад-вперед, то и дело, натываясь на железные стенки. Вот обессиленная галка с судорожно раскрытым клювом из последних сил затрепетала крыльями и шлепнулась вниз.

В этот вечер тигру наконец-то удалось поохотиться. Своя добыча, пусть и на один зуб, все равно слаще дармового куска мяса. Но, постойте, разве птицы входят в меню хозяина уссурийской тайги? Вроде бы нет. Это ведь не камышовый кот, искусный охотник за утками, лысухами и прочей водоплавающей дичью, не рысь — любительница рябчиков и глухарей, не ее степной родственник каракал и не ловкий пятнистый сервал, которые в стремительном прыжке ловко схватывают взлетающих аистов, что зимуют в африканской саванне. Как гласит табличка на загоне, тигр промышляет в основном оленей и кабанов, не сдобровать волку и даже белогрудому гималайскому медведю, если он окажется на пути таежного владыки.

Птиц, даже крупных, могучий зверь не трогает, ведь ими сыт не будешь, и вряд ли он удостоил бы серьезным вниманием пегую даурскую галку, даже если та прельстилась бы остатками его добычи. Но это в природе, а в зоопарке тигр охотился не от голода, от скуки.

Более нахальные вороны чаще своих младших сестер галок попадают в подобные переделки. Впрочем, им чаще дается по заслугам. Судите сами.

КОРМУШКА НА ПРУДУ

Было время, и не так давно, когда серые вороны, как и большие синицы, были в городе, только зимними гостями. Но годы шли, синицы, а затем и вороны, постепенно смелели, и сначала синичий перезвон, а затем и громкое надсадное карканье стало раздаваться в нашем городе круглый год. Синицы, большие любители яиц и личинок насекомых, стали на стражу парков и пригородных садов, а вороны с таким же рвением принялись истреблять яйца и птенцов других видов птиц. Не минула каркающая напасть и зоопарка, где воронье сборище множилось с каждым годом, и стало серьезной помехой для пернатых обитателей. Больше всех страдали кряквы, живущие в зоопарке на тех же птичьих правах, что и серые хищницы. Вороны в массе уничтожали их потомство. Особой дерзостью отличалась хорошо приметная птица с кривой лапой — она хватала утят прямо на глазах у людей. Несладко пришлось молодым воробьям и почти что взрослым сизым голубям.

Прежде главным защитником пруда был самец огарь. Всем зоопарковским гусям, лебедям и уткам, которые живут на пруду (кряквы здесь не имеются ввиду — это такие же вольные птицы, как голуби и галки) в раннем птенцовом возрасте подрезают на крыле палец, чтобы они не могли летать и не покинули зоопарк, а одному огаренку — забыли. И к счастью, так как только крылатая, хорошо летающая птица может быть настоящим защитником, а от родной стаи улетать огарю было незачем, да и некуда. Большая красивая утка стала настоящей пернатой звездой зоопарка, и немало посетителей снимали на мобилку рыжего с зеленым зеркальцем на крыле красавца, когда тот гордо восседал на парашюте над зеркалом пруда.

Огарь, делая круги над прудом, исправно нес вахту, и, случалось, обращал в бегство даже ястреба-тетеревятника, а вороны настолько его боялись, что при виде стремительно летящей на них большой красной утки, в ужасе забивались в кусты. Но однажды огарей перевели на другой водоем, и для ворон наступило настоящее раздолье.

Правда, один серебристый с зеленой головой селезень кряквы, пока его скромная подруга незаметно сидела на гнезде, находился рядом, на ручейке и довольно успешно

отгонял серых разбойниц, но до огаря ему ох как далеко, и защитит с горем пополам он мог только свое гнездо.

Так что выбор у ворон был большой, и для утиног потомства настали черные деньки. Но на пруду гнездятся не только дикие кряквы, но и более знатные пернатые, официальные жильцы зоопарка. Например, в зеленом деревянном домике устроила себе гнездо и отложила яйца серая с полосатой шеей гусыня из племени горных гусей. Эти редкие птицы родом с высокогорных озер Памира занесены в Красную Книгу. Каждый птенец, каждое яйцо этого вида для зоопарка наперечет, но разве вороны знают об этом, и вообще о списках редких и исчезающих животных, куда сами вряд ли когда-либо попадут. А если бы и знали, то, наверное, из вредности тащили бы яйца исчезающих пернатых с удвоенным азартом.

Как только горная гусыня в окружение писклявых пушистых шариков вышла на прогулку, одна дородная каркуша, воровато озираясь, направилась к гусятам. Но горный гусь — не кряква. Большой сильный гусак охраняет самку на гнезде, а затем и выводок день и ночь, пока птенцы не станут взрослыми. И когда старая, мудреная опытом ворона, понадеявшись на собственную сноровку, приблизилась к гусятам, глава семейства бросился на нее и ударил сильным крылом. Удар гусяного крыла болезнен даже для человека, и долгая разбойничья жизнь птицы оборвалась в один миг.

Все это происходило на глазах у ее соплеменниц, и несколько дней серые разбойницы, казалось, не обращали внимания даже на утят и редко копались в кормушках.

Но запретный плод сладок, и в один прекрасный день, ровно через три недели после гибели старой соплеменницы, одна молодая ворона сунулась ни больше ни меньше как к... аистам! Аисты вооружены мощными клювами-гарпунами, назначение которых отнюдь не переноска новорожденных, и они совсем не мирные создания. Ворон ворону, как гласит известная пословица, глаз действительно не выклюет, а вот аист аисту — запросто, а уж недругу и подавно. И когда молодой, только-только ставший на крыло вороненок сунулся к подросткам уже аистяткам, наверное, чтобы поживиться дармовой рыбой, его встретил град ударов сильными красными клювами. Стая перепуганных ворон с громкими криками взмыла в воздух и принялась кружить над прудом, но помочь несчастному птенцу, увы, не могла. Бедняга забился в крапиву, и горе было бы ему, не вмешайся

вовремя работник Птичника. После этого вороны стали намного осторожнее, но пруд так и не оставили: уж очень соблазнительна эта, пусть и опасная, но бесплатная кормушка.

Мы говорили о галках и воронах. А кто же тогда черный ворон — неперменный герой старинных легенд, сказок и былин? Неужто вороний самец? Нет, просто еще одна птица того же семейства, что вороны и галки. Ворон крупнее своих родственниц и ростом почти равняется курице. Он полностью черный с большим и мощным клювом. Но сказать черный — значит ничего не сказать, ведь в солнечных лучах одноцветный воронов наряд играет роскошными металлическими переливами.

Каркает ворон совсем не так, как ворона. Его позывные — звонкое «кро! кро! кро!» или «кру». Вороны очень осторожны, и в городе встречаются лишь на свалках, пустырях и окраинах. В отличие от ворон они нередко парят, подобно коршунам и канюкам.

А еще вороны... враждуют с воронами, или, что происходит гораздо чаще, наоборот! Стая ворон гонит прочь от себя одиночного ворона. И не мудрено: ведь они пищевые конкуренты — и те и другие больше всего на свете любят падаль и мясные отбросы. Кроме того, ворон не прочь изловить себе на обед большую или раненную серую родственницу. Лишь возле боен, где поживы больше, чем достаточно, молодые, не повзрослевшие еще вороны, кормятся чуть ли не вперемешку с серыми воронами и сороками. Взрослые круки живут парами и так низко никогда не опускаются. Разве что иногда, под осень.

РОДНЯ

Как-то погожим осенним днем высоко в небе раздалось звонкое круканье ворона вперемешку с карканьем ворон и стрекотанием сорок. «Гонят вороны ворона» — подумал я и машинально вскинул голову кверху. Там, над битумной крышей шестнадцатизэтажки весело кружила пара воронов, с десятков ворон и несколько сорок. Птицы явно играли друг с другом, и не выказывали ни каких признаков вражды, как будто чувствовали, что они — родня.

Осень — самое подходящее время для таких игрищ. Ведь в эту пору они уже вырастили птенцов, и уже не нужно бояться за беспомощное потомство. Но к весне осторожные вороны разлетаются по лесам, да глухим паркам, где раньше

почти всех птиц обзаводятся потомством. Иногда за ними можно проследить, если, конечно, вести себя тихо.

ВОРОНОВА СЕМЬЯ

Весна, пока еще совсем юная, уверенно вступала в свои права. Снег сошел даже в самых укромных уголках пригородного парка, и вместо него землю то тут, то там покрыл цветастый желто-голубой ковер из лютиков и пролесок. Зимовавшие неподалеку щеглы и зеленушки, лазоревки и большие синицы и недавно вернувшиеся с зимовок зяблики, зарянки и черные дрозды, затянули перед закатом многоголосый птичий концерт.

Парк еще голый, но и на этом безлистном фоне высокой мрачной тенью выделяется старый раскидистый дуб. Он оденется молодой зеленой листвой месяца через полтора, и в обнаженной кроне могучего дерева хорошо видно массивное разлапистое гнездо воронов. Из него торчит черный хвост — это ворониха насиживает свои два, три, а быть может, пять изумрудных в крапинку яиц, из которых вот-вот должны вылупиться беспомощные, клювастые, покрытые редким пухом птенцы. Именно ворониха, а не ворона, ведь серая ворона вовсе не самка черного ворона, как полагают иногда. Старинное заблуждение, но его можно понять, так как крестьяне и охотники более всего знакомы с куриной да утиной родней, где большие нарядные петухи да селезни и больше и красивее кур да уток, тогда как у ворон да воронов самец и самка, как две капли воды. Так что ворон и ворона вовсе не «муж» и «жена», а родичи из одного семейства, представленного в наших краях еще галкой, грачом, сорокой и совсем не похожей на них сойкой.

Кстати, вот она, сойка, рыжеватая голубокрылая птица раз в пять меньше ворона, скачет прямо над вороновой обителью, большая любительница не только желудей, но и птичьих яиц. Поэтому, заметив непрошенную гостью, ворониха слегка повернула голову и вполголоса булькнула. Вняв предупреждению грозной «родственницы», сойка упорхнула в глубину парка. И тот час на ветку над гнездом опустился зяблик и залился громкой задорной трелью. Большая черная птица не шелохнулась, и, казалось, еще уютнее устроилась в гнезде, слушая чарующую мелодию весны.

Но вот мелькнула крылатая тень, и на ветку перед птичьим домом опустился ворон-самец — глава семейства. Его роль в эту пору без устали добывать и носить корм супруге, пока та обогревает будущее потомство. Ворон явился с

поживой, может, с куском мяса с ближайшей бойни, может, со снулой рыбешкой, всплывшей на речке брюхом вверх после схода льда, а, может, с искусно пойманной чернокрылым пернатым охотником мышью, полевкой или лягушкой. При виде него самка раскрыла клюв, затрепетала крыльями, как птенец и, разумеется, немедленно получила свою долю, а глава черного семейства полетел за новой добычей.

Забегая вперед, скажу, что в начале мая один, почти взрослый птенец, вывалился из этого гнезда и разбился насмерть. Зато два других благополучно вылетели и до осени неотступно следовали за родителями.

Конец весны — горячая пора в жизни ворона, забота о ставшем уже на крыло, но еще беспомощном потомстве в самом разгаре. Казалось бы, не до игр, однако же...

НЛО

Как-то, по-летнему жарким майским днем, я вышел за окружную дорогу Харькова, на берег небольшого, заросшего пруда. Там во множестве обитают мелкие карасики, нарядные красноперки и неугомонные вешней порой озерные лягушки; в прибрежных зарослях, несмотря на обилие отдыхающих, выводят птенцов лысухи и камышницы. Из вороньего племени летом здесь постоянно попадают лишь сороки, поэтому при каждом каркающем крике поднимаешь голову вверх.

Вот и на этот раз в вышине раздалось гортанное круканье ворона. Поворачиваю голову вверх, так, чтобы солнце не слепило глаза. Да, вот он, черный ворон, глава всего семейства, один, впрочем, рядом с ним летает какая-то странная бурая птица, вернее, ворон кружит вокруг нее. «Птица» ростом чуть меньше ворона, и не похожа ни на одну из знакомых мне, да и взмахи крыльев какие-то не птичьи. Прямо маленькое «НЛО» какое-то! Кружится, машет «крыльями», а вокруг него нарезает круги черный ворон. Мистика! Вдруг птица оставила таинственного «напарника» и с криком взмыла ввысь, а к земле, беспомощно хлопая страницами, устремился... журнальный переплет!

День был солнечный, тихий, спокойный, никакого ветра, тем более способного поднять обложку на высоту, не было, и, конечно же, никто из людей не сбросил его с вертолета или воздушного шара, да и не было поблизости никакой летающей техники. Просто ворон, найдя где-то на свалке или пустыре, ненужный больше никому бумажный предмет,

решил превратить его в необычную крылатую игрушку, и хоть на несколько минут отдохнуть от весенних забот.

Иногда молодые, только вступившие во взрослую жизнь воронята, бывают очень доверчивы.

ВОТ ЭТО ДА!

Как то пасмурным субботним днем я проходил мимо гаража. И тут увидел большую черную птицу. Она сидела на мусоросборном контейнере и что-то клевала. Еще издали птица показалась мне слишком большой и массивной для грача. И чем ближе я подходил, тем меньше оставалось сомнений. Да, передо мной настоящий черный ворон! Вот это да! Так близко вольного ворона видеть еще не приходилось. Нет слов, крылатые лесные стражи в последние годы здорово осмелели. И из лесных стали полевыми, свалочными, чуть ли не пригородными. Стали вить гнезда в городских парках. Их воздушные игры по весне можно наблюдать прямо над городам. Несколько раз приходилось мне видеть воронов столбах и высоких деревьях на улицах, во дворах. Но чтобы так рядом!

Я подходил все ближе и ближе. Ворон и глазом не повел. Теперь уже было хорошо видно, что он клюет — перезревший гнилой кабачок. Не очень-то сытная еда для этой плотоядной птицы. Между нами уже метра полтора. Даже доверчивая горлинка вряд ли подпустила бы человека на такое расстояние. Но ворон не улетал. Может он больной? Нет, что-то не похоже — приглаженное оперение, ясные живые глаза. Когда я подошел вплотную, птица лишь перескочила на край контейнера. Я протянул руку, и слегка провел ею по вороновым перьям. Ворон раскрыл клюв, и слегка ущипнул палец. Зев его оказался розовым. Значит птица молодая, этой весны выводка.

Прикосновения рукой было слишком даже для этого доверчивого, быть может, вскормленного кем-то ворона. Он соскочил вниз, сделал несколько нелепых для такого солидного существа прыжков, и взлетел на крышу гаража. С минуту он посидел там, уставившись на меня. А потом взмыл в небо и полетел в сторону полей. Перед этим крук, как зовут воронов в наших краях, с громкими криками сделал над моей головой ровно три круга. В народе говорят, что хуже нет приметы. Но если верить всем глупым суевериям... Я был доволен. Еще бы. Так близко увидеть ворона! Даже рукою дотронуться...

ПОЭЗИЯ

Иван ВОЛОСЮК

НАМ В ЭТОМ МИРЕ ТЕСНО

* * *

Е. В.

Зима страшна, как ночь переворота.
Как факелы, в печах горят огни.
Душа пуста, но сердце знает что-то,
И голоса слышны из-под земли.

Так прорастают зерна архетипов,
И зная то, что видеть не могли,
Бояться дети шорохов и скрипов,
И произносят жуткое «враги».

* * *

Мир становится старше,
Но Москве не забыть никогда,
Как в прудах Патриарших
Потемнела от страха вода.

Эти камни живые,
Я, как книгу, читал между строк,
Над советской Россией
Тихий ангел, как перст, одинок.

И пустынно, и дико,
Чёрный пар поднялся от земли,
По России великой
Поминальные свечи зажгли.

* * *

Уже сошел тяжелый снег
С полей и пашен,
И новый день, как новый век,
Велик и страшен.

ПОДРАЖАНИЕ МАНДЕЛЬШТАМУ

Дыханьем сердце грел, но в сердце не проник,
Теперь рассторгнута помолвка...
И председательствует старый материк:
Европа, нищенка, воровка.

А нам с тобой и так другой отчизны нет,
И нет уже путей обратно.
И мать своих детей, покинув Старый Свет,
Перекрестила троекратно.

Пока печаль моя не выпита до дна,
Мой путь земной укрыт туманом,
И триста лет спустя всё так же солон
Вода бескрайних океанов.

* * *

Она так любила подарки,
Не зная печали на вкус.
Зачем же сонеты Петрарки
Учила она наизусть?

В ней зелень цветущего Рима
Срослась со степною травой,
Любовь сочетает незримо
Осколки души мировой.

Вселенская мера единства,
Вселенская мера тепла,
Над страхом её материнства
Смеются твои зеркала.

Короткая встреча случайна,
Мир страшен, законы просты,
И будет холодная спальня
Голгофой её чистоты.

* * *

Это слишком опасно,
Лучше я помолюсь перед сном,
Новый мир и прекрасный
Распускается дивным цветком.

Мы о смерти не знали,
Новый мир погрузился во тьму.
Мы теперь не сполна ли
Оплатили его новизну?

Я теперь, как незрячий,
И напрасно живу на земле,
Только пули горячей
Не хватает в моей голове.

* * *

Слово каплей казалось, но в нём мне
Целый мир открывался живой,
И тащил, как мешок неподъёмный,
И волок я его за собой.

Мучил лиру, и выгнул в дугу я,
И сломал, и оставил её,
Чтобы эту тоску мировую
Переплавить в призванье моё.

Красок взял я, каких захотела
Птица, что прилетала ко мне,
И ожившая песня звенела
На залитом дождём полотне.

* * *

Нам в этом мире – тесно,
Если смогу – воскресну,
Если ты скажешь честно:
Это – твоя игра.

Нам говорили: здесь он,
В десять – уже на месте,
Помнишь, искали вместе
Бога ещё вчера?

Маем, там пахло маем,
Дождь сентябрём хлестал нас,
Сыпал свои кристаллы
Сверху на нас январь.

Многого мы не знаем,
Что-то внутри сломалось,
Что-то в душе осталось,
Только тебя не жаль....

* * *

Здесь боль и смерть моя смолистая,
И продолжение пути.
Мне не укрыться, мне не выстоять,
И не осмелится идти.

И столько птиц канатоходцами
Смотрели с высоты, когда
Лилась, спасенная колодцами,
Во фляги выживших вода.

И были все тогда уверены,
Что как бы ни были сильны,
Вы отдадите нам со временем
Пространство, взятое займы.

* * *

К.С.

Две случайные фразы, а так одинаково сказаны,
Это леска закона, её не порвешь безнаказанно,
Скоро будет деревьев, как виселиц чёрных, неслитано,
Удали эти письма, покуда они не прочитаны.

Хочешь каждой дороге, пойдя поклонись по отдельности,
Чтобы чёрные книги душили тебя беспредельностью,
Чтоб пришло вдохновенье, с какой-то улыбкою
нищенской,
Чтобы морем не пахло, а пахло сторожкой
кладбищенской.

Чтобы всё было серо, и скупое, темно, искалечено,
Только ручку возьми — популярность тебе обеспечена,
Собирай свои залы, своей удивляй эрудицией,
И как хочешь, пиши, и глумись, и глумись над традицией.

* * *

Остаться. Черными платками
Уже застелены поля,
И скоро мы увидим сами
Как шевелит материками
Чревоугодница-земля.

А он все сможет. Все успеет...
Эсхатология. Судьба.
Нас только солнышко пригреет
И мы исчезнем без следа.

* * *

Мы — поколение, связанное крепко,
Одною цепью, кабелем одним,
И торрентов вытягиваем репку
Из серых, оцифрованных глубин.

Взрослеем рано, умираем рано,
Живём не так и молимся не так:
«Прости меня, и сохрани от спама,
Убереги от хакерских атак!»

* * *

Я не боялся жить, и воду из реки пил,
Свободы не ценил, и не боялся уз,
Зачем же вы тогда придумали R-keeper,
Explorer и Bluetooth?

Мне некуда бежать, везде меня поймают,
Сим карту вложат мне в мобильный, что бы я.
Не слышал, как Господь задумчиво играет
На флейте бытия.

* * *

Торопиться опасно,
Тонок лёд к середине весны,
Птица кажется красной
Или только лишь крылья красны?

Птица кажется синей,
Я за нею иду и молчу,
Если справлюсь с гордыней,
То великое мне по плечу.

Между веток — пробелы,
Крыльев взмах, и беда — не беда.
Птица кажется белой,
Улетает она навсегда.

Бесконечное лето
Я бы в памяти смог удержать,
Но какого ты цвета
Мне до смерти теперь не узнать.

* * *

Тяжело мне. На пахнущей гнилью
Чёрной тропке в саду — тяжело.
Разве сила моя — не бессилье?
Я, увидевший птиц эскадрильи,
Сам ещё становлюсь на крыло.

Высота в облаченьи пасхальном,
Вечер тих, и закат — не закат.
Почему так легко и печально,
Словно сны по дороге хрустальной,
Ручейки и бегут, и звенят.

И теперь возвращаются краски
К изначальной палитре простой.
Мир тепло сохраняет с опаской,
Так подсолнух без всякой подсказки
Сам за солнцем следит головой.

* * *

Есть сто ночей. В них мало сходства:
Ночь-нищенка, воровка-ночь.
Нам, продающим первородство,
Уже ничем нельзя помочь.

Из всех ночей я выбрал эту,
Ночь-сводницу и ночь-вдову,

В лучах искусственного света
Ненастоящий — я живу.

Ты слишком медленно разделилась,
И я солгал тебе — легко,
Как будто ложь мне в сердце въелась
И в душу въелась глубоко.

* * *

Мы через лес пошли. Не жалко мне
Листвы, разбуженной шагами,
Но ветер в нас бросает палками
И словно гонится за нами.

И вся пронизана грибницами
Благоухающая почва.
Я ждал свободы: станем птицами
Не мы, так дети наши — точно.

За пять минут я понял многое:
Мне край чужой, как лес густой,
Всё дышит смутною тревогою,
И ветер гонится за мной.

Екатерина КОРОТКОВА
ПЛАЧ ГОРОЖАНКИ

Говорят, деревня уходит. Куда уходит? Где ее искать? Незачем искать. Она совсем уходит. Доживает последние дни. А иные утверждают, что у нас уже давно нет деревни. Одно название осталось, а деревни в полном смысле нет. Кончилось тысячелетие, какие могут быть жалобы?

Жалобы, конечно, могут быть. У тех, кто родился в деревне. Или, допустим, даже в самой Москве родился, но полюбил деревенскую жизнь и ездит туда ежегодно.

Похоже, что это совсем не мой случай. Я прожила в деревне всего один день. Правда, я не раз проводила в сельской местности целое лето, но жила там, как дачница: снимала часть избы, покупала у местных жителей молоко и фрукты, иногда прогуливала сынишку, но по большей части сидела в хозяйском саду и переводила письма Диккенса, к примеру, ибо заказ был срочным, а тираж — миллионным, такие были времена. То есть, никак нельзя сказать, что я приобщалась к деревенскому образу жизни.

Иное дело — тот единственный день. Он запомнился очень четко. В одну прекрасную субботу на последней лекции нам сказали, что выходного дня у нас не будет, воскресный день мы проведем в колхозе на уборке кукурузы. Сейчас все по домам, но к шести часам быть в институте, взяв с собой самое необходимое на ближайшие сутки. Мы не обрадовались этой перспективе, но к шести вернулись в институт с хмурыми физиономиями и с тощими авоськами, в которых содержалось это «самое необходимое» — зубная щетка и тому подобное.

Нам сообщили маршрут и на вокзал мы поехали трамваем. И тут, наконец, прорвалось наше недовольство. Признаться, я никак не ожидала, что наш протест примет такую странную форму, не говоря уж о том, что я и протестато не ожидала. Наши немногочисленные мальчишки решительно заявили, что коль скоро мы выполняем государственное задание, нам положен бесплатный проезд.

Девочки к ним оживленно присоединились и я, хоть и считала, что две копейки недостойный повод, штрейк-брехером быть не хотела. Кондукторша заявила, что пока мы не купим билеты, трамвай дальше не пойдет. Тут в конфликт втянулись пассажиры, выступавшие в основном против нас. Дело, впрочем, закончилось очень быстро и мирно — какой-то милый человек за всех нас заплатил.

В поезде эксцессов не было, на станции нас встречали, до деревни мы добрались в полной темноте.

Нас разбили на небольшие группы и два колхозных активиста повели нашу четверку устраивать на ночлег. «Мы вас к таким хозяевам приведем, — объяснял красноречивый провожатый, — Там уж дом... и места много и покормят вкусно». Другой поддакивал ему. Но хваленые хозяева не пустили даже на порог студентов. Провожатые повели нас в другой замечательный дом, там повторилось то же, что и в первом. Третий, кажется, был уже не столь великолепен, но достаточно хорош, чтобы нас завернули и там.

Проводники растерялись.

«Ну, так как же, — потоптавшись, произнес наш красноречивый, — наверно, к Ныльке придется вести». «Нылька пустит», — согласился его напарник.

То, что Нылькина изба сильно отличается от недоступных для нас хором, заметно было даже в кромешной темноте. Она нам что-то постелила на полу и на лавке и мы сразу провалились в сон.

Я проснулась ярким солнечным утром. Нылька, худенькая, не старая еще вдова, тихо сновала по хате, готовила завтрак. На печи лежал мальчик лет шести. Он, видно, еще не проснулся и не спешил спускаться.

— Мама, кисю дай, — протяжно попросил он.

Она подняла с пола котенка и переправила на печку.

Почему-то это меня поразило. Деревня, чуждый, непонятный мир, а всё как в Киеве, в моем раннем детстве. Мальчик играет с котенком, а Нылька деловито и бесшумно «порается» в хате, совсем как моя бабушка.

Мы позавтракали вкусной деревенской картошкой и отправились в поле. Процесс сбора кукурузы оказался легким и приятным. Нам вручили спецодежду — нечто среднее между мешком и фартуком — и в две минуты показали, что делать. И пошла работа. Рывком, обеими руками раздвигаешь оболочку бледно-зеленых листьев и вот он тут

как тут, веселый янтарный початок. Отломила, сунула в мешок, пошла дальше.

Мы работали с энтузиазмом, день пролетел быстро. Наверняка был перерыв и нас чем-то кормили, но почему-то не запомнилось.

Помню, как возвращались. Солнце ещё не садилось. Мы шли без провожатых, к станции была протоптана дорожка. И вдруг мы вышли на чудесную зеленую поляну, остановились, залюбовались и принялись танцевать. От вчерашнего недовольства и следа не осталось.

Если хорошо порыться в памяти, то, пожалуй, кроме одного единственного деревенского дня, можно припомнить и одно единственное сельское лето. Правда, с оговорками. Известное каждому киевлянину Святошино было уже и в те времена так близко расположено от города, что туда ездили не на поезде, а трамваем. В этом трамвае мама каждое утро отправлялась на работу, а вечерами возвращалась к нам. Между конечной остановкой трамвая и деревней находилась небольшая роща. Возросшая к тому времени исключительно на сказках, я именовала рощицу лесом и уверяла всех, в том числе и себя, что там живут настоящие волки. Истины ради признаюсь: волков я ни разу не видела, даже издали, что до конфетных оберток и стаканчиков из-под мороженого, их было гораздо больше, чем полагалось бы в солидном лесу.

Так ведь это же самая настоящая дача, вполне резонно могут возразить мне. Кое в чём, конечно, дача, но не во всём. Мы действительно, как дачники, приехали туда из города на лето. Но мы не снимали дачу. Мы гостили у маминой сестры, тети Жени, которая жила там постоянно. Наша тетя была сельская учительница. Впрочем, возможно, что и тетя, и мы снимали жилье у какой-то хозяйки. Дело в том, что во дворе была коза и тетя Женя никакого отношения к ней не имела.

Незабвенная коза! Мне давно уже хотелось, и чем дальше, тем больше, прокатиться на ней верхом. Наконец, я не выдержала. Шел летний, реденький, но холодный, дождик. Коза стояла неподалеку от меня и что-то жевала. Я решительно к ней направилась, взобралась на спину и, к великой моей радости, почувствовав на себе всадника, она сразу же куда-то зашагала. Блаженное ощущение: мало того, что исполнилось мое давнишнее желание и я еду на козе

верхом, но, оказывается, на ней еще так приятно сидеть — я озябла под дождем, а у этой славной козочки такая мягкая, теплая шерсть.

Боюсь, что счастье длилось всего несколько мгновений. Резким движением козочка сбросила меня на землю и, не дав мне опомниться, злобно и очень больно боднула твердой, с двумя шишечками головой. Хорошо хоть оказалась безрогой.

Мне было больно и досадно. Но время прошло, и досада прошла. А странное свое приключение: теплый, влажный от дождика мех и чувство торжества до сих пор вспоминаю с улыбкой.

Мама на работе, тетя где-то ходит, из взрослых дома только бабушка. Прожившая большую половину жизни в деревне, бабушка вполне естественно считает, что летом детям положено ходить босиком. Мне это новшество понравилось, однако я с непривычки то наступала на осколки стекла, то с разбегу налетала на выпирающий из земли корень... Бабушка вынимала из ранки осколки, поливала ее йодом, боль проходит быстро и я снова куда-то бегу.

Или взбираюсь на высокий забор. Вот тут уж бабушка не оставалась равнодушной. «Катечка, — умоляла она меня в страшном испуге, — слезай скорissime, ты же разобьешься». Я отрицательно мотала головой и нахально продолжала сидеть на заборе. Однажды нас застала в этой ситуации тетя. Она тут же стащила меня с забора и отколотила палкой, которая мне показалась огромной. Вечером я жаловалась на «тетку» маме, но сочувствия не встретила. Почему-то этот эпизод я вспоминаю с неуместной гордостью. Наверно, мне понравилось, что я вкусила «настоящую» сельскую жизнь.

С соседнего двора к нам приходят настоящие «дачные детки». Черноглазые брат и сестричка примерно моих лет. Тихие, воспитанные, миловидные, обутые в туфельки на пуговках и, кажется, даже в носочках. Держатся они застенчиво, но всегда хотят есть и бабушка их сразу же начинает кормить. Их зовут Дина и Ладик. Имена несколько необычные и бабушка их называет Дынька и Оладик. Вероятно, подсознательно они ассоциируются у неё с едой.

Но вернемся к радостям. Их в том году выпало на мою долю немало.

Я сижу на берегу реки. В руках у меня удочка. Как ловится рыбка, мне уже объяснили. Самое главное, что она действительно ловится! Я выудила уже несколько рыбешек. Каждый раз восторг ни с чем не сравнимый. Много позже, читая Аксакова, я узнала, что мальчик этот, Багров внук, в 18-м столетии чувствовал точно то же, что и я через полтора года лет. Правда, он потом ещё больше увлекся охотой, но мне, пятилетней вполне хватило рыбалки. Какая горесть, что за всю мою дальнейшую жизнь ни разу не пришлось вернуться к рыболовству. До слез обидно.

А с середины лета мы стали ходить по грибы. Волки нам по-прежнему не попадались, но грибов было много. Ещё одно удовольствие, быть может, не такое острое, как рыбная ловля, но сравнивать не стоит. Каждый обнаруженный внезапно гриб радует, как долгожданный подарок. А уж если наткнешься на «белый» — король грибов, или высунет из-под листвы красную шапочку крепыш подосиновик, тут уж ликование нет предела.

Я так полюбила искать и находить грибы, что не в силах с ними расстаться. Придя домой, усердно принимаюсь за чистку, игнорируя несерьезные на мой взгляд угрозы: «ну и ну, зачем тебе такая грязная работа, вся измажешься и маечку потом не отстирать». Пустяки какие-то. Главное, что у меня опять в руках грибы, и я старательно соскабливаю кожицу со шляпки, сцарапываю пятнышки с ножки, отрезаю корень. Вот он, по всем правилам очищенный гриб, мое изделие — картинка!

И на том мое участие кончается, к изумлению взрослых. Жареных грибов, так дивно пахнущих и аппетитных, я не ем. Мне это не интересно, да и само блюдо с непривычки кажется невкусным. Я даже чуть ли не горжусь этим. Во всяком случае, с достоинством всем сообщаю, что искать и чистить грибы люблю, а есть их мне совсем не нравится. Позже, конечно, оценила это блюдо, как все нормальные люди.

В конце лета деревенские жители начинают копать картошку. Это последнее, к чему я приобщилась в Святошине. За деревней распростерлось огромное картофельное поле и повсюду бабьи хусточки и детские рубашонки. На эту сельскую работу выходят женщины и дети. И я тоже роюсь в рыхлой земле, чем глубже, тем прохладней... и вот она! Тяжелая, холодная картофелина у

меня в руке, я вытаскиваю ее и бросаю в корзину, где лежат такие же, большие, розовые, гладкие. Картошек много, их не приходится долго искать, как грибы, но и в этом поиске есть своя азартная прелесть.

Такое лето, полу-деревенское, полу-дачное выпало мне всего один раз. Потом я ездила к отцу на дачу, несколько позже — в пионерский лагерь.

Тем не менее, именно в эти последующие годы я постоянно слушала рассказы о деревне. Не о той деревне, где ходила по грибы, а о другой, далекой и совсем не похожей, о деревне 19-го века. Рассказчиков было много. Ведь вся семья, не только бабушка, но все мамнины братья и сестры выросли в деревне. Только мама родилась в Оренбурге.

В Черниговской губернии, в двух расположенных вблизи друг от друга казачьих селениях: село Высокое и деревня Шаповаловка, жили с давних времен наши предки. Поначалу жили, как я понимаю, беспокойно. Не случайно же у близких наших родичей так много не украинских фамилий: Шерембеи, Людкевичи. Подвергались набегам да и сами набегали. А кого-то уводили в полон.

К 19-му веку успокоились. Бури остались позади и предстояли в дальнейшем. А мне рассказывали чаще всего что-то забавное. Иные истории смахивали на анекдоты. Особенно рассказы о наших свойственниках, разорившихся дворянах, людях, как видно, очень странных, мнительных и нервных. О них даже сложили смешную песенку: «Шапорець, Шапорець, козына головка, не боїться ні людей, ні сирого вовка». Узнала я и о сердитом священнике, который невзлюбив кого-то, нарекал детей этой семьи «плохими» именами: Хавронья, Мардарий, Иуда.

И конечно, узнала романтическую историю бабушки и дедушки, которые поженились против воли родителей.

Мама рассказывала, как в 20-е годы, когда город жил голодно, а у крестьян и казаков ещё не отобрали землю, она ездила каждое лето «на хлеба» в Высокое и даже привозила с собой подруг.

Одним словом, о деревне я была наслышана порядком и об одном лишь не знала, что с появлением колхозов вся наша хлебосольная родня была погружена в товарные вагоны и увезена на поселение в Сибирь. Увезли со всем семейством и обоих бабушкиных братьев. Старший брат Николай

Тимофеевич Головань, богатый казак, живший в большом красивом доме с маленькой семьей, состоявшей из жены и сына, единственного наследника, был, конечно, уж раскулачен. Младший брат его Трофим, человек невезучий, обретался в крохотной избушке с огромной оравой голодных детишек. Раскулачили и его тоже. Вероятно, обозвали подкулачником. Оба они умерли в Сибири, а их вдовы Ксения и Харитина с теми детьми, что остались живыми, вернулись на Украину, и теперь уже они отправились «на хлеба» в Киев.

Они жили у нас некоторое время и были рады поношенной одежде городских племянниц, стоптанной обуви. Даже галошам, обутым на босые ноги.

Они приехали первыми, а за ними вся родня потянулась. Две смежные комнатки в коммунальном полуподвале, где мы жили впятером и тетя жаловалась, как неудобно ей, девице, спать в одной комнате с мужчиной (братом), и ночевала в ванной – в них тогда никто не мылся – две эти комнатки превратились в странноприимный дом, двери которого были всегда открыты. Приезжали семьями, не помню одиноких, в любое время суток. Я так к этому привыкла, что не удивлялась, сквозь сон услышав незнакомые голоса и плач ребенка. Несколько озадачил меня парень в гимнастерке. Как же это так – в Красной армии служил и в ссылке оказался. Но я не очень-то задумывалась. Вся эта толпа нашей раскулаченной родни, людей, как я знала, порядочных и хороших, настолько сразу же ошеломила меня, что я отвыкла удивляться.

Тетушки же, Ксения и Харитина наезжали к нам не раз, поэтому я хорошо их помню. Я никак не могла взять в толк, что неряшливая с растерянными синими глазищами Ксения была хозяйкой справногo имения. А молчаливая и сдержанная, с жестким взглядом прищуренных серых глаз Харитина провела всю жизнь в нужде с незадачливым мужем. Хотя, возможно, именно это её и закалило.

Потом все они, наверно, как-то приспособились к новой жизни. Перед войной уже не приезжали. А мамина кузина Маруся Шерембей даже стала директором фабрики в Подмосковье. Что-то сдвинулось наконец-то – умерил свою беспощадность суровый классовый подход.

Пришла война и семья наша раскололась. Мы очень долго не уезжали из Киева. Мы все откладывали да откладывали. Дело в том, что тяжело болела сердцем мамина сестра Маруся. Так тяжело, что врачи не рисковали выписывать её из больницы. Бабушка, конечно, осталась с больной дочкой. Остался и Василий, старший брат. В эвакуацию отправились трое: мы с мамой и тетя Женя, некогда отколотившая меня палкой, чудаковатая, как все старые девы, на редкость добрая и бескорыстная душа. Впрочем, из Киева мы выехали не втроем, а впятером — вместе с тетушкой моего отца Марьей Савельевной и её компаньонкой Тиной.

По дороге нам пришлось расстаться. Марья Савельевна направлялись на Северный Кавказ к каким-то родственникам. Нам же надо было добраться до Казахстана, там жила наша родня. Тетя так и осталась в степях с колочками, а мы с мамой перебрались в Ташкент. Увиделись мы только в конце войны. Не подходит для визитов военное время. Главное, мы всё же сохранили связь. Переписывались, знали друг о друге.

А вот Киев нас тревожил всерьез. Мы написали сразу же, едва его освободили. Ответ пришел невразумительный: адресат выбыл. Куда выбыл? Господи, да живы ли они? Мы писали соседям, знакомым. Никто не отозвался. Казалось, город опустел. Наш прекрасный Киев, где было так много друзей, представлялся мне скопищем мрачных развалин.

И тут мама написала в Шаповаловку. Вот радость-то! Давно бы так — деревня вновь пришла на помощь, как в голодные 20-е годы. Живы наши, живы! Отыскался след Тарасов. В заветной коробочке хранится, и я перечитываю его время от времени, письмо тетушки Софьи Шерембей, которую, конечно, видела в 30-х, но не помню. Замечательное письмо на русско-украинском наречии и буквы так и пляшут вверх и вниз, и ошибок несть числа, всё как положено. Молодчина тетка Софья: теперь мы знаем, куда писать, и наш адрес уже отправлен в Житомир. Какие чудные письма, полные любви, посыпались на нас вскоре от бабушки и дяди. Бабушка писала их одно за другим. В них радость и тепло, но с той же родственной открытостью рассказано, как страшно умирала Маруся. Вдали от близких, в придавленном немецком сапогом городке, для жителей которого трое беженцев из Киева — чужие. Убитые горем, растерянные, мать и брат бестолково мечутся, то подойдут

к ней, то отходят. Ведь надо всё же проводить в последний путь по-христиански. Лицо застыло в неподвижности, глаза закрыты — скончалась. Дрожащими руками они зажигают перед иконами свечи. И вдруг «покойница» открыла глаза, увидела эти горящие свечи и дикий ужас замерцал в её последнем взгляде.

Моя бабушка, такая умная, чуткая, твердая духом, что служит мне поддержкой и сейчас в трудные дни, как же она намучилась, что допустила такое.

На том кончаются мои реальные отношения с деревней. Лишь два милых эпизода косвенно сталкивают меня с ней.

Сразу после войны на рынке я разговорилась с одной женщиной. Она оказалась нашей односельчанкой, даже родственницей, о чем обрадовано мне сообщила. Дома я рассказала о ней маме и мама тоже оживилась. «Журавли! — вскричала она, — Ну, конечно! У нас пол-деревни Журавли». Да и мне было приятно.

А второй эпизод состоялся уже в «перестройку». Я ехала в такси и, как всегда, болтала с шофером. Узнав, что моя историческая родина — Черниговская область, он возликовал и стал допытываться, как именовался наш районный центр. Я объяснила, что знаю лишь старое название уездного города, а райцентр наверняка называется как-то иначе. Он упросил меня не утаивать это старое название. Оказалось, что оно ему знакомо, хотя в советское время его действительно переименовали. Насколько мне известно, сейчас этот город снова называется Борзна. Лазарь Лазарев, которому я тут же пересказала наш разговор, (ибо ехала тогда в «Вопросы литературы»), заулыбался и сказал, что этот случай типичен для армии — солдаты радуются, встретив «земелю».

Уж не знаю, какая из меня «земеля» — в Черниговской области я так никогда и не побывала, но с каждым годом я все больше и больше жалею, что так мало расспрашивала о деревне, о предках, когда было кого спросить. Я написала повесть по мотивам услышанных в детстве историй. Разыскала в Брокгаузе всё, что можно было найти о Черниговской губернии.

И нарыла не так уж мало, причем, такого, о чём едва ли

узнала бы в детстве. Ведь ни бабушка, ни дядя, ни тетя не говорили мне, что когда-то мы проживали в Литовско-Русском княжестве. И не от семьи я узнала, что в 19-м веке население губернии на 80 процентов состояло из казаков и вольных крестьян. Так что зря уж так: «страна рабов»!

Что до Литовско-Русского княжества, Дюма бы позавидовал: его история густо насыщена борьбой за власть, сменой правителей, сменой союзников и в результате даже сменой конфессий. Я с облегчением обнаружила, что примкнувшие к княжеству «русские земли», а их не так уж мало – восемь областей – в коловерти этой не участвовали и «сохранили свою самостоятельность и самобытность».

Отрадно сознавать, что наши предки обладали этим чудесным талантом: сохранять самобытность. Ведь со времен Грюнвальдской битвы именно самобытность неоднократно подвергалась покушениям.

Страна рабов, страна господ... Безжалостная сила вспыльчивого гения рисует страшную картину разобщенности. Вот раб, вот господин, а между ними пропасть. Пропасть, как известно, прорубил своим знаменитым топором Петр Первый.

Прорубил, но недорубил, однако. Воспрепятствовали и барин, и мужик.

В «Семейной хронике» Аксакова рассказано, как тайком от урбанистки-маменьки маленькие барчуки пробираются в светелку к тетеньке. У молоденькой барышни собираются деревенские девушки и вместе с ней поют русские песни, так красиво – душа тает.

И у Льва Толстого есть глава, которую я невольно перечитываю дважды. Молодые Ростовы после охоты гостят у дядюшки, небогатого помещика и оба очарованы царящей там атмосферой. Наташа пляшет «русскую», наверно, многие помнят: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, – этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale* давно должны бы были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские...». Но я люблюсь не столь Наташей, сколько дядюшкой. Ему и в голову не приходит, что он чему-то противостоит. Живет, как живет, по-другому не умеет: «Чистое дело марш».

Выходит не получилось у царя-западника прорубить н е

п р о х о д и м у ю пропасть. Стремление сохранить самобытность и в большом имении, и в крохотной деревушке помешало.

Век восемнадцатый, век девятнадцатый — давно это было. Но я помню и в двадцатом... Поющие поезда послевоенных лет. Лихие тройки уж не скачут по дорогам России. Летит по рельсам это железное чудище — паровоз, гудит, дымит. А в вагоне песни всю ночь напролет. Незнакомые друг другу люди и сами не заметили, как сложился этот не знающий устали хор, к неудовольствию некоторых пассажиров.

Но сейчас, говорят, и песни уходят. Молодежь и даже люди постарше предпочитают американские. Это грустно, ибо, утратив родную мелодику, мы утрачиваем нечто важное в себе. Скорей всего, эту самую самобытность.

Ушли песни, уходит деревня, интерес к прошлому тоже, говорят, уходит. Так пойдет, глядишь, уйдем и мы.

Неужели так безнадежно? И песни родные противны, и на деревню начхать, и в прошлом ищем одни негативы.

Как знать? Я всё спрашиваю. Где-то все ещё поют. И деревни есть ещё живые. И не у всех угас интерес к прошлому. Кто перетянет? Поживем — увидим.

ЮМОР И САТИРА

Владимир ГЛЕБОВ
УБЕРИТЕ СВЕТОФОР**ЧАСОВЩИК**

К обыденной этой картине
Давно уже город привык:
В огромном окне, как в витрине,
Сутулый сидит часовщик.

Машин и прохожих не слышит,
Движенья скупы и точны.
Он – как в непогоду затишье,
Как остров среди быстрины.

Блестящую крышку завинтит,
Часы по своим подведёт,
И рядом, за стёклами, видит
Привычно спешащий народ.

Идут молодые под ручку,
Протезом скрипит инвалид,
И девочка в сереньких брючках
Секундную стрелкой бежит.

* * *

В речке изменной, возле экватора,
Повстречал олигарх аллигатора.
Аллигатору не пофартило:
Стал он сумкою из крокодила.
А однажды,
Дефолтной весной,
Сумка стала
И вовсе сумой...

* * *

Засели в Раде мужики –
Умов палаты и палатки!
Над ними вьются, как над грядкой,
Околорадские жуки.

* * *

Говорят, надо ехать на грязи.
Но туда едут новые князи.
Очень вредной становится грязь,
Если в ней побывал новый князь!

* * *

Деньги вес изменяют,
И форму, и цвет:
Сколько их –
Синих, жёлтых, сиреневых...
Неизменны две тысячи лет
Лишь Иудины 30 серебряников.

АЛЁНУШКА

Сидит Алёнушка над Летой
И жемчуг слёз в неё роняет...
Простите, коль не прав, поэты, –
Мне вас она напоминает.

Как сладостно напялить лапоть,
Найти недвижимые воды,
И, в них глядясь,
Тихонько плакать
О доле бедного народа...

Я сам такой:
Сижу на камушке,
На сердце – грусть, тоска, излом...
А в это время
Брат Иванушка
Стал из козлёночка
Козлом.

* * *

Европейские стандарты –
Это русскому беда,
Потому что по стандартам
Мы не жили никогда.

И не будем! Птица-тройка
Вновь почувяла простор:
С Богом!
Любо, братцы! Горько!
Уберите светофор!

* * *

Давно одной хорошей песни
Не слышал.
Наверно, кто-то песню
Заказал...

* * *

Одноклассник в сочиненьи
Написал,
Что желает стать писателем.
И стал.
Пишет повести, романы
И поэмы
Всё как в школе –
Всё на заданные темы.
Власть меняется,
Но он всегда обласкан...
Литераторы,
Следите за указкой!

* * *

На нашей маленькой станции
Самый густой туман
В мире.
И делегации
Из ста шестнадцати стран
Приехали ознакомиться:
Немного в туман углубились,
И, как у нас это водится,
В нём навсегда растворились...

НЛО

Чан кружится с халявною кашей
Над простором великой Руси,
Люд повысыпал, ложками машет...
Боже, чашу сию пронеси!

* * *

Это раньше был блок НАТО –
Зло, агрессия, гробы!
А сегодня служат в НАТО
Очень милые ребята,
Любят собирать грибы.

Хочется хорошим хлопцам к нам –
Погулять с лукошком по лесам.

* * *

Опять по «просьбам зрителя»
Продлили сериал.
Актёр, который киллера
Полжизни в нём играл,
Не выдержал!
Составил список длинный
Всех убиенных,
И пошёл с повинной...

* * *

Нас Копшерфильдами
не удивишь:
Подумаешь – исчез вагон
и статуя!
У нас третьеразрядный
нувориш
Проводит эти фокусы
составами.
Или собрались в Пуще
пацаны...
Проснулись мы –
и не найдём страны!

* * *

По совету кинолога
Я газетой собаку воспитываю.
Стукнешь трубочкой –
И скулит она, как побитая.
А в газете политики,
Звёзды, преступников лица...
Но газеты никто,
Как собака моя,
Не боится.

* * *

Один
Обозреватель политический
Купил
Обогреватель электрический.
Он в тот же день
Включил прибор на даче,
И стал смотреть на мир
Совсем иначе.
Ещё намедни виделось ему –
Россия погружается во тьму.
А нынче в окнах,
Взглядом не стеклянным,
Увидел солнце, белые поляны,
Над зеркалом реки
Блестящий холм
И церковь златоглавую на нём.
Какая тьма,
Когда так много света!
В программе вечером
Он рассказал об этом...
Совет решил: обозреватель болен.
Был вызван на ковёр
И был уволен.

ОТКАТ

Потому мы живём небогато,
Что не всем достаются откаты.
Если всех обеспечить откатами,
Станут все в Украине богатыми.

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид МАЧУЛИН

СЛАВЯНИН И СЛАВЯНЕ

В декабре 2012 года литературно-художественному журналу «Славянин» исполнилось два года. Дата, конечно, не круглая, не юбилейная, но для Харьковского отделения Союза писателей России важная. Прежде всего, потому, что за эти два года журнал обрел много друзей в самых разных точках постсоветского (и далее!) пространства. За эти два года журнал познакомил своих почитателей с творчеством 103 авторов из 20 городов Украины, России, Белоруссии, а количество их публикаций исчисляется сотнями.

Читатели «Славянина» оказывают большая честь редакции журнала, когда говорят о нем в непосредственной связи с общественно-политическим изданием «Славяне», выходявшем в 1942-1958 годах.

«Славяне» — ежемесячный журнал, выходявший с июня 1942 года по декабрь 1958 года включительно. Его изданию предшествовал непростой для славянства период. Ученые-историки утверждают, что в 1930-е годы в Советском Союзе отношение к славянской идее было неоднозначным. Славистов обвиняли в том, что они «льют воду на мельницу фашистской идеологии», многие ученые за свои убеждения подверглись репрессиям. Ситуация усугубилась после подписания советско-германского договора 1939 г. Из опасения спровоцировать агрессора, были исключены всякие упоминания о славянской солидарности, в прессе разоблачалась «реакционная сущность» панславизма. И это несмотря на четко выраженную Адольфом Гитлером суть идеологии германизма: немцы — раса господ, славяне — масса рабов. Согласно разработанному фашистскими лидерами плану «Ост», о котором стало известно руководству страны, нацисты планировали с территории Польши, Чехии, Украины, Белоруссии, части РСФСР и Прибалтики, на которой, по подсчетам гитлеровцев, проживало до 65 млн. в основном «расово неполноценных» славян, депортировать за Урал и частью уничтожить от 31 до 51 млн. человек.

С началом Второй мировой войны в СССР стали приезжать коммунисты из оккупированных славянских стран. В 1939 году в Союз иммигрировал чешский ученый и

общественный деятель Зденек Неедлы, руководитель общества чехословацко-советской дружбы, сыгравший впоследствии незаменимую роль в организации Всеславянского комитета.

После нападения гитлеровской Германии и ее европейских саттелитов на СССР, отношение руководства страны к славянской идее в корне изменилось. Произошло это так. С целью организации контрпропаганды, освещения военных действий на фронтах, международных событий и внутренней жизни страны 24 июня 1941 года было создано Совинформбюро. Для развертывания пропагандистских структур привлекались ученые, известные писатели, журналисты. Председатель Союза советских писателей А.А. Фадеев в докладной записке от 18 июля 1941 г. на имя руководителя Совинформбюро предлагал: «В интересах использования... литературных сил ... целесообразно... вызвать в Москву наиболее крупных и политически проверенных писателей, которые могут принести нам большую пользу, выступая по радио и работая в центральной газете». Далее шел список фамилий, среди которых Андрей Упит, Петрас Цвирка, Янис Ниедре, Слободник, Леон Пастернак, Ванда Василевская, Павло Тычина, Александр Довженко (кинорежиссер)...

31 июля 1941 года в адрес секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова и заместителя начальника Совинформбюро С. А. Лозовского поступило письмо от Я. Хавинсона (сохранилось в архиве, без указания должности), который предложил конкретный план развертывания славянского движения: «В целях усиления нашей пропаганды за рубежом, представляет целесообразным провести следующие мероприятия... 3. Начать с первых чисел августа кампанию «Славяне едины в борьбе с немецким фашизмом». Эту кампанию организовать следующим образом:

а) В Москве проводится массовый митинг на тему «Славяне едины в борьбе с немецким фашизмом». На митинге выступают русские, украинцы, белорусы, чехи, литовцы, поляки, сербы, болгары, словаки, хорваты, представители церкви, представители польского, югославского и чехословацкого правительства. Митинг широко транслируется за границу.

б) На митинге принимается воззвание ко всем славянским народам, которое передается нашим радио на всех языках на протяжении декады. (Одновременно широко передаются концерты национальной музыки).

в) В дальнейшем передачи на славянские страны должны начинаться с лозунга, который будет фигурировать в воззвании, принятом на митинге.

г) Вся кампания должна явиться подготовкой к «Дню борьбы славян против германского фашизма». В этот день каждый славянин должен каким-либо образом продемонстрировать свою готовность бороться до конца с гитлеризмом. Конкретная программа «Дня» должна быть разработана особо...».

Яков Семёнович Хавинсон (1901, Полтавская губерния – 1989, Москва) учился на историко-партийном факультете Института красной профессуры. На начало войны (с 1939 года) был руководителем ТАСС. Находясь, выражаясь современными терминами, в центре информационного пространства, вовремя понял востребованность славянской идеи текущему моменту и не ошибся.

Предложения Я. Хавинсона ЦК ВКП(б) тут же взял на вооружение – было принято решение провести в Москве Всеславянский антивоенный митинг. Уже 7 августа 1941 г. был утвержден список писателей и деятелей славянских стран, намеченных в качестве ораторов, а 10 августа Всеславянский радиомитинг состоялся. Он проходил в студии Радиокомитета целых два дня. Его открыл писатель Алексей Николаевич Толстой. Он подчеркнул необходимость объединения славянских народов для борьбы с гитлеризмом, говорил, что свободу не приносят на золотом блюде, ее берут с оружием в руках. «И те, кто думает как-нибудь пережить это время, стать смиренным и незаметным, – жестоко ошибаются. Смиранных, как жучков, поджавших лапки, раздавит фашистский сапог... Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы».

Основной целью митинга, как подчеркивали его участники, было объединение славянских народов с целью «уничтожить немецко-фашистский гнет». Профессор Зденек Неедлы говорил, что перед славянским движением стоит цель «завоевать для славянских народов свободу, чтобы каждый из них мог, как равный среди равных жить и работать в мире и спокойствии на благо своей страны».

Все материалы радиомитинга публиковались в газете «Правда» и других центральных газетах СССР, что свидетельствовало о большом значении, которое придавало этому мероприятию партийное руководство страны. Центральный печатный орган КПСС по поводу митинга писала: «Это было яркое выражение тех чувств, мыслей и чаяний, которыми живет сейчас весь славянский мир, поднимающийся во весь свой могучий рост на решительный и беспощадный бой...». Передовая «Правды» от 12 августа называлась «Все славяне на борьбу против общего врага». Публикация материалов митинга и откликов на него продолжалась до 21 августа и завершилась обширной статьей «Славяне».

Обширные отчеты о митинге появились в периодической прессе, выходившей в Москве на славянских языках, а также в антифашистских изданиях в США и Англии на английском и славянских языках. Материалы митинга всеми доступными путями были отправлены в славянские страны. Призывы первого Всеславянского митинга нашли широкий отклик во всем мире: у трудовой славянской эмиграции в США, в Канаде и странах Латинской Америки, их организаций и печатных органов. В крупных рабочих центрах США проходили всеславянские митинги и объединение славянских организаций...

Такой подъем патриотизма ускорил процесс создания Всеславянского комитета.

5 октября 1941 года в помещении Совинформбюро в Москве состоялось организационное учредительное собрание «представителей общественности славянских народов — участников Первого Всеславянского митинга в Москве и других представителей общественности». В «Протоколе Учредительного собрания представителей общественности славянских народов» пунктом первым записано: «Избрать: председателем Всеславянского комитета генерал-лейтенанта Красной Армии Александра Гундорова; вице-председателями: чешского общественного деятеля, профессора Зденека Нееды; польского генерала Мариана Янушайтис; сербского общественного деятеля, профессора Божицара Масларич; болгарского общественного деятеля, доктора А. Стоянова; украинского писателя, академика Александра Корнейчука и ответственным секретарем русского общественного деятеля Анатолия Лаврентьева».

Рупором и рабочим органом комитета стал журнал «Славяне». Первый его номер увидел свет в июне 1942 г. тиражом 4 тыс. экземпляров. В редакционной статье было провозглашено, что новое издание будет «освещать славные страницы исторического прошлого славянских народов в их национально-освободительной борьбе с насильниками национальной свободы, культуры и независимости, освещать вклад славянских народов в культуру всего человечества».

Примерно половина тиража отправлялась за границу, через систему «Международная книга», остальные шли политрукам в Красную Армию, в польские, югославские, чехословацкие военные части, дислоцированные в СССР, в посольства, библиотеки, институты, парткабинеты... Журнал с нетерпением ждали читатели в 17 странах. О связях Всеславянского Комитета с зарубежными славянскими организациями свидетельствуют цифры, приведенные в публикации за сентябрь 1944 года. В США их было 44, в Канаде — 35, в Латинской Америке — 27 (в том числе — 13

украинских), в Англии — 11, в Новой Зеландии — 3 и Объединенный славянский комитет в Австралии.

Издавать журнал планировалось с первых дней образования Всеславянского комитета, но организовать его выход удалось только после 6 апреля 1942 г., когда была избрана редакционная коллегия. Ответственным секретарем журнала стал Т.С. Горбунов, направленный в комитет белорусским партийным руководством, членами редколлегии — академик Николай Державин, академик Зденек Нееды, писатель и общественный деятель Ванда Василевская и профессор Божидар Масларич. Державину и Нееды поручили изготовить макет первого номера.

Основной задачей журнала была та же, что и Всеславянского комитета — сплочение славянских народов для борьбы против Германии и ее союзников. Тематика включала три круга вопросов. Первый — «Вековая борьба славянских народов с германской агрессией» — имел непосредственное отношение к объединению славян во имя восстановления попорченной независимости.

Второй — «Связи славянских народов между собой» — включал все межславянские связи, причем соответствующие материалы должны были убеждать в традиционности этих связей с древнейших времен.

Третий — «Славянские деятели (борцы за объединение славянских народов)» — предусматривал создание очерков о людях, чей образ сохранился в народной памяти в качестве национальных героев и об их делах, прославивших славян.

Стремление многих выдающихся ученых, литераторов, деятелей культуры, искусства участвовать в работе журнала, свидетельствуют, что славянская идея волновала умы большого числа замечательных людей того времени, а его призывы находили горячий отклик в сердцах миллионов.

Следует отметить, что журнал чутко реагировал на любые изменения основной линии партии, официальной пропаганды, постоянно цитировал высказывания Сталина и других членов ЦК ВКП (б) по славянскому вопросу. Журнал обосновывал закономерность дружбы между славянскими народами в духе романтической идеи славянской взаимности XIX века. В штате редакции было всего 8 сотрудников. Огромную работу вел авторский актив и внештатные корреспонденты. За 1942 г. вышло 7 номеров, за 1943 — 12. Со второй половины 1944 г. обстановка и условия работы редакции изменились. Уже в 1944-1945 гг. на первый план выходят проблемы освобождения зарубежных славян, преобладает польская, югославская, болгарская тематика. Иностранные корреспонденты, активно участвовавшие в работе журнала, выехали на

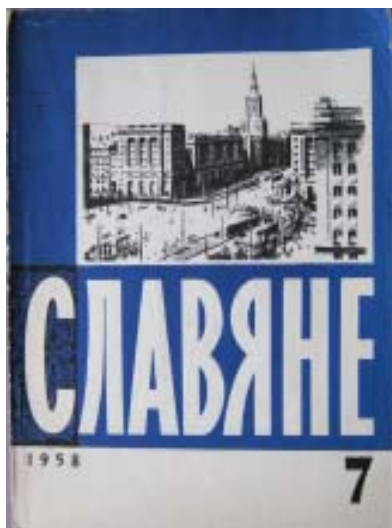
родину, освобожденную от фашистских войск. Редакция не смогла оперативно установить новых связей, и «растеряла прежние». В результате в 1945 году на страницах журнала выступали «малоизвестные авторы», за что ЦК ВКП(б) покритиковал редакцию. Интересен показатель «этничности» публикаций. М. В. Куян приводит данные, согласно которым на протяжении 1942-1943 гг. в журнале печатались 146 авторов, из них русских – 65, украинцев – 13, белорусов – 26, поляков – 15, чехословаков – 11, югославов – 9, болгар – 7.

После разгрома фашистской Германии журнал распространялся, главным образом, в славянских странах, частично в СССР – Украине и Белоруссии. Спрос на него возрос, однако предложения в вышестоящие инстанции об увеличении тиража успеха не имели. И тогда была ограничена его рассылка в США, Англию и некоторые другие страны. Часть зарубежных подписчиков и вовсе исключили из рассылки.

Таким образом, славянская идея почти на два десятилетия стала частью советской антифашистской идеологии и пропаганды. Только за годы ВОВ было опубликовано более 900 книг, брошюр, статей и других материалов, посвященных славянским проблемам. Вклад славянской идеи в победу над фашистской Германией специально не изучался, но вряд ли мы ошибемся, если скажем, что он был существенным. Казалось, славянская идея способна объединить славянский мир не только во время военной угрозы. Но после завершения Великой Отечественной и Второй мировой войн идея славянского единства начинает претерпевать изменения с точки зрения своего содержания. Если ранее приветствовался и культивировался

национальный патриотизм, то в послевоенной политике он являлся серьезной помехой на пути советизации освобождаемых государств Восточной Европы. А формирование новой общности — «советского народа» — предполагало смещение национальных акцентов, что нашло выражение в положении о «великом русском народе и братских народах СССР». Эволюция национального патриотизма в послевоенный период отражена в одной из

публикаций 1949 г.: «На основе братского содружества трудящихся всех наций СССР возник советский патриотизм, гармонически сочетающий национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза». Тезис о «великом русском народе» становится ключевым в публикациях журнала «Славяне».

27 марта 1947 года, на собрании актива общественных деятелей Всеславянский комитет был реорганизован в Славянский комитет СССР. Тогда же журнал «Славяне» стал органом Славянского комитета в СССР. Он освещал жизнь Советского Союза, рассказывал о событиях в славянских странах, деятельности общественных славянских организаций в других странах. Постоянными были рубрики «Выдающиеся сыны славянских народов», «Критика и библиография», «Хроника международной жизни».

С 1955 года журнал «Славяне» стал выходить один раз в два месяца, а с 1957-го — один раз в квартал. В июле 1958 г. А. С. Гундоров в докладной в ЦК КПСС посетовал: «...Славянский комитет ныне содержится в «консервированном» виде. До минимума сокращена связь с братскими славянскими странами, ликвидировано пресс-бюро, запрещены политические выступления и т.п. Осталась только связь со славянской эмиграцией Америки и Австралии. Штат

комитета сокращён до 5 человек, а его президиум упразднён».

Но судьба журнала была уже предрешена. В декабре 1958 года вышел его последний номер. Вместо него стал издаваться журнал «Советское славяноведение» при Институте славяноведения АН СССР.

В марте 1962 г. Славянский комитет СССР был расформирован: ЦК КПСС обвинил его в «пропаганде национальной исключительности», «игнорировании решений XX и XXII съездов КПСС» и «низкопоклонстве перед культом личности»... Как говорится, «за что боролись — на то и напоролись».

С 1965 журнал в третий раз был переименован и стал называться «Славяноведение». С того времени в нем публиковались материалы строго научного характера, посвященные славянской филологии, истории фольклористики, литературам славянских народов, памятным и юбилейным датам, творчеству славистов.

По мнению российского историка и публициста Николая Кикешева, «политическая функция общеславянского движения особенно проявилась в конце Великой Отечественной войны, когда Европа была поделена на сферы влияния, и советское руководство взяло курс на создание союза славянских государств. Эта политика получила всемерную поддержку руководителей славянских стран, как и делегатов Всемирного Славянского конгресса в Белграде (декабрь 1946 г.). Славянский союз должен был стать основой блока народно-демократических государств Центральной и Юго-Восточной Европы...». Должен был, но... «советские идеологи снова решили опираться на доктрину пролетарского интернационализма». Столкновение идеологии «пролетарского интернационализма» и «панславянизма» привело идеологическому расколу между Советским Союзом и славянскими странами Восточной Европы. СССР силой взял верх, но победителем был недолго — до распада Варшавского блока в конце 1980-х.

Между тем, у славянской идеи могла быть и другая судьба. Судя по архивным документам и фактам, приведенным в ряде изданий, проекты панславянского мега-государства имели место быть. Историки пишут, что международное конфедеративное образование с похожим названием — «Славянское союзное конфедеративное государство» (ССКГ) — планировалось создать к 1953-1954 годам. Предположительно, в него должны были войти СССР, Польша, Чехословакия, Болгария, Югославия. Второй вариант проекта — Украина, Белоруссия и упомянутые выше государства со столицей в Белграде, Минске, Софии или Варшаве. Вступление Украины и Белоруссии в ООН в 1945-

м стало первым внешнеполитическим шагом в формировании ССКГ. Однако этому стратегическому проекту противодействовал не только Запад.

В высшем советском руководстве, как и до войны, было немало противников славянской межгосударственной конфедерации. Поначалу, в 1946-1947 годах, проект конфедеративного государства активно поддержали И. Б. Тито и другие руководители Югославии. Причём, Тито предложил Белград в качестве столицы нового государства. Руководство СССР в лице «русского славянина» И. Сталина (так он сам себя называл) не возражало, поскольку не хотело официально позиционироваться как «руководителя» этого государства. Сходной была позиция по проекту и других славянских стран.

На приёме в Кремле в честь президента Чехословакии Э. Бенеша 28 марта 1945 года И. В. Сталин предложил тост «За новых славянофилов, которые стоят за союз независимых славянских государств!». Генералиссимус подчеркнул, что «и первая, и вторая мировые войны развернулись и шли на спинах славянских народов. Чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, — нужен союз славянских народов».

Знаменательно, что после Сталина ни один политический деятель СССР никогда публично не использовал термина «славяне», не говоря уже о «союзе славянских народов».

В 1946 году идея славянского межгосударственного образования была единогласно поддержана VI Всеславянским конгрессом, состоявшимся в Белграде 8-11 декабря, в том числе, в выступлении Тито. Однако в 1948-1949 гг. последовал разрыв военно-политических связей СССР и Югославии. Конфликт Сталина и Тито перечеркнул перспективы общеславянского объединения. Еще через три года Югославия вошла в так называемый «Балканский пакт», созданный в 1952 году, что навсегда вывело ее из славянского проекта.

В 1947-1953 гг. Советский Союз заключил уже двухсторонние долгосрочные договоры о взаимной военной помощи, координации внешней политики и тесном экономическом сотрудничестве со странами — потенциальными участницами ССКГ. В тот же период было оформлено экономическое взаимодействие восточноевропейских стран в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), провозглашенного в начале января 1949 г. С осени 1952 года страны-члены СЭВ перешли к координации внутри- и внешнеэкономических планов. В тот же период в СССР прекратились гонения на священников и верующих. То есть, теоретически экономико-политический и межконфессиональный фундамент союзной славянской конфедерации (даже без Югославии) был создан в 1946-1953 годах.

Обострение советско-югославских отношений, создание НАТО (1949), начавшаяся война в Корее (1950) замедлили процесс создания «Славянского союзного конфедеративного государства». Да и в высшем руководстве СССР уже велась работа по сворачиванию этого стратегического проекта. Согласно архивным данным, Хрущёв, Маленков, Берия, Микоян не единожды пытались убедить Сталина в преждевременности такого проекта, а также в том, что создание ССКГ ухудшит и без того напряжённые взаимоотношения с США и НАТО. Что, дескать, лучше создать «просоветское» НАТО, чем ССКГ, что и было сделано уже после смерти Сталина – учрежден Варшавский Договор (1955).

Создание славянской межгосударственной конфедерации тормозил также уход в мир иной наиболее активных и влиятельных сторонников проекта. Скоропостижно умирали в те же годы А. А. Жданов (по мнению многих исследователей, фактический преемник Сталина, 1948), Жикица Иованович (лидер антигитовской оппозиции) и Б. В. Асафьев в 1949-м, Васил Коларов (руководитель Болгарии) в 1950-м, Клемент Готвальд (руководитель Чехословакии) в 1953-м. Дольше «продержался» Болеслав Берут: он скоропостижно скончался в 1956-м...

После 1991 года произошла реинкарнация славянской идеи, но это было уже другое время, другие люди, другие обстоятельства, что есть, конечно, тема уже другой статьи.

Материал подготовлен на основе следующих источников:

Бернштейн С. Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. – 1989. № 1.

Досталь М. Ю. Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941-1948) // Славяноведение. – 2007. № 2.

Досталь М. Ю. Новое славянское движение в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. – М., 1999.

Каковкина О.Н. Идея славянского единства и Украина на страницах журнала «Славяне». – www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Pni/2008/08onkess.pdf

Кикешев Н. И. Славяне против фашизма. – М., 2005.

Кикешев Н. И. Славянское движение в СССР: 1941-1948 годы. – М., 2008.

Куян М. В. Діяльність Всеслов'янського комітету по згуртуванню антифашистських сил (1941-1945 рр.) / М. В. Куян // Український історичний журнал. – 1970. – № 7.

Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941-1945 гг. – М., 1999.

Ходжа Э. «Размышления о югославском «социализме». – Тирана, 1981 г. <http://newzz.in.ua/ob/1148877149-stalinskiy-proekt-obedineniya-slavyan.html>

http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kik25.php

РЕЦЕНЗИЯ

Ирина ПОЛЯКОВА
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ**

Когда мы жили в той стране, которая называлась «самой читающей в мире», одним из мощных пластов нашей культурной и интеллектуальной жизни были «толстые» литературные журналы — гордость советской периодики. Многие выписывали какой-то один, самый любимый, лично для себя. Но чаще их брали в библиотеках, с нетерпением ожидая каждый новый номер.

Именно в этих журналах публиковались литературные новинки — отечественные и зарубежные. Книга когда ещё выйдет, да и трудно было достать в магазинах книги популярных авторов. А журналы были доступны, они передавались из рук в руки. «Новый мир», «Москва», «Дружба народов», «Наш современник», «Нева», «Знамя», «Иностранная литература»... Именно в них мы впервые читали романы и повести, которые становились навсегда нашими любимыми. Впервые «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова пришёл к нам со страниц «Москвы», впервые в журналах мы читали «Берег» и «Игру» Юрия Бондарева, «И дольше века длится жизнь» Чингиза Айтматова, «В списках не значился» Бориса Васильева, «Братья и сёстры» Фёдора Абрамова, «Побеждённые» Ирины Головкиной, первые повести Валентина Распутина и Александра Солженицына... Это малая часть, то, что вспоминается просто навскидку. А ведь большинство из этих произведений редакции журналов публиковали, находясь в постоянной борьбе с цензурой, выбивая себе право сказать читателю то, чего «нельзя». И говорили таки!

Во время социального перелома 90-х годов, при распаде Империи и становлении независимых постсоветских государств, «толстые» журналы оказались на грани вымирания. Многие в самом деле исчезли, другие, выйдя на

«рынок», хлебнув рыночных цен на бумагу, печать, почтовые расходы, выжили всё же, но снизили свои тиражи до... смешно сказать. Читателям же Харькова стали просто недоступны новые произведения любимых русских писателей, поэтов, мы не знаем новых, набирающий силу и популярности в России имён литераторов. В городе последние годы появились новые книжные магазины, их полки забиты книгами: фантастика, мистика, любовные и остросюжетные романы, есть и известные имена писателей – Аксенов, Евтушенко... Но нет книг тех писателей, кто всегда обращался к судьбе простого народа, кто нёс в своём слове истинный русский дух. Например, о новом романе Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» я не читала в газетах, но попробуй, купи эту книгу в книжном магазине! Её там нет. Мне самой её подарили на одном из литературных праздников, которые каждый год проводит Союз писателей России.

Когда, два года назад, появился в нашем городе новой «толстый» журнал «Славянин», он стал для читателей-харьковчан крепким мостом в те интереснейшие литературные процессы, которые наполняют сегодня современную русскую литературу. Ту литературу, которую любим и мы, которая нам близка, и от которой мы были десятилетиями оторваны. Настолько оторваны, что даже школьные учителя русского языка и литературы (я это знаю лично, по своим друзьям-преподавателям) не знают современных русских писателей — кроме, конечно, тех, кто беззастенчиво а, часто, и бесстыдно пиарит себя на всех телеканалах. Впрочем, это и понятно: нынче в наших школах нет предмета «Русский язык и литература» – только лишь подобный курс в «Зарубежной литературе»...

Журнал «Славянин» имеет подзаголовок: «Литературно-художественный журнал Харьковского отделения Союза писателей России». И, конечно, его страницы знакомят читателей с произведениями харьковских писателей – современными и наследием. Но, как уже говорилось, журнал несёт читателям лучшие образцы художественных произведений литераторов огромного славянского сообщества. Уже две мощные публикации первого номера свидетельствовали об этом. Это, во-первых, рассказ Валентина Распутина «Новая профессия» – из написанных в последние годы. И второе – большая подборка стихов Николая Зиновьева, поэта, живущего в кубанской станице, но известного и любимого по всей России. Рискну

предположить, что мало кому из харьковчан он известен. Хотя несколько раз мне приходилось слышать от самых разных людей строки стихов Зиновьева – ёмкие, сильные, берущие за душу. Наверное, поэтому они запомнились, причём зачастую имени автора люди не знали. А иногда и сами строки несколько перефразировали:

У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Убитой Родине моей...

В оригинале у Николая Зиновьева последняя строка звучит так: «Несчастной Родине моей...». Но те, кто не знают имени автора, но цитируют строки, перефразируют на более сильную эмоцию – «Убитой»... Дважды «Славянин» давал подборки стихов замечательного современного поэта России Николая Зиновьева. В каждом из 12-ти вышедших номеров «Славянина» непременно публиковались стихи современных поэтов, которые сегодня являются истинными правопреемниками классической, исполненной высокого духа и патриотизма русской поэзии. Это и Надежда Мирошниченко (Сыктывкар), Игорь Чернухин, Владимир Молчанов, Виктор Белов (Белгород), москвичи Константин Скворцов и Александр Бобров, Светлана Сырнева (Киров), Александр Голубев (Воронеж), Валентина Ерофеева-Тверская (Омск), Александр Росков (Архангельск), Михаил Шелехов (Минск)...

Не менее сильный состав авторов-прозаиков, прошедших по страницам журнала, начиная, как я уже сказала, с Валентина Григорьевича Распутина – лауреата Государственной премии СССР, того, кого критика называет «могучим явлением современной отечественной и мировой литературы», а мы, читатели, просто помним и любим его «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Живи и помни»... Отточенным словом, берущими за душу сюжетами порадовали читателей нашего журнала писатели из Курска Виктор Мануйлов и Виктор Крюков, Геннадий Александров (Железногорск) и Сергей Трахимёнок (Минск), москвичи Сергей Котькало и Виктор Славянин... Пятый номер

журнала открывала мощная публицистика «Итак, о русском» Валерия Ганичева — известного прозаика, доктора исторических наук, председателя Правления Союза писателей России, заместителя главы Всемирного русского народного собора (то есть, патриарха Кирилла). Многих болевых точек касается автор в этой многогранной работе: национальных и религиозных проблем, сохранения культурных и исторических традиций, в том числе и советского прошлого, и сохранения русского языка — в том числе на территориях, близких по истории, этносу и духу... Одна из глав этой статьи называется «Русский мир: Восточно-славянская православная цивилизация». Журнал «Славянин» каждым своим номером кладёт кирпичик в возведение этого здания — «Восточно-славянская православная цивилизация». А номеров этих уже 12. Как раз о двенадцатом, предыдущем номере, я хочу поговорить подробнее.

Предоставлять страницы журнала литераторам какого-то одного региона — эту традицию ввели ещё издания советского времени. В России она поддерживается и сегодня. Например, нам, писателям Харькова, полностью посвятили номера журналы «Подъём» (Воронеж), «Дон» (Ростов-на-Дону), русскоязычный журнал «Простор» (Алма-Ата). В русле этой традиции «Славянин» познакомил читателей-харьковчан с творчеством поэтов и прозаиков Урала. Какой же это весомый творческий пласт талантов, какие интересные и сильные авторы! В России они известны, имениты, издаются, награждаются литературными премиями. Наш читатель, увы, никого не знает. Но я уверена: тот, кто прочтёт номер 12 «Славянина» — запомнит эти имена, заинтересуется...

Небольшая повесть Игоря Сахновского «Мальчик, певица и фата-моргана» читается на одном дыхании. Причём, с постоянной улыбкой, поскольку написана тоже как бы с лёгкой улыбкой. От рождения главного героя в такси, пьяного папаши, уронившего с балкона трёхмесячного сыночка и соседа, запросто поймавшего младенца на лету. Всё настолько реально и узнаваемо из нашей советской жизни — бараки, вода в бидонах из уличной колонки, циркшапито, мать, строчащая на швейной машинке сатиновые трусы, — что когда происходят необыкновенные, мистические вещи, они тоже воспринимаются, как реальность. А это уже — мастерство писателя, книги которого переводятся и издаются в Германии, Франции, Италии, Болгарии, Сербии,

получают международные и российские литературные премии, экранизируются (фантастический триллер «Человек, который знал всё»).

Повесть Александра Папченко «Лит» завораживает с первых строк. Ещё читатель не понял о чём речь, но уже невозможно оторваться, уйти из мира, в который его заставили шагнуть... Многие из нас в юности зачитывались книгами «Борьба за огонь» Рони-старшего, «Когда человека не было» Димитра Ангелова, «Приключение доисторического мальчика» д'Эрвильи. Мир первобытного человека — с первозданной природой, животными-великанами, древними инстинктами, — был не только захватывающе интересен и будил фантазию. Следуя за героями в их приключениях, мы видели, как человек, слабое и уязвимое существо, лишённое когтей, клыков, быстрого бега, всё равно побеждало своих противников, потому что было наделено разумом. Листая страницы, мы ощущали взросление этого разума... В повести «Лит» автор не уточняет, что за первобытное племя, в котором живут его герои, в каких местах оно обитает. Это неважно — главное то, как воспринимают мир парень и девушка, Мадо и Лит. А мир этот к ним суров, часто и жесток... но он же прост и естественен. Этот мир страшен, наполнен врагами, духами и суевериями... но и поэтически прекрасен. «Разве не правильно, что всё что я вижу — это я? Разве вон та сосна, цепляющаяся корнями за песок на самом краю обрыва, не я? Разве это солнце, сверкающее в вышине, не я?» — рассуждает пятнадцатилетний Мадо. Дальше ему предстоит изведать много открытий и самому, и с помощью Лит, но вот это первоначальное «Разве всё, что я вижу — это не я?» стало и для меня настоящим откровением... Творческий ресурс писателя Александра Папченко обширен. Вместе с серьёзной прозой, у него много книг, пьес и киносценариев для детей и юношества — он лауреат Международной литературной премии Владислава Крапивина.

Ещё один автор двенадцатого номера «Славянина» Евгений Касимов стал в октябре этого года лауреатом общероссийской литературной премии «Ясная поляна». Некоторые средства массовой информации называют эту премию «покруче «Буккера». А известный критик и член жюри премии Игорь Золотусский сказал: «В его книге «Назовите меня Христофором» много добрых людей. Она помогла мне пережить трудные времена»... Вот и рассказ «Парикмахер Яша», помещённый в журнале, — трогателен и

добр, хотя и печален. Рассказ короткий, но ёмок — это стиль автора. Он успевает показать многое: и характер мальчика, от имени которого ведётся повествование, и приметы послевоенного времени, и своего героя — вот этого самого молодого парикмахера. Поначалу заинтриговать: мальчишки считают его чуть ли не скрывающимся Гитлером, некоторые взрослые — приспособленцем, выпросившим кое-какие медальки за бритьё на фронте командиров. А он, тяжело израненный военный разведчик, стесняется продемонстрировать свои заслуженные ордена... Истинные герои-фронтовики большей частью скромны и неприхотливы. Разве не приходилось и нам, провожая в последний путь старика-фронтовика, изумляться, видя на красных подушечках его боевые награды: «А я и не подозревал!..»

Военной теме посвящает многое в своём творчестве прозаик Арсен Титов. Его романы и повести очень часто именно о войне и любви. Мы, читатели ещё советской закалки, хорошо знаем и любим книги о Великой Отечественной войне: романы Бориса Васильева, Юрия Бондарева, Василя Быкова, Владимира Богомолова... Но пришло новое время с новыми войнами. И книги о них. Афганистан у Олега Ермакова, Виктора Николаева, чеченские войны у Вячеслава Миронова, Дениса Бутова, о современных войнах пишет Владислав Шурыгин, воевавший добровольцем в Сербии и Приднестровье. Многие персонажи книг Арсена Титова также прошли горячие точки современных войн. Сам писатель — патриот России, и его герои — настоящие мужчины, офицеры, патриоты. Их души, пройдя жестокую и кровавую бойню, сохраняют лучшие человеческие качества — преданность друзьям, способность к высокой любви, мужество и честь... Читатели «Славянина» уже были знакомы с повестью А.Титова «Товарищ Че и Боженка», опубликованной в четвёртом номера: офицер-«афганец» встречает в поезде женщину с маленьким сынишкой, и после разыскивает их в далёком городке, чтобы стать им опорой. Герои повести «Пехота Серега Аксаков» тоже офицеры: позади — Афганистан, впереди — Чечня...

Александр Кердан — ещё один известный в России писатель. И неизвестный украинскому русскоязычному читателю. Впрочем, «Славянин» представлял его прозу. Теперь же, в 12-м номере, опубликована его большая поэтическая подборка «Русское небо». И сразу же, в первых строчках подборки, открывается — вместе с широким

русским небом, – широкая русская душа:

«Зовётся небо русским, но при этом
Ему – равно: каких мы все кровей.
Оно одно! Наперекор всем бедам...»

Надо сказать, что Александр Кердан – человек неутомимой и творческой, и гражданской энергии. Он – поэт, прозаик, публицист, несущий людям, как истинный русский писатель, идеи чести, мужества, добра в каждом своём произведении. Увлечателен и популярен его роман «Крест командора», посвящённый великому мореплавателю Витусу Берингу – датчанину, верно служившему России. Сейчас писатель также работает над историческим романом «Звёздная метка»: русская Америка, продажа нашей Аляски США... Александр Кердан – сопредседатель Союза писателей России и координатор Ассоциации писателей Урала. В литературной жизни обширного Уральского региона происходит много интересных событий – съезды, семинары, издания альманахов, творческие конкурсы. И всё это – непременно с участием и под руководством Александра Кердана.

Так же, как и в поэзии Александра Кердана – лёгкой, светлой, исполненной щемящего чувства патриотизма, в подборках всех поэтов-уральцев красной нитью проходит тема любви к России. Даже на миг не возникает сомнения в искренности авторов, настолько эти строки наполнены любовью и искренностью.

У Алексея Решетова:

«Может быть, и в живых я остался,
И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной».

У Евгения Бунтова:

«Ой, ты русская душа!
Маясь, каюсь да греша,
всё в себе ты уместишь.
Всё претерпишь, всё простишь».

У Германа Иванова:

«...Насторожённо, потаённо
Стоит деревня у леска.
И как издревле, как издревле,

То в одиночку, то гурьбой
Склонились добрые деревья
Над каждой русской избой...»

У Андрея Расторгуева:

«Над лесом и степью, над Волгой, Печорой и Обью
за тёмною ночью опять наступает рассвет.
Россия всегда на любовь отвечает любовью,
хотя за ветрами не каждому слышен ответ...»

Я бы продолжала цитировать прекрасные поэтические строки, но лучше, если читатель сам прочтёт полные подборки, представленные в 12 номере журнала «Славянин». И испытает радость открытия новых писательских имён.

МЕМУАРЫ

Юрий ГУБСКИЙ

МИТЬКО

«Как упоителен, как роскошен
летний день в Малороссии!»

Николай Васильевич Гоголь

В тяжелые послевоенные годы, с конца 40-х и примерно до середины 50-х, до периода, когда мой старший брат был уже в выпускных классах школы, т.е. стал считать себя слишком взрослым для проведения каникул с семьей, родители отвозили нас на лето «в Перекоповку»...

Если говорить точнее, мы с Всеволодом проводили два летних месяца не в самой Перекоповке, а в усадьбе папиных родителей, на хуторе Г., расположенном примерно в пяти километрах от большого села, если считать расстояние от «шляха» вдоль окруженной тяжелыми золотыми житами пыльной степной дороги до старой вербы — условной границы хутора. Здесь же, в самом селе, «на шляху» жили родные бабушки Александры — часть обширного рода Сенкив (у бабушки было восемь братьев и сестер), и среди них, в частности, семья такой знаменитости, как «дід Микола» — моряк-потемкинец Микола Сенко... Позднее с изумлением обнаружил, что именно этот шлях и именно это село описаны у Тараса Григорьевича Шевченка в «Наймичке». Помните вот это — «Между городом Кременчугом и городом Ромнами лежит большая транспортная или чумацкая дорога, называемая Ромодановым шляхом». И далее: «Недалеко от Ромодановского шляху, по правую сторону (едучи из Ромен), лежит широкая прекрасная долина, окруженная невысокими холмами, уставленными, как будто сторожами, столетними дубами, липами и ясенями; вдоль широкой долины

извилисто вьется белой блестящей полосой Сула... Вдоль берега Сулы растянулось большое село, закрытое темными зелеными садами; только кой-где из густой зелени прорезывается белое пятнышко, — это белая хата с соломенной крышей...»

В этих местах — на старых казацких (не «панских»!) хуторах — благословенных зеленых оазисах в огромной украинской степи — жили родные папы — в Г-ом родители, в Б-р-ном — сестры Саша и Дуся («Санька и Дунька»). Поезд, на который нужно было делать пересадку ночью, в том самом Ромодане — пассажиры с мешками в переполненном зале ожидания, очень хочется спать, мама с чемоданами, папа ушел «компостировать» билеты, штурм вагонов... — приходил на станцию Перекоповка очень рано, нас обычно встречали, и в хутор везли уже «на возу — кіньми», за которыми часто бежали сзади один или два тонконогих «лошонка».

Сам хутор Г. представлял собой пару десятков хат вдоль одной улицы. Примерно в центре хутора (слева, если ехать от старого деревянного «млина», стоящего между вербой и первыми хатами), начиналась довольно глубокая долина («ярок»), окруженный лесом. Поэтому все хуторские подворья в конце огородов переходили в «дїброву», которая дальше спускалась в долину, а на границе усадьбы и дїбровы располагались обычно заросшие многолетними травами могилы с деревянными или иногда металлическими крестами — семейные кладбища жителей хутора...

На самом краю ярка стояла и хата бабушки Олександры и двух дедушек («дїд Яків і дїд Омелько») — отца и дяди моего папы. Пытаясь описать хутор и усадьбу моих «дїдусів» по папиной линии, наталкиваюсь на боязнь быть обвиненным в плагиате с картин XIX века украинских художников слова и кисти... В самом деле, сразу за белой хатой под соломенной крышей — «стріхой» — садок, переходящий в дїброву — пронизанный солнцем лиственный лес, полный орешника — лещины, кленов, серебристых осин, лип, с которых жители собирали цветы на чай, с отдельными мощными дубами, стоящими в центре «галявин», и на морщинистой коре которых грозно шевелили усами жуки-рогачи при попытке их поймать для школьной коллекции... А в начале июня — удивительное разнотравье с буйством цветов, постоянным

гулом пчел, шмелей и неумолчным, начинающимся с первыми солнечными лучами, птичьим гомоном, нескончаемые ручейки на дне ярка, собирающиеся в ставок... На лугу же внизу долины — трава, все лето мокрая от просачивающейся сквозь грунт воды; местами совершенно прозрачные маленькие заводи с ледяной и абсолютно чистой водой, по поверхности которой сновали водяные паучки, но которую в июльский зной все равно нужно было пить, присев на корточки и набрав полную ладонь, а вечером — нескончаемые концерты лягушек, слышные по всему хутору...

По выезде же из хутора — за уже упомянутыми мною «млином» и столетнею раскидистою вербою, в холодке которой возле «потичка» мог отдохнуть путник, идущий пешком из Перекоповки, — с одной стороны (если направляться в сторону шляха) старый казацкий курган «могыла», а в другую — расходятся длинные степные дороги, уходящие к неведомым для меня тогда селам и хуторам — Ладенському, Анастасивке, Лыповий Долыни, где я так никогда и не побывал, и которые так и остались для меня столь же таинственными, как и недоступный для маленького мальчика «ліс Куликів», куда все обещал сводить меня дедушка Омеля...

На всю жизнь врезался в память ранний утренний (вышли из дому часа в три, задолго до восхода солнца) мой с Всеволодом поход из Г. в Перекоповку встречать с поезда приехавших в отпуск родителей — утренняя заря и ни с чем не сравнимые и не виденные мною ни до, ни уже никогда после краски предутреннего неба, оживающей после летней ночи и просыпающейся степи... Память, вернее, внутреннее интуитивное чувство, основанное на давнем глубоком впечатлении, — постепенно воспроизводит необычное эмоциональное состояние от начинающегося еще в темноте робкого дыхания и шуршания ветра, затем первых запахов полевых трав, звуков просыпающихся птиц, розовеющего на востоке неба, первых и разгорающихся все ярче красок, затем — лучи солнца! — все светлее, все ярче, вся природа стремится навстречу утренней радостной жизни...

В последние годы все чаще ночью вижу себя маленьким мальчиком, которого куда-то на поезде везет мой папа — его самого я не вижу, но точно знаю, что именно он где-то рядом

и везет меня именно на хутор... Вот ближайšie к Перекоповке станции – Юсківці, Андрияшевка, вот уже должна быть Перекоповка, но ее все нет, то есть я никак не могу до нее доехать – ее снова нет и нет, или она куда-то уходит, а я все не могу ее дождаться.... На следующую ночь все повторяется почти так же – тот же сюжет, я снова в душном купе поезда, мне тяжело дышать, и я никак не могу найти свои вещи, никак не могу завязать шнурки своих ботинок, и все снова очень плохо. И я просыпаюсь с тяжелой головной болью и вспоминаю, что Перекоповка осталась где-то совсем далеко, в глубине давно ушедших лет, и уже давно нет ни папы, ни мамы, ни Всеволода, а я остался один из всей когда-то большой семьи, и уже давно лишь листаю бесконечную «книгу мертвых»...

Иногда после этого я никак не могу вновь заснуть и тихонько, чтобы не разбудить жену и внука, выхожу на балкон... Вдыхая прохладный воздух, и слушая привычные для меня шумы ночного Киева, постепенно успокаиваюсь, уверяя себя, что все в порядке в моей жизни, что я сделал в ней все, что мог, а ночные кошмары лишь отзвук иррациональных глубин, которые уж никоим образом не должны влиять на мое выстраданное и давно определенное дневное существование...

И все же потом, уже к вечеру, немного придя в себя после сеанса эмоциональной фрустрации, вызванной чтением очередной лекции для моих студентов – сотни молодых мальчиков и девочек, лекции обязательной, хотя и неопределимой, кажется, скорее для меня, чем для них, и именно поэтому вновь и вновь изматывающей мои мозг и физические силы, я опять начинаю вспоминать... Упорно пытаюсь ощутить вкус и крахмальную тонкость бабусяных «сырныкив», не повторенных никогда и никем, почувствовать хрусткость вытканых ею полотняных ряден, шершавое тепло темно-коричневых лижныкив из овечьей шерсти с вплетенными в них красными, черными и белыми прожилками-нитками, вдохнуть аромат и почувствовать мягкость круглых буханок черного хлеба, испеченных на капустных листьях один раз на все лето и которые, будучи положенными на лавке «в хатині», не черствеют несколько месяцев. А еще я хочу вспомнить «призьбу» под хатой, ослепительно-белые самотканые (как и почти все в домах)

полотняные рушники, разложенные на зеленой траве склонов в «ярку», затем комору во дворе, в которой было ссыпано зерно и десятками лет хранились доставшиеся еще от далеких предков прялки, грабли, «ціпи» для молотьбы, «мантачка» для правки косы и еще целый ряд предметов крестьянского обихода, названия и назначения которых я уже никогда не узнаю... А ночью — яркие звезды на небе, Млечный путь, и отчетливое понимание, что никогда после я не видел такого глубокого, яркого и богатого звездного неба...

Когда папа с мамой привозили нас на лето, вся семья садилась за стол — в утро нашего приезда бабуся Олександра обязательно резала молодого «курчонка» и готовила борщ — этот особый летний украинский борщ я позднее не пробовал нигде... Вся семья ела деревянными крашеными ложками, которые мы, дети, должны были обгрызть по краям и которые я вдруг почему-то вспомнил совершенно недавно, когда в очередной раз пропускал сквозь себя удивительную киноверсию гоголевского «Вия» с великолепным философом Хомой, абсолютно талантливо представленным Леонидом Куравлевым... После борща давали гречневую кашу с куриным мясом, затем следовали фирменные бабушины сырники (как вариант — вареники со сметаной), потом сладкий «крохмальний кисіль» с заключавшим эту гастрономическую роскошь украинского хутора киселем из свежих вишень... Вы помните «Вечера на хуторе близ Диканьки», мой современный читатель?

Уже гораздо позднее оценил несравнимое ни с чем очарование тех мест и того еще чудом сохранившегося в первые послевоенные годы патриархального украинского быта, описание которых сегодняшней современник может найти лишь у украинских классиков... Гораздо позднее я понял и обратную сторону всего этого, имя которому — натуральное хозяйство и глубокая бедность в середине XX века с доходами только за счет собственного огорода и «садка» и почти полное отсутствие денег, что и вынуждало хозяев самим производить и пользоваться домоткаными одеждой и постелью. Главной заботой были, конечно же, проклятые людьми и, наверное, самим Богом (!) трудодни, по которым денег практически не давали, и количество которых «на глаз» определял бригадир — главная власть в

двух соседних хуторах... Бригадир время от времени обходил хаты, собирая надлежащую ему по справедливости дань — поскольку прожить «нічого не вкравши в колгоспі» (дрова, буряк, овес и др.) было просто невозможно, поэтому в хатах и держали специальную «бригадирскую» горилку — кислотоватую на вкус, из последних при перегонке, самых слабых и полных сивушных масел бутылок... Основным транспортом для простых людей были волы, которых также нужно было выпросить у бригадира (конечно же, за пару бутылок той же самогонки) — лишь у некоторых зажиточных хуторян были велосипеды, называвшиеся здесь почему-то «роверами».... Паспортов у людей не было — выбить в сельраде паспорт после окончания школы (обычно, для поступления и техникум или в СПТУ) было большим достижением, а так, обычно, после семи классов подростки на всю жизнь оставались в селе, впрягаясь смолоду в вечный каторжный труд своих предков...

На фоне удивительной украинской природы, как бы поневоле располагавшей к высокой духовности, достаточно прочно хранимых национальных устоев и основ христианской морали, — внешних атрибутов современной культуры (или правильнее, все же — цивилизации?) в домах у хуторян почти не было. Практически полностью отсутствовали «прочётные» книги — лишь у моих дедов хранились и время от время почитывались старые церковные издания да чудом сохранившаяся история российских царей, редкостью в хатах было даже радио... Кино в соседнем хуторе, которое «привозили» летом один раз в месяц, (поздно вечером — экран между двух деревьев — показывают «Долю Марини», солидные мужики и бабы на скамеечках, выносимых из хаты, а молодежь и дети на земле) было большим культурным событием...

Законными собственными развлечениями оставались приготовление самогонки, представлявшее собой целую процедуру в садку за хатой, тщательно скрываемую и безошибочно обнаруживаемую соседями по ароматному дымку, исходившему из усадьбы — «У Вакули (Обідейків, Степанків...) женуть!». А также «ризання кабана», на которое собиралось полхутора...

Для пожилых баб главным событием, поддерживавшим их душевное равновесие, было, конечно же, хождение на

церковные праздники в одно из соседских сел «на храм». А приобщением к городской жизни для всех парней (один раз и на всю жизнь) была служба в армии, с сыном прощались на долгих три года, и проводы каждый раз превращались в длившуюся два-три дня пьянку со столами во дворе и в садку для всего хутора... Помню, как я первый раз в жизни напился самогоном именно на таких «проводах» соседского парубка...

На всем этом фоне буряковый самогон был, конечно же, наибольшей ценностью. Самогон как сельская валюта на все случаи жизни (денег люди практически не получали на эти несчастные трудовни), а самогон с медом давали уже маленьким детям... Самогон возили продавать и в «город», т.е. в Ромны, но это делали «спекулянтки», к которым в хуторе относились с внутренним неодобрением, не зная еще святого для будущих поколений украинцев слова «бизнес», и с юмором рассказывая, как какая-то «баба Приська» с полной сумкой самогону подседа в попутную машину, а там оказалась местная милиция...

Когда на несколько дней в хутор приезжали мои родители, за ними в знак особого уважения обычно посылали подводу, которую выделял бригадир.... Помню, как-то раз из Перекоповки, со станции нас вез «на конях» Мытько – хлопец, бывший одной из достопримечательностей хутора, – безобидный хуторянский сумасшедший, постоянно одетый в какую-то полувоенную одежду защитного цвета, в таком же темно-зеленом выгоревшем картузе (вероятно, обноски с брата, отслужившего свой срок в армии), вечно голодный и ходивший босиком с черными ногами во все поры года...

По психиатрической классификации олигофрении, с которой я познакомился гораздо позднее, будучи студентом пятого курса Киевского мединститута, Мытько относился, вероятно к т.н. имбецилам – степени малоумия, стоящей где-то посередине между дебилом (т.е. просто недалеким человеком) и идиотом... Имбецилом был и многолетний клиент Павловской больницы Сережа, основной обязанностью которого было разносить судки с едой в острое отделение. Увлечись в свое время психиатрией, я также узнал, что имбецильность может быть врожденной или приобретенной – как правило, в раннем детском возрасте, в результате какого-либо тяжелого заболевания,

поражающего головной мозг, наиболее часто – инфекционного менингита. Но на хуторе всех этих научных тонкостей не знали, и свято верили в то, что Мытько стал сумасшедшим после того, как его – маленького ребенка, напугал выскочивший из сажа кабан...

Мытько очень плохо говорил – следствие раннего поражения центров головного мозга, и понять его дизартрические высказывания можно было лишь после достаточно длительного с ним общения. С загоревшего, а, скорее, выжженного степным солнцем лица смотрели на мир прозрачно-голубые глаза, а, когда он снимал свой неизменный зеленый картуз, над белым венчиком кожи обнаруживались свалявшиеся юношеские темно-русые пряди – в хуторе, где было столько «білявих» да еще с окончаниями фамилий на «ський», смутные слухи о польском происхождении Мытька казались небеспочвенными... Вечный ребенок, доброжелательно улыбающийся окружающим, в своем искаженном восприятии мира он все же стремился занять подобающее взрослому парню социальное положение – «Скоро піду в армію. Буду воювать з німцями. Пу-пу!...» – Мытько прицеливался вдаль из длинной сучковатой палки, служащей ему самодельным оружием, чтобы ночью отбиваться от хуторянских псов.

Война окончилась совсем недавно, и все нормальные мальчишки городов и сел Союза продолжали с жаром играть в «наших» и «немцев». Взрослые же о войне почти не вспоминали – серьезных боев в ближайших местах не было, и немцы, вероятно, не причинили жителям хуторов серьезных неприятностей, лишь назначили старосту, который, как и «Советська влада» заставлял работать в колхозе.... Своеобразным напоминанием о войне в сельском фольклоре было наименование наиболее «крупных» косточек при игре в домино: «шесть-шесть» – это Гитлер, «шесть-пять» – это Геринг.

В хуторе к Мытьку относились неплохо, иногда даже с философским хохляцким сочувствием к человеку, которому просто не повезло в жизни, но он ведь никому не мешает, так пусть живет.... Он выполнял наиболее грязную и тяжелую работу в хуторе (выгонял коров на пастбище в самую плохую погоду, месил дорожную грязь босыми ногами,

убирал гной в бригадном коровнике и пр.), не отказываясь ни от чего за кусок хлеба с салом, иногда стакан молочка, а позднее – и полстакана мутноватой самогонки – «рідненької», бабы его жалели... Он старался быть как все – с серьезностью повторяя простые операции и воспроизводя детали сельского быта. Он научился ловить рыбу в местном пруду, ему даже доверяли «коней», и, вероятно, на него даже выписывали трудодни, хотя, безусловно, на руки ему ничего не давали – Мытька безбожно обирали его старший брат с женой... Мытько ходил в кино и «на вулицю» вместе со всеми хлопцами, смиренно засыпая до утра у кого-нибудь «під лісою»... Досаждали Мытьку лишь мальчишки – хуторские хлопцы-подростки, которые вечно затевали против него какие-то жестокие развлечения...

Особенно плохо Мытьку было зимой – невестка не пускала его в хату – «цього брудного чорта», а в хлеву на соломе было совсем холодно...

Когда в хутор вместе с детьми на несколько дней приезжали родители, под вечер на беседу к отцу приходили степенные хуторские дядьки. Несмотря на жару, они были одеты в длиннополые сюртуки, косоворотки, картузы и чоботы, они рассаживались на призьбе, а вокруг на траве располагались хлопчаки, и среди них – неизменный Митько...

«Ну шо там, Іван Якович, пишуть в газетах?»

Дядькив, в основном, интересовало, будет ли война с Америкой, – а война это очень плохо, это снова – голод...

Там же на хуторе мы с братом узнали и об аресте Берии. «Берия – зрадник» – прокомментировали событие сельские политики.... Однако, в отличие от утверждений сегодняшних гуманитарных интеллектуалов о глубоком антисоветизме украинских крестьян, против «влади» никто из дядькив активно не выступал. «Влада, як влада» – примерно так рассуждали прагматичные хуторяне, справедливо считая, что крестьянин при любой власти должен выживать сам, а для этого нужно только одно – трудиться и честно жить, ну, а влада лишь бы не мешала, т.е. не отбирала заработанное... И к выходцам из хутора, которые выучились, выбились в люди и теперь живут в Харькове или Киеве, относились с большим уважением.... И, конечно же, мой

отец, бегавший по этим же сельским дорогам «білявим Івасиком», но не оставшийся на хуторе «волам хвоста крутить», а выросший сначала до сельского учителя, а позднее окончивший институт и ставшим офицером, служившим в настоящем большом городе, заслуживал почтения...

Потом все стало меняться, и когда я приезжал на хутор уже один в 14 – 15 лет, многое выглядело по-другому: я уже был не маленьким мальчиком – внуком диды и бабы, а чужим для окружающих городским юношей. Хутор изменился тоже – старый ветряк снесли, и на выгоне между вербой и первыми хатами разместилась тракторная бригада, вместе с ней появились и «механизаторы» – отслужившие в армии крепкие парни в майках, военных фуражках и сапогах. Они женились на хуторянских девчатах, строили уже другие дома и другую жизнь так, как они увидели ее в городе и как поняли... Уходила чудом сохранившаяся до начала 50-х годов патриархальность, но оставались тяжелая работа и социальная бесперспективность, а на их фоне – низкая культура, пьянство – пили теперь до одурения, и ранее почти отсутствовавшая в украинском селе ксенофобия по отношению к горожанам, «образованным» и вообще иным...

«Взимку Грицько Х-лів та Володька С-ків били Митька, сильно били – він так кричав...

– За что же били, дидусь?

– Не знаю... Так, п'яні були»...

Я снова приехал на хутор через 40 лет – в усадьбе дедов жили теперь совсем чужие люди... Хат под соломенными крышами уже не было, но люди так же тяжело трудятся, и при этом денег у них так же практически нет, а вот «колгоспи» они вспоминают гораздо теплее. «Все, що вирощуємо, – за безцінь приходиться віддавати... Раніше хоч на цукровому заводі можна було устроїтись. А тепер і там роботи нема».

Меня узнала пожилая соседка Галя, с которой я пару раз ходил в кино в соседний хутор. Митька, кроме нее, никто не помнил...

* * *

Американский писатель Эрнест Миллер Хемингуэй сегодня немоден в моей Украине. Узкий слой советской интеллигенции, составлявший ядерную основу рассеянных по огромной стране фанов Папы Хема, выметен ветрами новейшей истории. Кто-то выехал на Запад — и там донашивает потрёпанное рубище советского диссидентства, которое уже давно никому не интересно, а оставшиеся — постепенно сходят с жизненной сцены волею неумолимых биологических законов.

Ну, а для нового поколения — иные времена, иные песни. Красивый бородач с портрета — в свитере грубой вязки, с мужественным лицом и глазами, полными всемирной скорби — не волнует кровь сегодняшних юных леди, лучшие друзья которых бриллианты и крутошеие парни в дорогих внедорожниках.

И поэтому я был приятно удивлён, увидев в современном книжном магазине (конечно же, внутри огромного «Дримтауна» — киевского Города мечты, где на Ваш вкус и по очень высокой цене есть — всё!..) новейшую биографию Эрнеста Хемингуэя старой доброй ЖЗЛ-серии, авторства загадочного российского литератора Максима Чертанова.

Вообще-то говоря, я сам в молодости по-настоящему не понимал Хемингуэя и повальной им увлечённости.

Где-то лет в семнадцать–восемнадцать моей харьковской юности (скорее всего, в 11-м классе, это был 62-й–63-й год...) я попытался читать самый известный в то время роман самого знаменитого в тот период в Союзе американского писателя. Этим романом был «Старик и море», формально явившийся основанием для присуждения Э. Хемингуэю Нобелевской премии.

Я тогда только начал очень серьёзно заниматься «самообразованием» — по примеру моих любимых писаревских «реалистов», героев Чернышевского, да и Мартина Идена... И, записавшись в библиотеку Короленко на пл. Тевелева (тогдашний для меня «храм науки»), начал по вечерам, после школьных уроков, брать на абонементе и пытаться (!) изучать — в огромном строгом читальном зале с зелёными абажурами — самые умные и необходимые для

меня книги. В их разряд тогда я включил, насколько помню и сейчас, — теорфизику Ландау и Лифшица, атомную физику Макса Борна, раннего Маяковского, прозу и стихи Бунина и, конечно же, изданного в Советском Союзе Хемингуэя.

Нормальному грамотному человеку понятно, что серьёзного могло получиться из такого чтения. Вряд ли я осилил половину «Старика...» — вещь, как я сейчас понимаю, практически нечитабельную, для нелитературоведа, даже в отпуске, в положении лёжа на диване...

Но в то время, в том моём возрасте, в том молодёжном харьковском круге, к которому мне было совершенно необходимо принадлежать (хотя фактически я был всегда существенно иным, но сам этого не понимал и очень из-за этого переживал), признаться, что я не понимаю и не люблю «Хэма» было просто невозможно... Под страхом смерти. Моральной, конечно. Учившиеся на инызе Ира Барсукова и Марина Матецкая этого бы не перенесли...

«К литературе страсть имея,
Прочёл всего Хемингуэя.
Прочёл его до корки я.
Но! — не понял... Хемингуэя...»

В оригинале эта знаменитая строфа звучала гораздо жёстче (читатель сегодняшнего поколения может сам додумать или спросить своего папу-дедушку), поэтому мне тогда сознаться в своей несовременности (термина «непродвинутости» ещё не было) было-таки нельзя...

По-настоящему я пришёл к своему Эрнесту Хемингуэю только через очень много лет. Фактически — в своей уже совсем другой жизни... Источником моего нового знакомства с писателем стало многолетнее изучение английского языка путём чтения настоящей литературы в оригинале. И маленькая книжечка «Selected Stories by Ernest Hemingway» (Издательство «Прогресс», Москва, 1971 г.) с отличными литературными комментариями, которую я до сих пор перечитываю, постепенно всё изменила. Потом пришли другие рассказы — о Нике Адамсе, «Farewell to Arms», «Fiesta», «For Whom the Bell Tolls» и совсем недавно

неожиданно глубоко затронувшая меня, удивительно грустная по своей сути ностальгическая сага о парижской юности автора «A Moveable Feast».

Конечно же, Хемингуэя нужно читать только в оригинале! Вы скажете, что это можно отнести к любому иноязычному автору? В общем-то, это почти так, но к некоторым — особенно. Среди таких — Эрнест Хемингуэй с его сверхлапидарным стилем и немногословием персонажей, истинное значение слов, мотивов и поступков которых понимаешь, лишь по-настоящему погрузившись в скрытый на две трети и зачастую трудно передаваемый в переводе смысл повествования и характер героя. А ещё более — в неоднозначную личность самого автора, с его постоянным желанием наиболее точно изобразить и тем самым проникнуть вместе с читателем в истинное значение самых главных категорий и двигателей нашего существования — Любовь и Смерть.

Особый интерес Хемингуэя к теме смерти читатели и литературные критики отметили уже после появления его ранних текстов — таких, как первая опубликованная работа начинающего автора («My old Man» («Мой старик»), а затем многолетний цикл рассказов о Нике Адамсе — alter ego автора. «Индийский посёлок» и другие многочисленные описания рыбалки и охоты в Мичигане, где живописуется процесс убиения разнообразных живых существ, не могли не вызвать неприятия и естественного отторжения у гуманистически настроенного западного читателя, воспитанного на евангельских идеалах «Благоговения перед жизнью»... Потом пошли полные крови тексты о войне и разных видах смерти вокруг нас. А одна из наиболее полных и достоверных (если здесь вообще годится какая-либо обычная терминология!) картин умирания человека — это предсмертные видения погибающего от гангрены, промотавшего свой талант по пустыкам в среде богатых бездельников, писателя Гарри в «Снегах Килиманджаро»...

Все сколь-нибудь стоящие герои Хемингуэя погибают — на войне, на охоте, во время корриды, от болезни. Умирает во время родов главная лирическая героиня «Прощай оружие», олицетворившая первую и настоящую любовь Эрнеста Хемингуэя — встреченную им во время лечения в

госпитале во время Первой мировой войны медсестру Агнессу фон Куровски.

И уже гимном ритуализированного убийства разумного, красивого и благородного существа воспринимается вся хемингуэвская эпопея о корриде, впервые подробно представленная в «Фиесте», где фактический главный герой — это уже мужественный бык, яростно и до конца борющийся за свою жизнь под гиканье толпы, жаждущей обязательной смерти одного из участников действия. И если в смерть быка или матадора во время корриды автор вкладывает некий, возможно лишь ему одному понятный философский смысл, то совершенно обычным делом — развлечением дуреющих от скуки богатых американцев — становится убийство братьев наших меньших на сафари в «Зелёных холмах Африки»... Да и упомянутая выше самая известная советскому читателю книга уже позднего Хемингуэя — это длительное и мучительное убивание большой, сильной и красивой рыбы...

Попыткам объяснения такого творческого, а, скорее психологического феномена автора посвящена обширная литература. Здесь — и раннее приобщение маленького Эрни (позднее трансформировавшегося на многие годы в Ника Адамса) к охоте, и военный опыт молодого Хемингуэя, а позднее — самоубийство отца... Другое дело, что подобный опыт переживают многие — на войне с массовой смертью каждодневно встречаются тысячи, и большинство людей переживает семейные драмы в виде ухода из жизни близкого человека. Но лишь изредка, в исключительных случаях, особо чуткая душа становится камертоном такого витального опыта, пытается понять его, иногда даже путём слишком близкого и непозволительного приближения к объекту столь необычного интереса, а потом — делает тему Смерти одним из внутренних мотивов своего творчества, пытаясь донести своё понимание до других людей...

Ну а Любовь? Скажем лишь, что настоящая любовь всегда присутствует в жизни, и, вслед за персонажем нашего очерка опасаясь красотостей, заметим лишь, что только любовь придаёт смысл и может быть двигателем настоящей Жизни человеческой во всех её высоких проявлениях.

Всё великое и достойное в этом мире движется Любовью. И человек, неспособный любить, не напишет книги и не

создаст картины, которые через много лет будут приковывать к себе пристальное и равнодушное внимание других мыслящих существ, вызывая восхищение, гнев или сострадание.

И поэтому почти во всех больших текстах Эрнеста Хемингуэя — одного из наиболее жизненных и земных писателей, которых знала мировая литература, — любовь присутствует. Но настоящая и красивая любовь, которую он нам показывает, — как правило, трагична. И если только она не заканчивается смертью одного из главных персонажей, то всё равно терпит поражение в столкновении с суровой, жестокой или просто равнодушной силой окружающей реальной действительности. И с этой точки зрения даже самый первый рассказ начинающего автора «У нас в Мичигане» («Up in Michigan»), по мнению большинства критиков и читателей, неудачный, более того, сразу же заклеимённый Гертрудой Стайн, как *inaccrochable*, т.е. такой, что по причине своей грубости и неприличия недостоин публикации, — это далеко не изображение *sexual intercourse*. Это тоже — как и последующие «Ten Indians» — рассказ с плохим концом о первой и сразу же поруганной любви.

Его сюжеты не имеют счастливой развязки. И в этом смысле Хемингуэй, пожалуй, самый трагичный из западных писателей XX столетия. Но обвиним ли в этом писателя или восхитимся его уникальной смелостью честно сказать нам всем, что именно таков закон жизни вообще? Потому что сама по себе Жизнь человеческая, по глубокому внутреннему убеждению Эрнеста Хемингуэя, — имманентно трагична. Потому что она всегда и всё равно заканчивается Смертью...

«Когда люди столько мужества приносят в этот мир, мир должен убить их, чтобы сломить, и поэтому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет сломаться, он убивает. Он убивает самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой спешки»....

И здесь автор сих строк вынужден коснуться творчества, казалось бы, весьма отдалённого автора — блестящего мыслителя современности, учёного и писателя Ирвина Ялома (Irvin D. Yalom), одного из создателей нового

направления в современной психологии личности — экзистенциальной психотерапии. Тема научных поисков И. Ялома смела и необычна — человек перед лицом Смерти, как естественного этапа и уникального опыта человеческого существования. И для нашего рассуждения особенно значимо, что в поисках литературных аналогий, подходов к раскрытию этой сложной и, на первый взгляд, неразрешимой и почти неприкасаемой проблемы, психолог постоянно обращается к творчеству Льва Толстого (классические сцены умирания из «Войны и Мира» и «Смерти Ивана Ильича») — и героя нашего очерка, всегда относившего великого россиянина, равно как и Чехова, и Тургенева, к своим литературным учителям.

Как пример одного из видов компульсивного героизма перед лицом неизбежной смерти, И. Ялом анализирует поведение старого рыбака Сантьяго, выходящего в море в поисках Великой рыбы, в качестве одного из способов внутренней борьбы человека, направленной на преодоление витального ужаса перед лицом неизбежного. Этот пример дал учёному-психологу «чистый» литератор — Эрнест Хемингуэй, сам, к сожалению, не справившийся с крушением присущего каждой мыслящей личности «мифа личной неуязвимости», завершив жизненный путь, подобно отцу — доктору Кларенсу Хемингуэю, в состоянии глубокой депрессии, выстрелом из двуствольного охотничьего ружья в рот 2 июня 1961 года.

Ну, а теперь — касательно обычной любви Эрнеста Хемингуэя, того, что называют «любовь земная». Честно говоря, не очень хочется касаться столь тонкой, никогда и никому неясной и неблагодарной темы... Что — перечислить всех четырёх официальных жён Папы, а также всех женщин, которые были (или не были?) с ним близки? Не будем этим заниматься. Во-первых, именно по этому вопросу биографами писателя, да и просто журналистами ещё при его жизни написано вполне достаточно. Несколько лет назад вышел том воспоминаний супруги об известном всему миру физике, так и там белья — чистого и грязного — вывернуто более, чем с лихвой. А уж что говорить о нашем герое...

И какую нам тогда занять позицию? Восхититься ли его

«жизнелюбием» и «мачизмом» — столь неотъемлемой и поднятой сегодня на пьедестал общественного мнения чертой мужской внешности, характера и поведения? Или наоборот — брезгливо и лицемерно поджать губы, обвинив в промискуитете уже давно ушедшего человека и большого писателя, искренние, честные и жгучие книги которого о Любви, Жизни и Смерти давно уже стали неотъемлемым достоянием духовности всей западной, да и нашей (неясно, какой...) цивилизации, и которыми ещё много лет будут зачитываться всё новые поколения вступающих в жизнь молодых людей?

Что же касается очень непростой личной жизни и трагической смерти самого Эрнеста Хемингуэя — а суицидальный выбор всегда свидетельствует об очень тяжёлом и действительно трагическом внутреннем сломе личности! — коснусь лишь в целях этого очерка двух женщин. Это — Агнесса Куровски, первая любовь девятнадцатилетнего Эрнеста, и Хэдли Ричардсон — его первая и (вот здесь позволим себе абсолютно субъективное мнение по столь туманному вопросу) — единственная настоящая жена...

И именно этих двух главных в своей жизни женщин писатель не мог забыть никогда, постоянно и с неизбежной болью обращаясь к ним и увековечив в своём творчестве. Первая — и поэтому оставшаяся в душе на всю жизнь — юношеская любовь, закончившаяся столь банально (как это почти всегда и бывает...) была возведена уже писателем Эрнестом Хемингуэем в сияющий храм Любви высокой и трагической (вот где впервые объединились в его текстах Любовь и Смерть!) в его первом романе «Прощай оружие» («A Farewell to Arms»), уже засвидетельствовавшем приход в мировую литературу нового настоящего Мастера. А к образу Хэдли писатель обращался неоднократно, наиболее ясно выразив своё отношение к разрыву с ней в опубликованной лишь после его смерти ностальгической и в значительной степени автобиографической повести о днях парижской молодости «A Moveable Feast».

И позволим себе высказать ещё одно предположение, что именно его уход от Хэдли к тем, которых он неоднократно и нелюбезно величал позднее в наиболее известных своих вещах разными нехорошими словами (конечно же, это

были лишь литературные образы (!..), да и о сдержанности и объективности Хемингуэя по отношению к своим друзьям и даже членам семьи можно говорить лишь в ироническом смысле...) явился началом в той цепи жизненных событий нашего героя, которая через многие годы завершилась спуском ружейного курка, покончившего разом и навсегда со всеми его проблемами...

И пусть говорят профессиональные оптимисты, что всё проходит, всё забывается, что время всё залечивает. Нет — есть раны, которые не проходят и не залечиваются. Так и в случае героя нашего очерка, всю свою сознательную жизнь писавшего о Любви и Смерти...

А какие есть доказательства, спросит уже мой читатель, столь необычного взгляда на всё происходившее? Да нет у меня никаких доказательств, и быть не может. Все аргументы и доказательства, все начала и концы жизни человеческой там — на вершине Килиманджаро.

Авторы журнала *Биографические справки*

БИНКЕВИЧ Алексей Станиславович родился 15.11.1943 г. в г. Джамбуле (сейчас Тараз), Казахстан. Окончил Самборский (Львовской обл.) статистический техникум. Поэт, переводчик. лауреат муниципальной премии имени Бориса Слуцкого и Международной литературной премии имени Расула Гамзатова.

Живёт в Харькове.

ВОЛОСЮК Иван родился в 1983 г. в г. Дзержинске, в семье шахтера. Выпускник филологического факультета Донецкого национального университета.

Живет в г. Донецке.

ГЛЕБОВ Владимир Алексеевич родился 10 ноября 1946 г. в Закарпатской Украине, в семье офицера Советской Армии. Окончил Орловский государственный педагогический институт, художественно-графический факультет (1972). Член Национального союза писателей Украины и Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии. Публиковался в журнале «Смена», «Литературной газете», сборниках издательства «Молодая гвардия».

Живёт в Харькове.

ГЛЕБОВА Ирина Николаевна (Ирина Полякова) родилась в Харькове. По образованию – журналист. Член Союза писателей СССР. Член Национального союза писателей Украины, член Союза писателей России. Первые книги стихов издавались под псевдонимом Ирина Полякова. Первая книга прозы «Никогда в этом мире» (1996) увидела свет под именем Ирины Глебовой. С этого времени известна как прозаик. Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в г. Харькове.

ГУБСКИЙ Юрий Иванович родился в г. Харькове в 1945 г. Учился в Харьковском, Московском и Киевском медицинских институтах.

Живет в г. Киеве.

КОРОТКОВА Екатерина Вальевна родилась в Киеве. Окончила Харьковский институт иностранных языков (англ. отд.). Профессиональный писатель и переводчик. Переводит английскую классическую прозу XIX и XX веков.

Живет в г. Москве.

МАЧУЛИН Леонид Иванович родился 25 марта 1957 г. в селе Красный Оскол Харьковской области. Окончил филологический факультет Харьковского госуниверситета им. А.М.Горького (1987), аспирантуру философского факультета ХНУ им. В.Н.Каразина (2004). Член НСЖУ (1985), член Союза писателей России (2007). Работал в газетах, на радио, телевидении, книжном издательстве. Автор серии книг по истории Харькова.

Живёт в Харькове.

МЕЛЬНИЦКАЯ Инна Владимировна (Гаврильченко, урождённая Оскнер) родилась в Харькове в семье педагогов. Окончила Харьковский институт иностранных языков (1949) и аспирантуру при нём (1952). Занималась преподавательской деятельностью. Переводы её печатались в журналах «Прапор» (Харьков), «Радуга» (Киев), «Крокодил» (Москва), выходили отдельными изданиями в «Огоньке» (Москва), ЭКСМО (Москва) и др. Первая книга вышла в 1988 г. Её проза переводилась на украинский, белорусский, молдавский, мордовский и итальянский языки. Награждена итальянской юбилейной медалью Ass.Naz.Alpini (1943-1993). Лауреат международной премии им. Долгорукова, премии им. Б.Слуцкого, юбилейной премии журнала «Радуга». Член Национального союза писателей Украины (1997), Союза писателей России (2007). Живёт в г. Харькове.

ОМЕЛЬЧЕНКО Василий Михайлович родился в Украине в 1931 году. Детство, юность и молодость прошли в России, в Сибири. Служил в частях «Осназ». Член Национального союза писателей Украины и Союза писателей России. Автор более трех десятков книг: романов, повестей, рассказов и очерков. Лауреат Международного литературного конкурса «Вечная память», посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Лауреат республиканской премии имени В.Г.Короленко. Живет в г. Харькове.

РАДВАНСКАЯ Елизавета Сергеевна. Родилась 21 мая 1990 года в Киеве. Студентка Национального медицинского университета им. А.А.Богомольца. Живет в г. Киеве.

РЕУЦКИЙ Алексей Сергеевич родился в 1976 году в Харькове. Окончил биофак ХНУ им. В.Н.Каразина. Работает в Харьковском зоопарке. Автор трех книг о пернатых и городской фауне. Живет в Харькове.

ТРЕМОР Саша родился в Киеве в 1990 году. Живет в г. Киеве.

ЧУПИС Ирина Евгеньевна родилась в Москве в семье служащего. Окончила физ.-мат. ф-т Харьковского ун-та (1959) и аспирантуру при нем (1962). Доктор физ.-мат. наук, доцент. Дебютировала как переводчик англоязычной поэзии в 1995. Автор книги переводов: «Любви себя открой...» (1995), пьесы «Идеалисты. Харьков» (1997), нескольких сб. стихов. Живет в г. Харькове.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО. Трое из нашего микрорайона	8
Ирина ГЛЕБОВА. Кольцо с вензелем «Л»	57
Инна МЕЛЬНИЦКАЯ. Настасья и Настасики	84
Алексей РЕУЦКИЙ. Галки да вороны	113

ПОЭЗИЯ

Ирина ЧУПИС. Коловорот	3
Саша ТРЕМОР. Дети девяностых	49
Елизавета РАДВАНСКАЯ. Напомнить все	78
Алексей БИНКЕВИЧ. Мне страшно песнь оставить недопетой	103
Иван ВОЛОСЮК. Нам в этом мире тесно	145

ЮМОР и САТИРА

Владимир ГЛЕБОВ. Уберите светофор	163
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Екатерина КОРОТКОВА. Плач горожанки	152
Леонид МАЧУЛИН. Славянин и Славяне	169

РЕЦЕНЗИИ

Ирина ПОЛЯКОВА. Возвращение в русскую литературу	179
--	-----

МЕМУАРЫ

Юрий ГУБСКИЙ. Митько	187
----------------------------	-----

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

Биографические справки.....	205
-----------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№13

Гл. редактор Л.И. Мачулин

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 19.11.2012. Формат 70x108 1/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCondСТТ. Усл. печ. л. 27,30. Уч.-изд. л.
27,70. Изд. №1. Зак. №____. Тир. 500 экз.

Учредитель: 000 «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
Тел./факс (057) 705-27-56
e-mail: editor01@list.ru

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: серия ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331